

[Polaris]

ПАВЕЛ ШКУРКИН

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОСЬМИ
БЕССМЕРТНЫХ

Собрание сочинений

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXXXV

Salamandra P.V.V.

**Павел
ШКУРКИН**

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ВОСЬМИ
БЕССМЕРТНЫХ**

Собрание сочинений

Том II

Salamandra P.V.V.

Шкуркин П. В.

Путешествие восьми бессмертных. Сост. и подготовка текста М. Фоменко (Собрание сочинений. Т. II). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 227 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXXV).

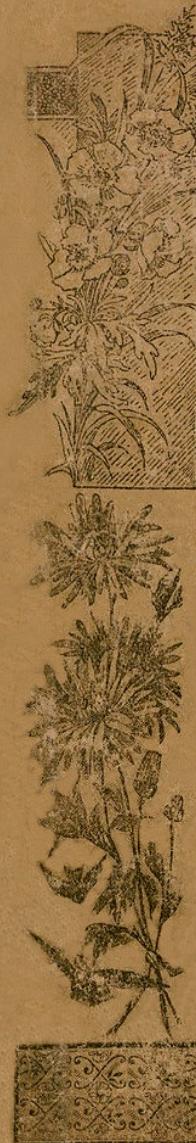
Настоящее издание — первое общедоступное собрание сочинений синолога и этнографа П. В. Шкуркина (1868-1943), одного из самых известных востоковедов русской эмиграции, многолетнего друга и соратника В. К. Арсеньева, с 1913 г. жившего в Китае, позднее в США. Сочинения Шкуркина, который собрал и перевел на русский язык множество китайских и корейских сказаний и легенд, до сих пор оставались известны лишь ученым либо выпускались минимальными тиражами по спекулятивным ценам, что препятствовало знакомству с ними широкого круга читателей.

Во второй том собрания вошли переложения классических китайских легенд и сказаний — народной «Легенды о Белой Змее», ставшей основой многочисленных драматических и оперных постановок, кинофильмов и т. д., а также знаменитого даосского сказания «Путешествие восьми бессмертных за море». Ни до, ни после работ П. В. Шкуркина эти основополагающие для китайской культуры произведения не переводились на русский язык.

БЕЛАЯ ЗМЕЯ

Китайская легенда

П. В. Шкуркинъ.

БЪЛАЯ ЗМЪЯ.

КИТАЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

ХАВАРОВСКІ.
Типографія Штаба Приморскаго военнаго округа.
1910 года.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Вере Ивановне
Крыжановской*

(J. W. R o c h e s t e r)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Китайская поэзия, особенно древняя, заключает в себе столько своеобразного, то страшного и отталкивающего, то трогательного и возвышенного, что она нашла бы себе массу почитателей среди европейцев, если бы китайский язык не был так труден для перевода.

Труд переводчика осложняется еще одним: китайская литература — это плюшкинская куча такой невероятной величины, что литература всех народов Европы, сложенная вместе, не сравнится с ней по объему.

Конечно, при отсутствии критики или какого-либо руководства крайне трудно сразу отыскать в этой куче жемчужину. Часто случается, что, потратив много труда на перевод какого-либо расхваливаемого китайцами произведения, приходишь наконец к убеждению, что с европейской точки зрения оно не отличается никакими достоинствами, и оканчивать перевод не имеет смысла.

Вот почему мы так мало знакомы с характером китайской изящной литературы, — особенно народного творчества.

Между тем, сказки, предания и легенды, передаваясь тысячелетиями из уст в уста, несомненно, гораздо лучше выражают собирательную душу народа, чем произведения одного автора, хотя бы и великого поэта.

Кроме того, почти в каждом таком народном произведении есть указания на какие-либо исторические события, иногда совсем не отмеченные официальной историей и теперь совсем забытые. Например, в предлагаемой легенде о Белой Змее рассказывается о необычайном наводнении, смывшем город Чжэнь-цзян, и упоминается еще об одном, еще более сильном, бывшем в древние времена, в эпоху борьбы Змеи с Царем лягушек, т. е. в эпоху мифическую, но когда низовья реки Ян-цзы-цзяна были уже заселены. Оба этих наводнения истории неизвестны. А между тем, геологические и орографические исследования нижнего течения Ян-цзы

указали, что вся теперешняя провинция Цзян-су и большая часть провинции Чжэ-цзяна — наносного и сравнительно недавнего образования; почти совершенно горизонтальная поверхность этой местности, перерезанная бесчисленным количеством протоков, речек и каналов, создавала всегда чрезвычайно благоприятные условия для наводнений.

Другое, более раннее наводнение имеет подтверждение более доказательное. Теперь нет никакого сомнения, что в древности река Ян-цзы-цзян впадала в море не там, где теперь, а значительно южнее; ее древнее устье — теперешний длинный, узкий Хан-чжоуский залив. Русло, оставленное великой рекой от города Чжэнь-цзяна до Хан-чжоу, легко проследить и сейчас: главный памятник, оставленный рекой после себя — это огромное озеро Тай-ху.

Так как это перемещение реки должно было совершилось, по предположениям китайцев, 3-4000 лет тому назад, — вернее всего, в 2297 г. до Р. Х., т. е. незадолго перед появлением китайцев на Ян-цзы-цзяне*, то нужно думать, что рассказ о великом наводнении, уничтожившем почти всех жителей этого края, китайцы услышали от оставшихся местных аборигенов — Цзин-маней. Это предание сохранилось и между поселившимися здесь китайцами и вошло в легенду о Змее — древнем духе этой местности.

В легенде действие начинается в древнем городе Цянь (вошедшем потом в состав города Хан-чжоу), продолжается в Су-чжоу (60 верст севернее), развивается в Чжэнь-цзяне (еще 60 верст севернее — все по древнему руслу Ян-цзы) и оканчивается опять в Хан-чжоу, у башни Лэй-фын-та.

Но основные элементы этой легенды, очевидно, старее постройки этой «Башни Громовой Стрелы», которая воздвигнута вдовой князя Цянь-шу во время правления Кай-юана 968-976 гг. (по другим данным — Кай-Бао), Сунской династии.

* Уже в VII веке до н. э. на устье Ян-цзы-цзяна существовало княжество У.

Башня была построена на холме Громовой Стрелы (откуда она и сама впоследствии получила название), где издавна уже обитали два духа: Белая Змея и Зеленая Рыба. Башня своим гигантским массивом придавила их обеих и навсегда лишила возможности приносить зло людям.

Через всю легенду красной нитью проходит борьба между даосскими и буддийскими божествами, причем победа, очевидно, на стороне последних. Это дает нам некоторое указание для определения времени возникновения элементов этой легенды. Очевидно, фабула легенды уже сложилась во времена Сунской династии (около 1000 г.) или никак не позже императора Хубилая (1280 г.), когда буддизм окончательно победил даосизм.

Существует еще легенда недавнего происхождения, которая говорит, что при императоре Цзя-цзине (1522) с вершины башни Лэй-фын-та высоко поднялись и исчезли в небесах три столба дыма, имевшие форму козлиных рогов. Это было прощение Белой Змеи и Зеленої Рыбы и превращение их вместе с Фахаем, их стражем, в небесных духов.

Из этого добавления видно, что, хотя вся легенда состоялась из нескольких преданий различной древности, но в предлагаемой редакции она явилась не ранее XVI столетия.

На канве ее написано много китайских пьес. Согласно традициям, сам император со всем двором должен присутствовать на представлении одной из них, по крайней мере, раз в год.

Это представление дается дворцовой труппой в императорском театре, причем зрителями является вся приглашенная знать. Вопреки строгому этикету, господствующему при дворе, на этих представлениях зрителям разрешается свободно выражать свои чувства и одобрение артистам. Наэлектризованные совершающимися на сцене действиями, зрители иногда настолько увлекаются, что актерам, играющим монахов — Мао-шаньского и Фахая, — приходится, кроме игры, следить еще и за публикой, чтобы увернуться от бросаемых в них предметов.

Предлагаемая легенда записана в городе Хан-чжоу, причем использован рассказ F. D. Cloud'a, бывшего американ-

ского вице-консула в Хан-чжоу, и книга Сю-сян-и-яо-цюань.

Всякое литературное произведение, подобное предлагаемому, по необходимости должно быть снабжено массой объяснений и комментариев, которые могут заинтересовать не только специалистов, но и широкую публику. Чтобы не затруднять чтения, все эти примечания вынесены в конец.

Автор, не придавая никакого значения литературной форме этой книги, считает, что объяснения и комментарии (в большинстве случаев не появившиеся в печати ни на одном европейском языке) дадут интересующимся гораздо более сведений о Китае, чем сам текст легенды.

В целях сохранения колоритности, многие места в легенде представляют почти дословный перевод китайских источников.

П. Шкуркин

Октябрь 1909 г.
г. Гирин.

I

На крайнем западе Китая, покрытом отрогами гор Тибета, в чудной, но недоступной местности провинции Сычуань, находится священная гора О-ми или Э-мэй.

Бесчисленные гроты и пещеры покрывают гору и ее окрестности; некоторые из них так велики и глубоки, что никто не мог достигнуть дна. Эти пещеры населены духами, оборотнями и демонами, и горе тому смертному, который без заклинания или священного амулета вздумает проникнуть в это волшебное царство!

Но из всех пещер нет большей, чем «Небесная пещера», и нет удивительней, чем «Гrot Чистого Ветра».

Давным давно, во времена седой старины, в Гrotе Чистого Ветра поселилась Белая Змея. Очищаясь нравственно от грехов жизни, просветляясь умственно, она тысячу лет провела в уединении и созерцании, стремясь к совершенству и бессмертию.

Темная сущность великого «Пути» — бездны, породившей все предметы, первопричины всех причин и первоисточника всего существующего — материального, нравственного и идейного, — уже начала проясняться перед ее умственными очами...¹

Однажды, стараясь проникнуть мысленным взором в сущность отношений людей к Высшим Существам, она вдруг вспомнила, что сегодня — праздник персиков, когда все боги и духи должны посетить великую «Древнюю Матерь», воскурить ей фимиам и от нее — Великой, Золотой Матери, Владычицы Запада, услышать слова, полные благости и великого разума².

Бесчисленный сонм богов, духов — владык земли и неба и божественно мудрых древних бессмертных царей, восседающих в драгоценном дворце Золотой Матери или наслаждающихся тенью под деревьями Персиков Бессмертия в волшебных садах ее, — предстал перед мысленным взором Белой Змеи.

Земные мысли и чувства были ей еще не чужды; она взглянула на холодные, скользкие стены своей мрачной пещеры — и ей стало тяжело от ее тысячелетнего одиночества.

И она решила сама принести поклонение Госпоже Матери.

Обитель Праматери³ находится в Тибете, на западных небесах, высоко над увенчанными вечными снегами вершинами Кунь-луня. Долог и труден путь туда, и человек не может свершить его.

Но Белая Змея, взывая к западным богам, вспрыгнула на проходившее облако, которое, повинуясь ее воле, со страшной быстротой помчалось на запад.

Скоро она была во дворце Цзинь-му.

Когда Белая Змея, преклоняя колени и воскуряя фимиам, приблизилась к сверкающему ослепительной белизной драгоценному трону, Великая Праматерь, обрадованная появлением редкой гостьи, протянула руки и, подняв Змею с земли, сказала:

— Белая Змея! Тысячу лет ты провела в пещере, стремясь к совершенству. Я давно желала тебя видеть, но не хотела прерывать твоего созерцания. Иди, вкуси персиков моего сада, и затем я скажу тебе, зачем я, руководя незаметно для тебя твоей волей, привлекла тебя к себе на Кунь-лунь.

Белая Змея, пораженная этими словами и тронутая добротой Цзинь-му, вспоминавшей о ней целую тысячу лет, — медленно пошла в сад. Она терялась в догадках — зачем она может быть нужна Великой, Мудрой Царице Запада?

II

Ни один земной властелин, ни один небожитель не имели и никогда не будут иметь таких садов, какими обладала Святая Праматерь. Цветы, растущие здесь, по красоте и аромату не имеют себе соперников, и ни один плод в мире не может сравниться вкусом с растущими здесь «персиками ду-

ши». Всякий, вкушивший этих «заоблачных» персиков, имеет право на бессмертие.

Белая Змея с восторгом смотрела на тени богов, скользивших между прекраснейшими деревьями и ароматными цветами; она в своей пещере совершенно отвыкла от подобного зрелища.

Прямо перед ней росло чудное персиковое дерево, сплошь усеянное крупными зрелыми персиками с совершенно гладкой кожицей. Змея сорвала один из них и вкусила его... Одуряющий аромат ударил ей в голову; ничего вкуснее никогда она не знала...

И тотчас земные желания и стремления проникли в ее сердце, и оно сжалось при мысли о необходимости возвращения в Гrot Чистого Ветра для продолжения своего подвига...

Вдруг неожиданно раздался голос сзади нее:

— Белая Змея!

Она быстро обернулась: это была сама Цзинь-му.

— Белая Змея, — продолжала Мать, — ты не вернешься в пещеру: ты останешься здесь и будешь хранительницей моего сада и этих «бессмертных» «ледяных» персиков!⁴

И жила Белая Змея у Цзинь-му триста лет.

III

В то время в городе Хан-чжоу, «части неба на земле»⁵, жил юноша по имени Сюй-Ханьвэнь. Фамилия Сюй была одна из самых старых и почтенных в Хан-чжоу. Но после целого ряда бедствий — войн, наводнений, пожаров и других потерь, — род этот находился теперь в очень стесненном материальном положении. Поэтому отдельные семьи этой фамилии не могли помогать друг другу, и каждый член ее был предоставлен самому себе.

Отец и мать Ханьвэня умерли, когда он был еще ребенком, и он попал на попечение к мужу своей старшей сестры.

Его шурин, сам человек бедный, не мог дать ему образования, и поэтому отдал мальчика в ученье к старому другу их семьи — доктору Вану, у которого была аптека.

Несмотря на свои детские годы, мальчик поражал своими успехами не только учителей в школе, в которую его определил Ван, но также и своим пониманием медицины. Он скоро мог различать все двадцать девять способов биения пульса, мог правильно приготовить пилюли и выскоблить больному язык ивовой палочкой.

Кроме того, он настолько усвоил ведение торговых книг, что сделался в аптеке серьезным помощником доктора Вана.

Прошло несколько лет, и дела аптеки, благодаря стараниям и настойчивости Ханьвэня, значительно расширились. Старик Ван искренне полюбил юношу и часто уговаривал его немного отдохнуть, развлечься, погулять со сверстниками; но Ханьвэнь ни разу, даже в праздник, не вышел из дома без какого-нибудь дела.

Приближался «праздник мертвых», когда каждый китаец должен оплакивать своих усопших предков на их могилах⁶.

Ханьвэнь вышел уже из детства и находился в таком возрасте, когда пренебрегать обычаями страны он уже не мог. Он решил посетить могилы своих предков, находившиеся близ Тянь-чжу⁷.

Совесть властно упрекала его за пренебрежение к священным обязанностям...

Ханьвэнь сказал об этом Вану. Старик охотно дал ему свое согласие на это путешествие и радовался, что у юноши пробудилось чувство долга.

Настал день поминовения. Ханьвэнь взял с собой кушанья, благовонное куренье и бумажные деньги.

Подойдя к главной могиле, он с южной стороны ее поставил на земле пять чашек с кушаньями, пятнадцать маленьких вареных на пару хлебцев в трех кучках и три крошечные чашечки с водкой. Вокруг этих яств он воткнул в землю ароматные свечи толщиной с гусиное перо, сделанные из сердцевины растений.

Сделав три земных поклона, он зажег свечи, которые только тлели, издавая своеобразный запах.

Ханьвэнь молился. Ему казалось, что его предок, лежащий неглубоко под землей, внимательно следит за ним, правильно ли он выполняет все священные обряды. И Ханьвэнь стал еще внимательнее, еще тщательнее следить за собою, чтобы по неопытности не сделать какого-либо упущения и тем самым не навлечь на себя гнев духа предка.

Потом он раздул огонь одной тлевшей свечи и зажег ею бумажный мешок, наполненный бумажными кружками, имеющими форму денег, и бумажными же изображениями слитков золота и серебра⁸.

Когда мешок разгорелся, Ханьвэнь стал на колени и, взяв обеими руками рюмку с водкой, поднял ее сначала над головой — как бы предлагая духам неба; затем сделал ею движение направо и налево — для духов земли, и наконец — выпил содержимое в огонь горевшего мешка — для усопшего.

То же сделал он и с кушаньями, выбрасывая их палочками в огонь и наблюдая, чтобы они, по возможности, вполне сгорели.

Делая затем три земных поклона, Ханьвэнь просил своего предка взглянуть на него милостивым оком и отвратить от него все грозящие ему беды.

Ханьвэнь, совершая эту церемонию в первый раз в жизни, вложил в нее всю душу; ему казалось, что он входит в общение с духом давно умершего, но близкого по крови покойника; и он чувствовал и страх, и какой-то необыкновенный подъем духа.

И вдруг ему показалось, что кто-то сказал:

— Слушайся всегда только своего сердца — и будешь счастлив!

Ханьвэнь не слыхал звуков этих слов, но ясно их понял, точно кто-то извне вложил ему ясный смысл их в его возбужденный ум.

Сердце его, как бы сжатое чьей-то холодной рукой, упало и на мгновение перестало биться. Он понял, что его предок видит, чувствует и понимает его, и готов охранять на предстоящем жизненном пути его, неопытного юношу.

Надежда сразу вернулась к нему; сердце радостно забилось, и Ханьвэнь, положив лишний, не положенный по пра-

вилу поклон, встал и направился домой в Хан-чжоу, светлый и радостный.

IV

В одно прекрасное весеннее утро Великая Праматерь потребовала к себе Белую Змею и сказала ей:

— Слушай, Белая! Сегодня кончается срок твоей службы. Я знаю твое сердце, знаю про тебя то, чего ты сама не знаешь, и поэтому должна расстаться с тобой. Сегодня же ты вернешься на землю; знай, что тебе суждено сделаться матерью величайшего светила поэзии, матерью земного бога литературы... Я просветлю твою память: вспомни, как однажды, пятьсот лет тому назад, ты мирно скользила между скалами у входа в свою пещеру. Ты не заметила, как отвратительный нищий подкрался, схватил тебя и хотел разбить тебе голову камнем...

На твое счастье, на тропинке, где годами не бывало людей, показался еще один прохожий. Это был добрый, почтенный и сострадательный человек, почти старик. Увидев тебя в руках нищего, он стал просить отпустить тебя. Но злой нищий хотел непременно убить. Тогда старик купил тебя у нищего, и заплатил два дяо — все, что у него было⁹.

Старик отпустил тебя на волю, благословляя богов, позволивших ему совершить добре дело.

По мере рассказа Цзинь-му, Белая Змея сначала как сквозь туман, а потом все яснее и яснее вспоминала и тот день, когда она, продрогнув в пещере, выползла на солнце и задремала, и ужасного нищего со зверской физиономией, в руках у которого она беспомощно извивалась, и старика с добрым лицом и каким-то особенным светом в больших черных, выпуклых глазах... Вспомнила, как она поспешно уползла, лишь только старик выпустил ее, даже не поблагодарив своего избавителя.

И даже теперь, через 500 лет, ей стало стыдно...

— Теперь, — продолжала Си-ван-му, — в прекрасном Хан-чжоу живет юноша по имени Сюй-Ханьвэнь. Завтра он совершает поклонение перед могилой своего предка — твоего спасителя. Ты и сейчас чувствуешь стыд в своем сердце, — вместо благодарности предку на словах, ты выйдешь замуж за потомка. Отправляйся скорее в Хан-чжоу. Ты узнаешь Ханьвэня по его высокому росту¹⁰. Ступай!

Белая Змея преклонилась перед Мудрой, Доброй и Всеведущей Матерью Запада.

Дул западный ветер. От снеговой вершины оторвалось ночевавшее там снеговое блестящее облако и поплыло мимо Белой. Она прыгнула на него и понеслась на восток, быстро опускаясь и минуя горы Кунь-лунь, и голую равнину Сицзана, и роскошное, изрезанное отрогами Тибетских гор, но еще безлюдное Четырехречие...¹¹

Это новое возложенное на нее дело наполнило ее сердце волнением и страхом перед забытой ею земною жизнью. И вдруг — как будто луч молнии озарил ее память: она с разительной ясностью вспомнила, что она еще ребенком видела несравнимый ни с чем по красоте город Хан-чжоу с его Западным Озером, достойным быть жилищем богов; вспомнила и зеленые холмы, и высокие пагоды, и ароматные сады святых храмов...

И ее сердце, из которого так долго изгонялось все земное, — затрепетало радостью при мысли о скором возвращении в эти чудные родные места¹².

Границы роскошного Чжэ-цзяна¹³ были уже в виду; обширная плодоносная равнина с рядами высоких холмов казалась совсем близко.

Вдруг прямо перед ней показалась тень; и вот, в тумане проносившегося мимо облака она увидела сурового Сюань-у (Чжэнь-у Бэй-цзи), бога Северного полюса. Он был у Великого Владыки всех миров, Юй-хуан-ди¹⁴, с докладом о делах людей. Но, так как он плохо видел то, что делалось на юге, то доклад его был не полон, и очи Великого Повелителя с упреком смотрели на нерадивого бога.

Раздраженный и гневный, возвращался он теперь домой, в необъятные выси севера — в Бэй-цзи, Северный полюс.

Бог, показавшись из своей воздушной колесницы, сразу узнал Белую по ее блеску.

— А, так вот это кто осмелился встретиться мне на пути! — рассердился бог. — Как смеешь ты, мерзкий скотский ублюдок, пользоваться божественными средствами для выполнения твоих гнусных дел и желаний, как ты решилась пользоваться дорогой богов и попадаться мне на этом пути?

Белая Змея страшно перепугалась. Она еще раньше много слышала про гневного бога, никогда не чувствующего сострадания или жалости и пользующегося своей страшной властью не только над людьми, но и над низшими бессмертными.

Смущенная и трепещущая, она не знала, как умилостивить Бэй-цзи; она стала на колени и умоляла о прощении.

— Отвечай мне, куда ты стремилась? — гремел бог в страшном гневе.

Белая поняла, что, скажи она правду, — она навлечет бедствия не только на себя и Ханьвэня, но, быть может, и на Великую Матерь. Страшный Бэй-цзи Сюань-у никому ничего не прощает! И Белая решила скрыть правду.

— Великий бог! Прости меня, что я осмелилась встретиться тебе на пути; но я не могла избрать другой дороги, потому что я должна была пользоваться попутными воздушными течениями, чтобы достигнуть Южного океана.

— Зачем ты стремишься туда? — спросил Сюань-у, сверкая холодным блеском своих никогда не дремлющих глаз.

— Ты, великий, знаешь, что я тысячу лет провела в пещере, стремясь к совершенству; много я передумала в это время и убедилась, что одного созерцания и самоуглубления мало: без любви и милосердия совершенства нельзя достигнуть. И я решила предпринять путешествие на Южный океан к великой Гуань-инь Пу-сы, славной богине милосердия, чтобы преклониться перед ней и просить ее, Матерь Доброты, наставить меня и разрешить мои сомнения.

В словах Белой о любви и милосердии свирепому Сюань-у послышался намек на его собственную злобу.

— Я не верю тебе, Змея, — сказал Бэй-цзи. — Твой путь был не на юг, а на юго-восток. Поклянись, что ты не лжешь!

Как ни тяжело было Белой давать ложную клятву, но Сюань-у внушал ей такой страх, что она готова была решиться на все, лишь бы спастись от него.

И она поклялась.

— Если ты только солгала мне, если ты стремилась не к Южному океану, к Гуань-инь Пу-сы, то помни, змеиное отродье: пусть Башня Громовой Стрелы раздавит твое мерзкое тело¹⁵!

Страшный Бэй-цзи-Сюань-у давно уже исчез, а Белая Змея, подавленная всем происшедшем и мучимая тяжелыми предчувствиями, долго еще оставалась на одном месте, ошеломленная, с сжатым сердцем, почти без чувств, без мысли и желания...

С земли до нее донеслось благоухание цветов и сразу привело в себя, напомнив о предстоящей ей миссии, и она понеслась дальше.

Скоро вдали показались увенчанные башнями холмы, окружающие обширный водный бассейн — Си-ху, «Западное озеро».

Вокруг озера на огромнейшем пространстве раскинулся великолепный город, равному которому нет и не будет в мире, весь перерезанный каналами, через которые было перекинуто двенадцать тысяч¹⁶ высоких каменных мостов.

Сердце ее билось, когда она проносилась над городом, в котором она вторично должна была начать жизнь.

Белая остановилась над Си-ху и, осмотрев внимательно острова и берега озера, выбрала для своего жилища какое-то огромное здание, казавшееся издали совершенно необитаемым. Она опустилась на внутренний двор, заросший густой травой.

Это был древний дворец, поросший мхом и лежавший в развалинах, но который был когда-то жилищем «Сына Неба». Валявшиеся повсюду обломки скульптурных изображений, изящные каменные балюстрады вокруг сохранившихся еще водоемов и выглядывавшие там и сям из-за деревьев поросшие мхом каменные изваяния мифических животных, — все указывало на былое великолепие дворца.

Он находился вблизи городских ворот, носящих назва-

ние «ворот струящегося золота»; вход в него был прегражден рвом, который наполнялся водой из Си-ху.

Дворец так понравился Белой своей красотой, заброшенностью и уединенным местоположением, что она решила поселиться здесь надолго.

Но, блуждая по обширным залам, чудным садам и извилистым дорожкам, она совершенно неожиданно встретилась с большой Зеленой Змеей. Своим умственным взором Белая проникла в ее душу — и тотчас узнала, что это не простая змея, а тоже высшее существо, хотя и низшего порядка, чем она сама, и вдобавок настроенная по отношению к ней очень враждебно.

Зеленая Змея, подняв гордо голову, сказала:

— Вежливость — украшение всякого разумного существа. Я давно живу здесь, и этот дворец — мой по праву первого завладения. Скажи мне, ты просила позволения войти сюда или я тебя приглашала?

Белая Змея сдержанно отвечала, что она должна жить в Хан-чжоу и что она выбрала жилищем себе именно этот дворец.

Зеленая, пришедшая в ярость от этих слов, закричала:

— А, если ты отсюда не хочешь уйти добром, так я заставлю тебя силой!

И она, свирепо сверкая зелеными глазами, бросилась на Белую.

Но она не рассчитала своих сил. Белая была гораздо сильнее ее, и после короткой, но отчаянной борьбы, обессиленная Зеленая лежала на земле, обвитая могучими кольцами Белой.

Раздосадованная неожиданным препятствием, Белая хотела умертвить противника, но Зеленая, изведав силу и могущество Белой, стала умолять пощадить ее жизнь.

— Я вижу, — говорила она, — что ты не простая змея, но существо гораздо выше меня самой; какую пользу принесет тебе моя смерть? Оставь мне жизнь, и я тебе вечно буду верной и преданной служанкой.

Белая подумала, что ей будет трудно жить одной, без помощницы, поэтому она пощадила Зеленую, и они посели-

лись во дворце вдвоем¹⁷.

Зеленая показала лучшие комнаты дворца, и они выбрали для себя большой круглый зал, где у Зеленои уже было устроено ложе из сухих ароматных трав. Зеленая, которая оказалась заботливой хозяйкой, почтительно поднесла своей новой госпоже чашку восхитительного чая, принесенного с границ западных небес.

Зеленая очень скоро узнала прекрасное сердце Белой, искренне полюбила и привязалась к ней; и Белая посвятила ее во все свои тайны.

На другой день, приведя свое жилище в порядок, обе змеи вышли прогуляться на берег озера по направлению к Башне Громовой Стрелы. Навстречу им шла масса людей, возвращавшихся с могил предков после поминовения. Напротив от них расстилалась гладкая водная ширь озера с разбросанными на нем чудными островами; деревья, наклонившись над водой, отражались в ней, как в зеркале и купали в воде ветви, сплошь усыпанные белыми и розовыми цветами. Прямо перед ними возвышалась красивая, но мрачная и страшная башня Лэй-фын-та, своим массивным основанием как бы вросшая в землю.

Белая, пристально вглядываясь в эти когда-то близкие ей места, старалась припомнить обстоятельства своего детства. Мысли вихрем кружились у нее в голове и, при виде башни, приняли мрачное направление.

«Вот это та самая башня, — думала она, — которая, если сбудется заклятие злого Сюань-у, должна раздавить мое тело... А оно должно сбыться, потому что Сюань-у властный бог; я же дала ложную клятву. Но — о, боги! — ведь вы же предопределили мне пройти еще раз жизненный путь на земле; я — только ничтожная исполнительница высшей воли; за что же меня так жестоко наказывать!»

Ее печальные мысли вдруг были прерваны Зеленоей.

— Смотри, — сказала она торопливо, дернув Белую за рукав, — что это там за молодой человек? Не он ли? Посмотри, как он высок и строен!

Белая взглянула и увидела красивого высокого юношу с черными выпуклыми глазами — теми же глазами, которые

смотрели на нее пятьсот лет назад, когда стариk выкупил ее у нищего...

— Он, он! — проговорила Белая задыхающимся голосом; но, собрав все свои силы, она победила волнение и сказала:
— Смотри, не забывай же, что меня зовут Сучжэнь¹⁸. Пойдем скорей: мы его обгоним, а потом медленно направимся ему навстречу.

— Но у нас здесь нет никого, кто мог бы нас с ним познакомить; и если женщина не может разговаривать с мужчиной, который не был ей представлен, то наше обращение к нему может показаться неприличным!

— Подожди минуту, — сказала Сучжэнь и махнула шелковым веером по направлению к западу.

Тотчас на безоблачном до тех пор небе показалась низкая черная гряда облаков; солнце скрылось и пошел проливной дождь¹⁹.

V

Совершив поклонение могилам предков, Ханьвэнь возвращался домой с сердцем, переполненным новыми ощущениями. Пролегавшая по берегу Си-ху дорога была сплошь обсажена магнолиями, абрикосовыми, апельсиновыми и еще многими другими деревьями, названий которых он не знал. Деревья сплошь были усыпаны розовыми и белыми цветами, удивительно нежными, радостными и неустойчивыми; природа с невероятной расточительностью залила цветами все — ветви, стволы, даже выступающие из земли корни; не было видно ни листьев, ни темной коры, ни земли, которую покрывал толстый слой осыпающихся при малейшем ветерке миллионов лепестков; но убыль их была незаметна: в диком стремлении вознаградить себя за зимний перерыв, деревья с нетерпеливой поспешностью на место каждого упавшего цветка торопились выронить два, три, пять, десять органов любви...

Ароматы — то неуловимые, чуть доносящиеся, то грубые, сильные, бьющие в нос и захватывающие дыхание, плотной завесой стояли в воздухе...

Пение бесчисленных птиц, которых здесь никто не беспокоил и которые тоже праздновали время любви, — наполняло воздух целым хаосом звуков, не смолкавшим ни на одно мгновение...

Ханьвэнь никогда еще в жизни не видел и не слышал ничего подобного. Он был ошеломлен, поражен и не мог дать себе отчета в своих чувствах. Вместо того, чтобы идти домой, в душную и смрадную аптеку, он, не замечая времени, почти до вечера гулял по берегу Си-ху, срывая цветы, вдыхая ароматы, слушая птиц и открывая все новые красоты во всем, что представлялось его восторженному взору.

Вдруг он заметил двух молодых девушек, одетых в изысканные одежды. Одна из них казалась госпожой, другая — служанкой. Когда они подошли ближе, Ханьвэнь подумал, что нигде в мире никогда не могло быть более прекрасных девушек. Он испытывал необычайное желание подойти к ним ближе, удостоиться их взгляда, дотронуться только до их одежды, — но обычай запрещал ему заговаривать с незнакомыми. Он мучился и волновался, но, боясь быть назойливым, не решался приблизиться к ним.

Ему было восемнадцать лет!

Вдруг пошел дождь. Оба чудных создания были без зонтиков, и дождь грозил превратить их шелковые вышитые платья в грязные обвисшие тряпки.

Ханьвэнь быстро подошел и предложил им свой зонтик.

После некоторого колебания они взяли его и, застенчиво поблагодарив, сказали, что они сейчас найдут крытую лодку и переедут на ту сторону озера. Ханьвэнь провожал их до пристани.

Дорогой он хорошо рассмотрел их обеих. Хотя меньшая ростом, казавшаяся служанкой, и была красива, но у нее было худощавое темное лицо и холодные, даже злые глаза; это еще более оттеняло необыкновенную красоту ее госпожи — высокой, стройной девушки с необыкновенно белым цветом лица и чудными, добрыми, глубокими таинственны-

ми глазами...

Когда они дошли до пристани, то крытой лодки не нашлось, и Сучжэнь (конечно, это была она) предложила Ханьвэню, не хочет ли он сопровождать их на тот берег в простой рыбачьей лодке. Ханьвэнь и сам мечтал об этом, но боялся предложить, и с восторгом согласился.

Во время переезда Ханьвэня поражали суждения девушки, обличавшие в ней глубокий ум и прекрасное знакомство с науками и литературой. Очарованному юноше весь переезд казался делом минуты, — хотя Си-ху в ширину не менее шести верст.

Когда они достигли противоположного берега, уже стемнело. Конечно, Ханьвэнь должен был проводить девушек до самого дома.

На их нетерпеливый стук в ворота, им открыл чрезвычайно представительный старик. Это был сам отец Сучжэнь, обеспокоенный долгим отсутствием девушек.

Сучжэнь рассказала отцу о любезности их спутника; старик так был благодарен Ханьвэню, что пригласил его переночевать.

— Все равно, — говорил он, — городские ворота уже заперты. Вам нельзя уже попасть в город, и придется искать пристанища в какой-нибудь скверной загородной гостинице. Лучше оставайтесь у меня, а утром рано вы вернетесь домой!

Ханьвэню ничего больше не оставалось, как согласиться на такое радушное приглашение.

Но спать ему в эту ночь пришлось мало. Старик-отец Сучжэнь, отставной генерал прошлого царствования, рассказывал Ханьвэня о его детстве, занятиях, родных и т. д., и сам рассказывал юноше много нового и интересного.

Прошло едва несколько часов, как они познакомились, ноказалось, что они знакомы несколько лет, — так они понравились друг другу.

Ханьвэнь заснул только после колокола второй стражи.

Едва он на другой день проснулся и вспомнил, что произошло вчера, как его позвали завтракать. Сучжэнь, вопреки обычаю, тоже присутствовала; старик-отец извинился перед гостем, говоря, что он, старый вдовец, не может теперь

обходиться без помощи дочери.

За завтраком Ханьвэнь несколько раз встречал взгляды Сучжэнь и прочитал в них такую ласку, такую негу, что мысли его невольно все время вращались около нее, и он иногда отвечал невпопад...

Завтрак кончился; и, как ни хотелось Ханьвэню оттянуть время, — но, наконец, он должен был идти.

Тогда старик позвал его в свой кабинет и сказал:

— Слушайте, Ханьвэнь! Я стар, и мне нужна опора. Я вас успел хорошо узнать, и лучшего зятя не желаю. Хотите ли вы жениться на Сучжэнь?

Словно какая-то волна подхватила юношу и колыхнула его. От радости он не мог говорить...

Но вдруг он вспомнил бедственное положение своей семьи — и его сердце упало.

— Отец мой, — сказал он печально, — это было бы такое счастье, о котором я не мог и мечтать. Но это невозможно! Я — бедняк, и все мои родственники так бедны, что мы едва можем существовать. Разве возможен мой брак с дочерью такого лица, как вы?

Старик благодушно улыбнулся.

— Не деньги делают человека, — сказал он, — а человек деньги!

С этими словами он вышел и скоро вернулся с несколькими тяжелыми слитками серебра в руках.

— Возьми это, юноша, — сказал старик, — и сделай необходимые приготовления. А затем приходи скорее, и мы назначим день свадьбы.

Ханьвэнь торопливо отправился домой с тяжелым серебром в руках, но — с легким сердцем, переполненным радостью. Мысли его неотступно витали около его милой невесты, и он думал, что в мире не может быть человека счастливее его. Он чувствовал потребность поделиться с кем-нибудь своим счастьем и пошел к сестре, чтобы излить перед ней свое сердце.

VI

В эту же ночь в Цянь-танском уездном управлении, «ямыне»²⁰, было совершено загадочное преступление: воры проломали заднюю стену в денежной кладовой и украли тысячу лян серебра в слитках. Никто из сторожей ничего не слыхал, хотя подобную работу без шума сделать невозможно. Удивительнее всего то, что сделанный пролом был настолько мал, что в него невозможно было влезть даже маленько-му мальчику; очевидно, нужно было действовать с улицы посредством какого-нибудь очень длинного орудия.

Но тогда каким же образом ворам удалось отпереть замки сундуков? Кроме того, 1000 лян серебра представляет из себя настолько большой вес, что одному человеку трудно унести такую тяжесть; очевидно, воров было несколько, что еще более затрудняло совершение кражи²¹.

Преступление открыл ямынский казначей, вошедший в кладовую. Тотчас дали знать начальнику уезда, который потребовал к себе хранителя ямынской казны.

Хранитель, по фамилии Чжу, ничего не зная о случившемся, немедленно явился к начальнику.

Пораженный вопросами начальника, он понял, что ему придется жестоко пострадать, и не столько за сам факт недостаточно бдительной охраны денег, сколько за то, что о краже он узнал чуть ли не последним из всех ямынских чиновников.

Несчастного хранителя серебра, даже не пытавшегося умилостивить разгневанного начальника, сначала поставили на колени на свернутую спирально железную цепь, а потом связали ему ноги, продели между ними палку и подняли вверх так, что он только головой и плечами касался земли.

И треугольная дубовая тяжелая палка сто раз опустилась на его подошвы, причиняя сначала страшную, резкую боль, а потом вызывая только ощущение обжога, как будто бы ему обливали ноги кипятком.

Конечно, он тут же с позором был выгнан со службы. И хорошо еще, что это дело кончилось для него так благопо-

лучно!

Этот Чжу был шурин Ханьвэня, муж его старшей сестры.

Когда Ханьвэнь, радостный и возбужденный, прибежал к сестре, то его поразили плач и вопли, раздававшиеся из дома. Сестра плакала не потому, что ее муж подвергся тяжкому наказанию — это в Китае часто случается и пятна на человека не кладет, — а потому, что его выгнали со службы «по денежному делу», и вновь на службу его нигде более не примут. Призрак нищеты и голодной смерти уже стоял перед ней. При взгляде на перепуганных детей, прижавшихся в угол, она рыдала все сильнее и сильнее...

Ханьвэню стало невыразимо жаль эту женщину, которая, уйдя в свою собственную семью, так долго была чуждой для него; ведь все-таки это была его родная сестра!

И он, скрепя сердце, решил отдать ей свое серебро, хотя этим он отдался от себя собственное счастье: где он снова достанет денег для приготовлений к свадьбе!

— Сколько всего украдено? — спросил он.

— Всего пропало двадцать слитков по пятьдесят лян, — отвечал ему Чжу.

Ханьвэнь вздохнул: у него было всего два слитка. Но он решил отдать их оба, чтобы облегчить положение шурина.

— Старший брат, — сказал Хань, — я готов помочь вам всем, чем могу, но у меня есть только два слитка — прошу, что так мало! Возьмите их и отдайте в ямынь; быть может, начальник смилостивится и даст вам службу, хотя бы на первое время и ничтожную.

Обрадованный неожиданной помощью с той стороны, с которой менее всего ожидал ее, Чжу схватил серебро и стал завязывать его в платок, чтобы тотчас передать в ямынь.

Но каково же было его изумление и испуг, когда на внутренней стороне каждого слитка, имевшего форму лодочки, он увидел казенное клеймо и написанные тушью характерным почерком ямынского казначея номер слитка и его вес!

У Чжу закружилась голова. «Значит, вор — это его собственный ближайший родственник, не побоявшийся осрамить его, Чжу, и не остановившийся перед гибелюю своей

сестры и ее детей!.. » И еще более тяжелая мысль сжала его сердце: « Да ведь я сам в глазах людей должен быть участником этого преступления! Правда, я сейчас отнесу это серебро в ямынь: ни один вор этого не сделает, — давать лишнюю улику против себя, — но люди так жестоки и слепы в осуждении ближайшего, что никто, даже ближайшие друзья, не рискнут заступиться за него... Не лучше ли оставить эти деньги у себя или отдать их Ханьвэню? Да ведь тогда-то я и сделаюсь на самом деле участником воровства! Нет, будь что будет, — а я отнесу деньги в ямынь!»

Такие мысли разрывали сердце Чжу на части в то время, как Хань рассказывал сестре о встрече с очаровательной девушкой, о знакомстве с ее почтенным отцом, о получении денег и о будущем счастье...

Сестра слушала его с изумлением. Тут только она заметила, что ее брат высок, красив и строен, и подумала, что, вероятно, какая-нибудь прелестница увлеклась им; ведь этих женщин много развелось с тех пор, как путешественники стали съезжаться посмотреть их чудный Хан-чжоу! Тогда делается понятным, откуда у брата взялось серебро. Конечно, юноша стесняется сказать правду, — а может быть, он и сам, по своей неопытности, не понимает, в чем дело...

Но ее муж, ставший более внимательным под конец рассказа Ханьвэня, думал иначе.

« Как он еще глуп, — думал Чжу, — что может сочинять такие неправдоподобные сказки! Неужели найдется хоть один человек, который может ему поверить! Конечно, опытные воры сделали его своим помощником: зная, что он мой родственник и должен от меня знать расположение денежной кладовой, ямыньские порядки и вообще все, что им нужно было знать для их дела, — они его выспросили, а может быть — даже заставили участвовать в краже. Ведь в эту ночь он не ночевал дома, в первый раз за 18 лет! И эти деньги — его доля в краже. Одно непонятно — почему он предложил их мне? Что это — жалость к сестре или крайняя глупость?.. »

И Чжу, с величайшим трудом передвигая свои избитые ноги, пошел в ямынь.

Получив деньги и расспросив Чжу, уездный начальник

послал солдат за Ханьвэнем. Юноше и в голову не приходило, что его могут заподозрить в краже; он спокойно рассказал начальнику о событиях вчерашнего дня.

Конечно, «сянь-гуан» не поверил ни одному слову Ханьвэня, но, тем не менее, взяв стражу, тотчас сам поспешил к тому месту, где, по точному указанию Ханьвэня, стоял «большой дворец» отставного генерала.

Вот — он будет сейчас здесь, за этой рощей...

Глядь, а на месте дворца — болотистый пустырь, а рядом — старый разрушенный храм, заросший травой и покрытый мхом.

Развалины были тщательно обысканы. Довольно большой четырехугольник, застроенный вокруг полуразвалившихся зданиями, был вымощен камнем. Посреди него стояло здание, сохранившееся лучше других построек.

Входная дверь отворилась от толчка, и все вошли внутрь.

Большая комната вовсе не казалась запущенной; наоборот, везде были видны ясные следы обитаемости, и казалось, что хозяева вот-вот войдут и спросят, что нужно здесь уездному начальнику и ямыньской страже?

Вдруг крик изумления вырвался из груди сянь-гуана: посреди комнаты на столе лежали нехватавшие девятьсот лян серебра; на всех восемнадцати слитках были казенные клейма.

Чиновник внимательно осмотрел все кругом, но ничего подозрительного не мог более открыть. Только легкий, чудный аромат носился в воздухе и слышался какой-то шелестящий звук, как бы от крыльев птицы.

VII

Ханьвэню был вынесен смертный приговор.

Но, так как все похищенные деньги были найдены, то было решено ограничиться теми двумястами ударами, которые он получил при первом допросе, и ссылкой его в Су-чжоу.

На облегчение приговора повлияли еще прекрасные отзывы соседей о безупречной жизни юноши и его крайняя молодость.

Кроме того, старый ямыньский чиновник, пользовавшийся уважением самого сянь-гуана, по просьбе последнего, внимательно разобрал все это странное дело.

Он заявил, что здесь непременно замешаны темные силы и, по всей вероятности, юноша только игрушка в их руках.

И старик долго и настойчиво внушал Ханьвэню, что впредь нужно быть осмотрительнее, и как опасно в другой раз попасться в руки колдунья.

Но Ханьвэнь на собственной спине знал это лучше его самого. И, вместо любви к прелестной девушке, он почувствовал злобу к колдунье.

Железную цепь, соединявшую шею Ханьвэня с закованными в деревянную колодку ногами, в тот же день сняли, и его выпустили из тюрьмы домой. Отправка его в Су-чжоу должна была состояться только через несколько дней, и ямынь не хотел тратить денег на содержание арестанта.

VIII

Когда Сучжэнь с первого же дня убедилась, что она страстно влюблена в Ханьвэня, то она решила как можно скорее выйти за него замуж.

К сожалению, он был только аптекарский ученик, бедняк, который и сам-то не мог еще самостоятельно существовать; чем же он будет содержать семью!

Но Сучжэнь была женщиной и не могла противиться своему желанию. Она решила добиться своего каким бы то ни было путем, и притом как можно скорей.

Во время долголетнего пребывания в пещерах далекого запада, постоянно соприкасаясь с невидимым миром и развивая свою волю, она приобрела тайные знания и волшебную силу не только над видимыми предметами, но и над духами низшего порядка, удел которых — служить высшим существам.

Эти духи обладают страшной силой над внешним, материальным миром и могут творить все, что подскажет им их ограниченная фантазия и бедный ум — до тех пор, пока они не встретятся с другой, более сильной волей.

Белой Змее было несложно превратить заброшенный храм в прекрасный дом, а единственного остававшегося в нем дряхлого монаха — в отставного генерала, своего отца. Затем она вызвала из тьмы пять низших духов и приказала им достать 1000 лян серебра.

Духи, проникнув в ямынский двор, навели волшебный сон на Чжу, который в эту ночь как раз был на страже; проломав стену кладовой со стороны глухого переулка, они похитили серебро и принесли его Белой Змее.

Сучжэнь никак не могла предвидеть того, что произошло. Когда она увидела, сколько горя и позора она причинила Ханьвэню, она испытала жесточайшие укоры совести. Она рада была бы сама перенести двести ударов, лишь бы избавить от них любимого человека, — но было уже поздно.

К счастью, о смертном приговоре и об отмене его она узнала очень быстро, иначе своими необдуманными действиями могла бы еще более повредить Ханьвэню.

Все это время Зеленая являлась незаменимой помощницей и другом Белой. Она внимательно следила за всеми перепетиями дела и доносила обо всем своей госпоже; она же уговорила Белую не предпринимать пока ничего, а дать всему этому делу немного утихнуть и забыться.

Белая, скрепя сердце, послушалась ее, и обе змеи переселились в «прекрасный Су».

IX

У Ханьвэня сжалось сердце при мысли, что он должен покинуть дом и своего верного друга, доктора Вана. Но старый доктор немного успокоил его, рассказав, что в Су-чжоу живет его старинный друг — тоже доктор, попечению которого он и хотел вверить юношу.

Поэтому, тотчас после прибытия в Су-чжоу, Хань разыскал старого доктора и передал ему рекомендательное письмо Вана.

Доктор Вэй очень любезно принял юношу; оказалось, что он когда-то был очень дружен с отцом Ханьвэня, что их тотчас же сблизило. Скоро они искренне полюбили друг друга, и молодой человек, с жаром принявшийся за привычное дело, быстро довел его до такого же процветания, как и в Ханчжоу, у доктора Вана.

Однажды вечером, когда народ уже расходился по домам и улицы пустели, Хань и Вэй стояли перед дверями своей аптеки, наслаждаясь вечерней прохладой.

Вдруг они увидели двух прекрасно одетых дам, направляющихся к ним. Когда те подошли ближе, то Хань узнал в них Сучжэнь и Зеленую.

Юноша снова почувствовал всю горечь пережитого, вспомнил советы старого цянь-танского чиновника, и ему страшно захотелось чем-нибудь обидеть, оскорбить подходившую к нему девушку.

— Зачем ты, ведьма, пришла сюда? Ты последовала за мной в Су-чжоу, чтобы снова преследовать меня и мучить? Ну, на этот раз ты ошибешься: один раз ты меня провела, но во второй это уже удастся!

Вэй не узнавал Ханьвэня, всегда такого вежливого и воспитанного.

Красота девушки произвела сильное впечатление на старика, и Сучжэнь сразу почувствовала в нем надежного союзника.

Девушка была поражена в самое сердце. Она так стремилась к нему, милому, возлюбленному, — и вот как он ее встречает!..

Она ничего не сказала, только подняла на юношу с мольбой и укором прекрасные, глубокие как ночь глаза, и крупные жемчужины покатились из них...

Сердце у Ханьвэня дрогнуло и забилось, и он скорей опустил глаза, чтобы не изменить себе.

Тогда Вэй, молчавший до сих пор и с негодованием смотревший на эту сцену, воскликнул:

— Ханьвэнь, ты ли это? Куда делись правила приличия, которым тебя учил мой друг, доктор Ван? Что бы сказал твой покойный отец, если бы услышал такие грубые слова из уст своего сына?!

Ханьвэню стало так стыдно, что он не сдержал своего порыва и, потупив глаза, молчал. Молчала и Сучжэнь, лишь изредка всхлипывая.

Чтобы прервать эту тяжелую сцену, поглазеть на которую уже стал собираться народ, Вэй попросил девушек зайти в аптеку.

Скоро Сучжэнь совершенно обворожила старика своим умом, а о Ханьвэне и говорить нечего: былая любовь вспыхнула в нем с новой силой.

С этого дня обе девушки стали ежедневными гостьями в аптеке и даже помогали старику: Зеленая — в хозяйстве, а Сучжэнь — в составлении лекарств. И удивительное дело: под их тонкими пальчиками дело шло во много раз лучше, чем у мужчин!

Тогда старый Вэй решил во что бы то ни стало женить Ханьвэня на Сучжэнь.

Согласие юноши на этот брак он получил гораздо скорее, чем думал, судя по их первой встрече...

Скоро была сыграна свадьба. Старый доктор подарил молодой порядочной сумму денег...

Но себялюбивые расчеты старика Вэя не оправдались: с первых же дней Сучжэнь заявила, что она хочет непременно жить отдельно, своим домом. Вэй был настолько хороший человек, что не только не препятствовал этому желанию, но даже помог Ханьвэню открыть собственную аптеку на другом конце города.

X

Проходили дни, месяцы, — но дела Ханьвэня шли из рук вон плохо. В Китае личное знакомство и связи купца с покупателями играют несравненно большую роль для успеха

торговли, чем у европейцев. У Ханьвэня здесь, в Су-чжоу, не было ни родни, ни знакомых, и почти никто не покупал в новой аптеке: никто не доверял знаниям неизвестного юноши.

Наконец, не только все деньги были проедены, но и большая часть платья была уже отнесена в ломбард.

Ханьвэн пришел в отчаяние.

— Если еще три-четыре дня наши лекарства не пойдут в ход — брошу эту несчастную аптеку и буду искать другое дело, — сказал он жене.

Сучжэн подошла к нему и, обняв его за шею, сказала:

— Дорогой мой! Исполни мою просьбу — и все будет хорошо.

— Говори, жена, — сказал немного удивленный Хань.

— Почему ты не займешься еще и медицинской практикой, вместо того, чтобы только продавать эти снадобья? — спросила она.

— Но ведь я так мало знаю медицину, хотя и учился у старого Вана, что в роли доктора еще меньше смогу рассчитывать на успех, чем теперь. Аптечное дело я все-таки понимаю, — возражал Хань.

— Не бойся: я многое понимаю в медицине, чему меня выучила Великая Матерь. В трудных случаях я всегда буду помогать тебе. Увидишь, что мы вдвоем добьемся своего.

На следующий день новая вывеска в виде длинной висячей доски появилась перед аптекой. На ней стариинным ученым шрифтом было написано:

ДОКТОР ХАНЬВЭНЬ.

Полная гарантия в излечении всех болезней.

Советы бесплатно.

Но народ все-таки обходил их...

Тогда Сучжэн решилась на злое дело. Однажды она без ведома мужа послала куда-то Зеленую, которая вернулась уже поздно и принесла с собой какой-то сверток. Это был страшный яд, неизвестный людям, но действие которого прекрасно знают змеи.

С наступлением ночи Белая послала Зеленую отравить этим ядом все колодцы в городе²².

Зеленая сделала все, как ей приказала Белая.

На следующее утро множество людей заболело одинаковой болезнью: голова горела, как в огне, режущие боли в желудке и опухоли в разных местах тела мешали ходить.

Народ бросился к докторам, но никто не мог помочь.

Вот когда пригодились знания Белой и те травы, из которых Белая Змея сделала себе ложе на облаке, когда отправлялась из жилища Цзин-му, и лекарственную силу которых Великая Мать открыла ей еще раньше. Эти травы обладали силой исцелять чуму²³.

Целые ночи напролет Ханьвэнь и его жена работали, приготовляя пилюли с целительной травой...

Кто случайно обращался в аптеку Ханьвэня за лекарством, тому он продавал свои пилюли. Больной, приняв их, выздоравливал почти моментально.

Слух об этом тотчас облетел весь город. Все бросились к Ханьвэню, который стал продавать свои пилюли на вес золота. Кто не хотел покупать — тот умирал.

Скоро вся улица около Ханьвэня, весь квартал, вся западная часть города были переполнены жаждущими получить хотя бы одну пилюлю молодого врача.

Хорошо, что Ханьвэнь с женой наготовили пилюль несолько ящиков!

Постепенно чума стала ослабевать, и наконец совсем прекратилась.

Ханьвэнь и Сучжэнь за это время не знали ни отдыха, ни сна; но зато народ буквально осыпал их серебром и золотом. Действительность превзошла самые радужные ожидания молодой четы.

Не нужно прибавлять, что Ханьвэнь сделался знаменитостью, почтенным и уважаемым гражданином Су-чжоу²⁴.

XI

Приближался праздник великого Яо-вана, бога медицины. В этот день все врачи и аптекари делают ему торжественное жертвоприношение, устраивают около храмов своего бога ярмарки, даровые театральные представления для народа и т. п.

Ханьвэнь, так много обязанный Яо-вану, хотел достойно возблагодарить своего покровителя. Он принес в храме тройную жертву и пожертвовал значительную сумму денег на храм.

В этот же храм на праздник пришел с горы Мао-шань даосский монах, известный волшебник и заклинатель. Имя его никто не знал.

Увидев Ханьвэня, монах внимательно посмотрел ему в лицо и, отведя в сторону, сказал:

— Послушайте, доктор! По вашему лицу я вижу, что вы находитесь под влиянием злых сил!

Пораженный Хань просил доброго монаха хорошенко исследовать его лицо — не откроет ли он чего-нибудь более определенного.

Осмотрев еще раз его голову и ощупав ее, монах сказал:

— Да, я вижу ясно, что власть колдуны тяготеет над вами. Берегитесь, злые чары опутали вас невидимой сетью и влекут вас к гибели. Спасайте себя, примите меры, пока еще не поздно!

— Что же я могу сделать, отец мой, — отвечал перепуганный Ханьвэнь, — когда я, ничтожный, не только не обладаю нужными знаниями, чтобы отогнать от себя дьявольскую силу, но даже не знаю, откуда и как она мне грозит!

— О, сын мой, — отвечал монах, — на то я, великий маошанец, и призван богами, чтобы оказывать услуги человечеству. Если хотите — я могу вам помочь. Но, конечно, отказываясь от всего земного для блага других людей, мне никогда заботиться о себе, и я беден...

— О, не беспокойтесь, отец мой; я человек состоятельный и щедро заплачу вам за вашу помощь.

Старый волшебник взял три узенькие полоски бумаги и написал на них три одному ему ведомых заклинания.

— Возьми эти страшные слова, — сказал монах, подавая бумажки Ханьвэню, — одну бумажку носи всегда у себя на теле, другую положи на притолоке над входной дверью, а третью ты сожги над чашкой с водой и, улучив минуту, выплесни эту воду в лицо той, кого ты подозреваешь в колдовстве. Если она оборотень — то моментально примет свой настоящий вид.

Ханьвэнь щедро заплатил старому даосу и пошел домой, мучимый самыми противоположными мыслями.

Но едва он вошел в дом, как Белая, благодаря своему дару провидения, при одном взгляде на лицо мужа узнала все, что было с ним в храме Яо-вана. Она увидела, что дело настолько серьезно, что она одна, своими собственными силами, не справится с ним.

Не теряя времени, она послала Зеленую в храм Черного Тигра⁴⁴ просить помощи у этого божества, сильнейшего между всеми животными-духами.

И, едва только Зеленая склонилась перед священным изображением Владыки Восточных Гор, как Белая тотчас почувствовала наитие таинственных сил, и ее могущество, ослабленное продолжительной жизнью между людьми, снова вернулось к ней, и еще в большей степени, чем раньше.

Тем временем Ханьвэнь, прячась от жены, точно выполнил все предписания монаха: одно заклинание лежало над дверью, другое висело на шее, а третье сожжено над чашкой с водой. И как только Сучжэнь повернула к мужу лицо, он выплеснул воду из чашки прямо ей в лицо...

Сучжэнь вскрикнула, и в тот же миг глухо зарокотал голос Черного Тигра:

— Разрушься, заклятье, разрушься!

Взволнованный Ханьвэнь думал, что это гром.

Возмущенная Сучжэнь сказала:

— А, муженек, дорогой, что это ты делаешь? Так вот как! Ты думаешь, что я ничего не понимаю? Старый бездельник из Мао-шаня дал тебе заклинание против ведьм и оборотней; ловко же он тебя провел! Он обманул тебя, как малень-

кого мальчика!

Таким образом знаменитый мао-шаньский колдун был посрамлен, и сила его заклинаний — уничтожена.

Но Белая не хотела простить монаху этот выпад против нее. Кроме того, ей было жаль денег, которые Хань заплатил монаху.

Доказав мужу самохвальство и лживость волшебника, Сучжэнь на другой день утром убедила его идти вместе с ней и Зеленою в храм Яо-вана.

— А, лживый колдун! — воскликнула Сучжэнь, увидев монаха на дворе. — Отдай сейчас же деньги, которые ты выманил у моего мужа!

Волшебник мог смириться с чем угодно, но отдать деньги — это было выше его сил. Он решил показать свою силу, запугать Сучжэнь, и тогда, конечно, он заставит ее принять свой настоящий вид; Ханьвэнь убедится в правоте его, монаха, и деньги останутся у него.

Он схватил стоявший тут же сосуд с водой, взял в рот воды и брызнул ею вверх.

На безоблачном небе тотчас показались черные грозовые облака; налетел вихрь, засверкала молния; раздались такие страшные удары грома, что, казалось, все рушится вокруг, — и целое море воды каскадами полилось на землю...

Ханьвэнь был оглушен, ошеломлен и с ужасом смотрел на Сучжэнь, которая бесстрашно и с вызовом смотрела на волшебника.

— Ха, ха, ха, — засмеялась Сучжэнь презрительно, — ты... ты хочешь борьбы со мной?

И она, махнув веером на запад, воскликнула:

— Сгинь колдовство, разрушься заклинание!

И ливень тотчас прекратился; раскаты грома замерли вдали, облака исчезли и напоенная земля радостно засверкала под лучами солнца.

Мао-шанец этого не ожидал. В первый раз он встречает могущественное существо, которое смеет состязаться с ним в чарах!

Вне себя от бешенства, он бросился в свою комнату и схватил обоюдоострый священный меч, который погубил уже мно-

го оборотней.

Но что это? Он не может обнажить блестящего, смертоносного клинка...

Незримо для монаха, Черный Тигр держал меч и не давал вынуть его из ножен.

Но колдун не смутился: у него были другие могущественные средства против всякой нечисти. Он схватил свою волшебную кисть, чтобы написать ею нерушимое заклятие против ведьм и чертей.

Но совершается нечто небывалое: кисть сделалась такой тяжелой, что он не может поднять ее.

Невольный страх и неуверенность в своих силах стали за끄ыватьсь в сердце непобедимого доселе мао-шаньца...

В отчаянии он бросился к священным лин-пай-цзам²⁵ — последнему и самому страшному оружию, один вид которых наводит трепет на всех духов. Стоит только монаху высоко поднять пай-цзы, обратив их против духа, — и все противное ему сгинет, всякое волшебство рассеется и враждебные духи — бегут...

Но волшебные таблички так плотно пристали к столу, что он, могучий мужчина, не мог стронуть с места эти две маленькие деревянные дощечки...

Ужас окончательно овладел сердцем монаха. Все средства исчерпаны им, — и он побежден. Уничтоженный и обессиленный, он упал в свое кресло, бормоча проклятия, угрозы и заклинания против ведьм...

Белая с торжеством, но зорко наблюдала за ним, чтобы отбить всякое нападение монаха. Но убедившись, что волшебник совсем обессилен, она приказала ему:

— Давай сейчас те деньги, которые ты выманил у моего мужа.

Монах с отчаянием в душе повиновался; он достал серебро и положил к ногам Белой.

Тогда она прошептала заклинание — и вдруг появились пять ужасных демонов. Они схватили волшебника, подняли его на воздух и так стали его бить, что вопли и стоны несчастного слышны были далеко от кумирни, заставляя прохожих в страхе бежать от этого места.

Наконец, монах стал умолять Белую пощадить его жизнь; тогда, по мановению ее веера, демоны исчезли.

— Ну, мао-шанец, — сказала Белая полуживому монаху, — убирайся вон отсюда; если наступающая ночь застанет тебя здесь — то пеняй на себя: с тобой случится нечто похуже, чем было сейчас!

Монах не мог больше сопротивляться. Не сказав ни слова, он ушел из Су-чжоу.

XII

Было утро, ясное и теплое. Это был день Дуань-ян-дзе, праздник Дракона, Возрождение Мужского Начала, день смерти великого Цзюэ-юаня²⁶.

Это великий, страшный день для всех духов тьмы, оборотней, ведьм, змей, скорпионов и других ядовитых гадов и насекомых. Ни один оборотень в этот день ни за что не решится появиться в людном месте, потому что всякий человек непременно имеет при себе священные растения или волшебный порошок сюань-хуан. А в присутствии этих божественных предметов всякое колдовство разрушается, духи теряют свою волшебную силу и все принимают свой настоящий вид.

Зеленая была осторожна. Сказав домашним, что она недлдорова, она легла в постель в темной комнате и просила не тревожить ее до двенадцати часов — это был час, когда кончается праздник. Но самонадеянная Белая сказала ей, что сама она не боится вредных для нее влияний, — и занялась домашними работами.

Но она чувствовала, что ее сила все уменьшается. Она напрягала всю свою волю, чтобы удержать свое могущество — но напрасно... Белая так измучилась в этой борьбе, что у нее сделалась жестокая головная боль и она тоже легла в постель.

Ханьвэнь, встревоженный внезапной болезнью жены, подумал, что ее укусило какое-нибудь ядовитое насекомое или

змея и бросился в свою лавку за лекарством. Через минуту он вернулся к жене с чашкой, полной серного вина.

Но Сучжэнь отказалась пить: она отлично знала действие такого вина в этот день для всех существ, имеющих, подобно ей, двойной образ.

Ханьвэнь, как обыкновенно большинство мужей в подобных случаях, — настаивал.

Как ни упрашивала Сучжэнь, как ни умоляла его оставить ее в покое, но Ханьвэнь, желая показать свою заботливость, продолжал настаивать.

Сучжэнь в это время была только слабая женщина; она не могла проявить ни обычного ума, ни твердой воли.

С отчаянием в душе, она, в конце концов, принуждена была проглотить немного страшного вина...

А Ханьвэнь, удовлетворенный сознанием, что он выполнил все обязанности хозяина дома и мужа, вышел на улицу.

Китайцы — большие любители всяких празднеств и зрелищ. Громадные толпы народа покрывали все улицы, набережные и мосты. Люди то двигались друг другу навстречу, как муравьи в муравейнике, с трудом протискиваясь вперед; то людская волна принимала одно направление и вливалась в какую-нибудь улицу, увлекая всех попадающихся ей на пути и заставляя их идти по своему течению, даже если они этого и не хотели.

Такой людской поток захватил и Ханьвэня. Долго он двигался вместе с ним, пока не был выброшен в какой-то сравнительно пустынный переулок. Но ему понравилась эта стихийность, эта утрата собственной воли в толпе, и он снова пошел бродить по улицам, площадям и каналам, любуясь процессиями, оживленными лицами и праздничными одеждами.

Только к полудню проголодавшийся Ханьвэнь вернулся домой.

Не найдя жены в одной комнате, он пошел в другую, зашел в спальню — Сучжэнь нигде не было. Хань был поражен: неужели она, утром совсем больная, так быстро поправилась, что вышла из дома?

Ханьвэнь громко звал жену — никто не откликался. Он поднялся в ее комнату, находившуюся на верхнем этаже, и

подошел к постели, закрытой занавесками,

«Не заснула ли она слишком крепко от вина?» — подумал Ханьвэнь и раздвинул занавески.

О ужас!

На постели лежала длинная белая змея с большой головой и страшными немигающими глазами, сверкающими огнем и издающими фосфорическое сияние; изо рта высовывались страшные клыки, с которых капала кровь и слюна...

Леденящий душу страх сковал все члены Ханьвэня. Впоприя в чудовище неподвижный взгляд, он не мог двинуться с места. Но когда змея подняла голову и медленно двинулась к нему, то, испустив крик ужаса, Ханьвэнь бросился было из комнаты, но в дверях упал замертво и покатился стремглав с лестницы вниз.

Услыхав страшный крик, Зеленая поднялась с постели и бросилась смотреть, что случилось. Увидев внизу распростертого Ханьвэня, она одним прыжком вскочила в комнату Сучжэнь. При виде Белой Змеи в ее настоящем виде, она сразу поняла, в чем дело, и сердце ее переполнилось жалостью к окаменевшей от горя Белой. Зеленая обняла ее и, сама заливаясь слезами, стала ее ласкать и успокаивать.

Наконец, Белая разразилась успокоительными слезами.

Вдруг Белая Змея исчезла, а на ее месте очутилась прекрасная Сучжэнь. Опасный праздник кончился, и к ней вернулось ее могущество. С криком: «Будь проклято это вино!» — она бросилась к Ханьвэню.

Как описать ее горе и отчаяние, когда она увидела, что сердце его не бьется и что она, она сама была причиной смерти горячо любимого мужа! Обезумев от горя, она с ужасными воплями билась у трупа, царапая себе лицо и вырывая волосы.

Но Зеленая сохранила присутствие духа. Удерживая Сучжэнь, она старалась ободрить ее.

— Слушай, госпожа, — говорила Зеленая, — разве время теперь предаваться горести? Торопись скорее исправить дело!

— Как исправить?! — воскликнула Сучжэнь. — Разве я могу вернуть жизнь дорогому мужу?!

Зеленая увидела, что горе отняло у Сучжэнь ее ясный ум и обычную находчивость.

— Неужели ты забыла, — сказала Зеленая, — что в горах Кунь-лунь, недалеко от хорошо тебе знакомой обители Древней Матери, находится также дворец «Древнего Старца», в садах которого растет чудесное «Дерево Жизни»?²⁷

Сучжэнь обрадовалась; надежда возвратить жизнь мужу вернула ей обычную энергию. Она быстро приготовилась к путешествию во дворец Шоу-сина, от которого она надеялась получить хотя бы малейшую веточку «Дерева Жизни», — от которой зависит все ее счастье.

Выйдя на крышу дома и вызвав своим веером свежий восточный ветер, она вспрыгнула на быстро несущееся облако и с сердцем, полным тревоги и надежды, помчалась к жилищу Шоу-сина.

XIII

Скоро Белая была у пещеры, через которую только и можно было проникнуть в сад Шоу-сина. Но, к ее несчастью, у самого входа в пещеру стоял на страже вечно бодрствующий Сянь-хао-тун-цзы²⁸ с поднятым мечом, готовый нанести смертельный удар каждому существу, вздумавшему проникнуть в сад.

Сучжэнь не растерялась. Она схватила одну жемчужину из висевшего у нее на шее ожерелья и со страшной силой бросила ее в стражу. Жемчужина попала ему в лицо; из носа брызнула кровь.

Хао-тун схватился за лицо и растерялся от неожиданности; Белая воспользовалась этим моментом и хотела проникнуть в сад.

Но Хао-тун-цзы уже ясно видел Белую. Он громко закричал, вызывая Старца:

— Великий Отец! Поганый оборотень хочет пробраться в сад! Вероятно, думает что-нибудь украсть!

Старый Отец, привлеченный страшным криком Хао-ту-

на, появился у входа в пещеру; но он рассмотрел только, как какая-то колдунья огибала покрытую снегом вершину горы.

Старец, обыкновенно такой спокойный и доброжелательный, на этот раз страшно рассердился, увидев окровавленное лицо своего верного стража; схватив свою сеть, избежать которой никто не может, он бросился в погоню.

Могучий бог скоро догнал усталую Змею и накрыл ее огромной сетью. Как рыба в неводе забилась Белая, охваченная предсмертной тоской, когда гневный бог хотел ударить ее о скалы.

И слова — не то ропота, не то молитвы пронеслись в мозгу несчастной:

«Ом мани падме хум! О, Милосердная, где же ты?!»

И в тот же миг около нее появилась Гуань-инь-пу-сы²⁹, которая возвращалась от Си-ван-му; и, как небесная музыка, раздался ее божественный голос:

— Не обижай Белую Змею!

Шоу-син, в сущности, был добрый и доброжелательный бог... Гнев его уже остыл; вдобавок, заступничество самой богини милосердия показывало, что перед ним — не один из простых ничтожных оборотней, которыми переполнены горы и леса, а существо высшего порядка, судьбой которого интересуется сама Гуань-инь-пу-сы.

— Что тебе нужно было у меня, Змея? — спросил Древний Старец.

Белая, видя устремленный на нее сострадательный взгляд великой Гуань-инь, со слезами на глазах откровенно рассказала все, что с ней случилось.

— Ах, несчастная, — воскликнула Гуань-инь, растроганная ее рассказом, — иди скорей за эту гору! На той стороне ты найдешь «Дерево Жизни». Ты сразу его узнаешь по его особенному виду; сломи ветку — но только одну, и возвращайся скорее домой. Она вернет жизнь твоему мужу!

Старец раскрыл сеть. Белая бросилась к указанному Милосердной месту и без труда нашла «Дерево Жизни». Задыхаясь от радости, она сорвала одну ветку; потом, прыгая и перескакивая с одного неба на другое, в восторге, что она может вернуть жизнь Ханьвэню, — помчалась в обратный путь.

Но несчастья преследовали Белую. Не успела она сделать и тысячи ли, как вдруг высоко над собой, на темном небе, она заметила черную точку. То на страшной высоте парил Феникс. Он уже увидел Белую и быстрее стрелы помчался за ней.

Уже слышался свист воздуха, рассекаемого могучими крыльями, — и Белая совсем близко увидела страшную птицу. Она пришла в ужас; голова ее закружилась, она потеряла равновесие — и упала стремглав на землю.

Великий Феникс камнем бросился за ней и открыл уже свой громадный клюв, чтобы проглотить ее...

Но в этот миг их покрыла огромная тень и раздался властный голос:

— Не трогай Белой Змеи; если ты причинишь ей хоть малейший вред, то возбудишь праведный гнев великого Будды. Ей суждено сделаться матерью величайшего ученого, земного воплощения бога литературы!

Так говорил страж верховного Будды, Белый Орел, «Птица с золотыми крыльями»³⁰.

Но разбитая Змея не могла шевелиться. Тогда Белый Орел прошептал заклинание — и силы вернулись к ней. Сам Орел помог Белой взойти на облако.

— Спеши, — сказал он, — чтобы не было поздно!

И Белая помчалась далее к благословенному Хан-чжоу, где вся ее радость, все ее счастье лежали в виде неподвижного трупа.

Вот и ее дом; изнуренная волнениями и обессиленная потерей крови, Белая едва имела силы, чтобы открыть дверь. Зеленая, ни на минуту не спускавшая глаз с окна, радостно встретила ее. Она взяла у Сучжэнь животворящую ветвь, положила в новый чайник и поставила на очаг; а сама, тревожимая одной мыслью, вернулась к Сучжэню.

— Слушай, госпожа, — сказала Зеленая, — как же ты думаешь устроить свою дальнейшую жизнь? Разве будет тебя любить муж после того, как видел тебя змеей; разве он будет тебе доверять?

Сучжэнь заплакала:

— О да, как я раньше об этом не подумала!

Но не напрасно же Сучжэнь была мудрым духом; через минуту она успокоилась и сказала:

— Ага, я догадалась! Принеси мне сюда из моей комнаты белый платок.

Зеленая не знала, что хочет делать Сучжэнь, но она верила в могущество Белой. Она принесла платок и передала его госпоже.

Белая взяла платок, прошептала несколько магических слов, дунула на платок и бросила его на пол.

И вдруг огромная белая змея с шипением поползла по комнате, ища выхода.

— Убей ее, — приказала Сучжэнь Зеленои, — и брось в саду.

Служанка поняла план своей госпожи. Она исполнила приказание и тотчас вернулась к очагу.

Между тем, в чайнике уже кипела красная, как кровь, вода.

— Готово! — с торжеством воскликнула Зеленая и понесла чайник к Сучжэнью, которая уже хлопотала около трупа мужа.

Женщины осторожно разжали зубы Ханьвэню и сквозь его бледные губы влили немного красного настоя дерева жизни. Тело тотчас стало теплеть; еще несколько капель — сердце забилось, на щеках заиграл румянец, веки дрогнули и глаза открылись.

Ханьвэнь как бы проснулся от глубокого сна и, потягиваясь, расправлял онемевшие члены.

Увидев вокруг себя необычайную обстановку и хлопотавших женщин, — он вдруг сразу все вспомнил.

— Ведьма, черт! — закричал он, смотря со страхом на жену. — Ты, змея, опять приносишь мне горе и страдания! Я теперь видел, кто ты!

Сучжэнь зарыдала, простирая к нему руки. Она была так прекрасна и так трогательно просила выслушать ее, что в сердце Ханьвэня закралось сомнение: что может быть общего между ней, его прекрасной Сучжэнью, и той страшной змеей?

А Сучжэнь, следя за его мыслями, говорила:

— Вы были на гулянье, Зеленая спала, а я вышла на минуту на задний двор. Вдруг я слышу страшный крик — ваш крик. Я бросилась в дом и вижу вас лежащим внизу, у лестницы; а наверху, в моей комнате, слышу крик Зеленои, которая прибежала туда еще раньше меня. Я вбежала наверх и увидела ужасную белую змею, которая во время моего отсутствия заползла, вероятно, из сада. Мы с Зеленои едва ее убили и выбросили в сад, а затем в смертельном страхе бросились к вам, думая, что ядовитая змея вас укусила. Но, осмотрев вас и не найдя нигде раны, мы убедились, что, к счастью, она вас только испугала. И вот теперь, когда нам удалось привести вас в чувство, вы говорите ужасные слова! Нужели ваш ум так потрясен, что вы не можете отделаться от страшного впечатления!

Ханьвэню стало стыдно, что женщины оказались храбрее его и смотрят на него, как на боязливого ребенка. Но все-таки он вышел в сад, чтобы посмотреть, правду ли сказала Сучжэнь.

Увидев труп громадной белой змеи, — Ханьвэнь окончательно поверил жене; все сомнения его остали. К тому же, она была так нежна, так прекрасна...

Ханьвэню стало стыдно своих жестоких слов, и он мысленно дал себе клятву быть в другой раз осмотрительнее.

И семейная жизнь молодой четы потекла длинным, спокойным и глубоким руслом.

XIV

Но — не верь долгому счастью. И чем полнее оно — тем беда ближе; чем безмятежнее — тем горе будет глубже.

Искусство Ханьвэня создало ему громкую славу. Не было врача лучше его. А золото никого так не любит, как евнухов и знаменитых докторов, и течет к ним, как вода в воронку.

Так, например, незадолго перед приключением, едва не стоившим ему жизни, Ханьвэнь был приглашен к одному важному сановнику, у которого уже давно была больна лю-

бимая жена. Все другие врачи приговорили ее к смерти, но Ханьвэн взялся лечить и, к великой радости мужа, она скоро совсем выздоровела. За это чиновник подарил Ханьвэню 5000 лян серебра.

Словом — молодой доктор очень скоро сделался богатым человеком.

Успехи Ханьвэня и его быстрое обогащение возбудили к нему смертельную зависть и злобу со стороны всех остальных докторов в городе, и они всеми силами старались повредить ему. Но это было довольно трудно сделать, потому что Ханьвэн во всех своих деловых сношениях был честнейшим и аккуратнейшим человеком.

Однажды в клубе врачей случайно сошлись самые заклятые враги Ханьвэня. Естественно, беседа скоро перешла на общего недруга, — и они почти целый день толковали, каким бы способом погубить этого пришельца, как язва свалившегося им на головы.

Наконец, объединенными усилиями был выработан следующий план действий:

— Завтра, — говорили они, — день, в который, по древним обычаям, именитые горожане приносят жертвы духам-покровителям города. Скажем молодому выскочке, что теперь его очередь принести жертву. Он — пришелец, не здешний уроженец, и пришел сюда чуть ли не нищим; а в жертву должна быть принесена какая-нибудь старинная и дорогая вещь, доставшаяся по наследству. Откуда же он возьмет такую вещь? Конечно, он или купит ее — мы тотчас это узнаем и уличим в подлоге, или — откажется принести жертву. В обоих случаях мы обвиним его в оскорблении богов и выгоним из города.

Так и сделали.

Ханьвэню было послано уведомление в самых льстивых выражениях, в котором общество врачей приглашало его, как почетного своего члена, выполнить в этом году старинный обычай и принести богам-покровителям в жертву какую-либо достойную их вещь, доставшуюся ему по наследству.

Ханьвэн пришел в отчаяние и не знал, что ему делать.

Но Сучжэнь успокоила его.

— Можно ли волноваться из-за таких пустяков? — говорила она. — Мои предки оставили мне несколько старинных вещей; выбери любую из них и отнеси завтра в храм.

Успокоенный Ханьвэнь лег спать.

На другое утро Сучжэнь дала мужу несколько вещей, за--вернутых в бумагу, и Ханьвэнь отнес их в храм, к великому огорчению уже собравшихся там докторов и аптекарей.

Но изумление их достигло высших пределов, когда при--несенные вещи были развернуты. Это были: курильница, вазочка и плоский колокол, сделанные из нефрита. Вне вся-кого сомнения, это были очень древние вещи, поражавшие изящностью и красотой, огромной ценности.

Весь город сбежался смотреть на эти редкости, выстав-ленные в храме на почетном месте.

Прошло несколько дней. Молодая чета вздумала уст-роить празднество в честь их старого друга и покровителя — доктора Вана.

Никто из приглашенных не хотел отказаться; знакомые и соседи переполнили дом Ханьвэня и хвалили его убран-ство. Сучжэнь не могла противиться женскому тщеславию — и пригласила гостей в свою комнату посмотреть редкие ста-ринные вещи.

Гости были поражены при виде драгоценных предметов, сделанных из нефрита, ляпис-лазури, малахита, золота, се-ребра и бронзы. Все они поражали своей красотой, и многие из них, по словам знатоков, относились к временам дина-стии Чжоу³¹ и даже древнее. Гости пробовали определить огромную ценность всей коллекции, любовались, завидова-ли...

Сам Хань в глубине души удивлялся, как он раньше не видал этих вещей у Сучжэнь?

В числе гостей был один чиновник губернаторского ямы-ня. Он долго и внимательно молча рассматривал все вещи и, наконец, сказал Ханьвэню:

— Мне очень жаль огорчать вас и расстраивать ваш пра-здник. Но я получил категорическое приказание отобрать у вас все эти вещи и именем императора арестовать вас!

Нет слов для выражения чувств Ханьвэня в эту минуту. Он был поражен, ошеломлен, раздавлен стыдом, особенно когда узнал от чиновника, что все эти редкости недавно украдены из императорского дворца...

Ханьвэня отвели в ямынь; допрос ему делал сам Чжи-фу³². Хань заявил, что все эти старинные вещи получены в наследство его женой.

Чжи-фу тотчас послал за Сучжэнь, чтобы допросить ее, каким образом попали к ней эти вещи.

Посланный скоро вернулся и заявил, что дома у доктора Ханя никого нет.

Несмотря на тщательные розыски, ни Сучжэнь, ни ее служанки нигде не могли найти.

Но такое вопиющее дело, как кражи из императорского дворца, не могло оставаться безнаказанным. Поэтому Ханьвэнь был обвинен если не в самой краже, то в соучастии, — и был приговорен к смерти.

Казнь отложили до следующего дня. Ночью Чжи-фу долго не спал, тревожимый необъяснимыми странностями этого дела. Кроме того, Ханьвэнь именно ему, Чжи-фу, еще недавно вылечил жену; и не одной ей, но и многим другим в городе молодой доктор спас жизнь...

Чжи-фу был человек справедливый и мягкий. Он не мог примириться с произнесенным им же самим приговором; рано утром он потребовал к себе этот документ и уничтожил его.

Чем больше Чжи-фу вникал в дело, тем больше убеждался, что жена Ханьвэня — колдунья, которая посредством волшебства похитила вещи из дворца, и что Ханьвэнь не только не виноват, но, скорее, сам является жертвой.

Смертная казнь Ханьвэню была заменена ссылкой в город Чжэнь-цзян.

Прошло довольно много времени, пока двери тюрьмы отворились для Ханьвэня, и то только для того, чтобы отправить его в изгнание.

К счастью, у доктора Вана в Чжэнь-цзяне был друг, старик, тоже доктор, по фамилии Чжэн. Ван написал Чжэну убедительное письмо, прося приютить несчастного моло-

дого человека, которого преследует судьба.

Ханьвэнь поселился у Чжэна. Но перенесенные им страдания, унижения и тяжелое тюремное заключение подорвали его организм. Он заболел.

Трудно было сказать, что это была за болезнь. У него ничего не болело, но он бледнел, худел, почти ничего не ел, ничем не интересовался и таял с каждым днем. Старый Чжэн и другие приглашенные им доктора должны были сознаться, что они бессильны против этой болезни.

Ханьвэню делалось все хуже и хуже. Он не мог не только встать с постели, но даже сидеть.

Сердце Чжэна обливалось кровью. Он ясно видел, что Ханьвэню, которого он успел полюбить, осталось жить не более двух дней.

Поглощенный целиком грустными мыслями, старик проходил по давно знакомой ему улице. Вдруг он остановился у дверей богатой аптеки, которой раньше он никогда не видал. Эту аптеку только недавно открыли две женщины, и старик, всецело погруженный в заботы о больном, не знал этого.

«Почему бы здесь не попытать счастья?» — подумал старый доктор и вошел в аптеку.

Его встретила красивая женщина, внушившая ему доверие своими уверенными манерами и толковыми расспросами. Старик рассказал ей все, что знал про больного.

Женщина сказала, что хорошо знает эту болезнь и даст от нее верное лекарство.

Чжэн не очень-то верил в полученное лекарство; но ему не оставалось выбора, — и он поспешил домой.

Ханьвэнь был так плох, что ночью можно было ожидать его «возвращения на Запад»³³.

Старик дал больному лекарство так, как указала ему женщина-врач.

К удивлению и радости Чжэна, утром Ханьвэнь мог сидеть на постели.

После второго приема лекарства, в полдень, Ханьвэнь плотно поел вареной рыбы с рисом. А через два дня был совершенно здоров.

Удивленный сам таким быстрым выздоровлением, он, как врач, заинтересовался, каким лекарством лечил его Чжэн и где он его достал.

Старик указал ему аптеку, и Ханьвэнь пошел туда.

Какая буря самых противоположных чувств поднялась в его душе, когда за прилавком он увидел прекрасную Сучжэнь, протягивающую к нему руки, с глазами, полными ласки, мольбы и слез!

Ханьвэнь убежал. Видя его таким взволнованным, Чжэн стал его расспрашивать и скоро узнал все, что случилось. Старик много слышал о духах, колдунах, превращениях и т. п., но сам никогда не видел ничего таинственного и потому не очень-то верил в реальность рассказа юноши. Он подумал, что Ханьвэнь все это видел в бреду во время болезни и до сих пор не может отделаться от этого впечатления.

Старик пошел к Сучжэнь и поговорил с ней. Она окончательно убедила Чжэна, что ее муж, Ханьвэнь, одержим душевной болезнью: по временам он воображает, что его преследуют духи, волшебницы, змеи и т. п.

Старый доктор был так очарован красотой и умом Сучжэнь, что решил во что бы то ни стало примирить молодую чету. Ханьвэнь был так восстановлен против жены, что сначала не хотел ничего слышать о Сучжэнь, но потом, благодаря настойчивым и благоразумным доводам старика, «слух его стал мягче». Сучжэнь часто встречалась с мужем на улице: она знала обаятельную силу своей красоты...

Словом, не прошло еще и недели, как Ханьвэнь и Сучжэнь жили уже вместе под кровом старого добряка Чжэна.

XV

Посреди Великой реки, против Чжэнъ-цзяна, есть остров Цзинь-шань³⁴. На этом острове находится знаменитый буддийский монастырь. Но знаменит он не красивым местоположением, не древностью, не богатством, а тем, что он служит жилищем великому Фахаю. Не было между смертны-

ми волшебника сильнее, чем Фахай; не было у Будды слуги послушнее Фахая.

Исполняя веления великого Неба, Белая Змея забыла, что она — только орудие божественного Промысла, глина Вечного Ваятеля, камень в руках Зодчего. Заботясь только о своем личном земном счастье, она совершила столько беззаконий, что терпение милосердного Будды истощилось.

И повелел Будда своему слуге Фахаю наказать Белую Змею за все грехи ее.

Однажды доктор Чжэн и Ханьвэнь отправились на Цзиньшань. Удивительный вид развернулся перед ними: на востоке — громадная водная поверхность, разлившаяся на необозримое пространство и отражающая утреннее солнце прямо им в лицо целыми потоками горячего расплавленного золота; на западе — широчайшая голубая лента реки, которую остров «Серебряный» своими скалами прижимает к горе, выдвинувшейся на самом берегу реки навстречу острову; направо, ближе, — холмами прижат к берегу город, опоясанный серой зубчатой стеной и окруженный раскинувшимися на огромное расстояние предместьями. Левый берег чуть виден в сизом тумане; ни малейший шум не долетает сюда, до той высоты, где они стояли...

Славное место выбрали монахи: и красиво, и близко от людей, и тихо-тихо, — это главное.

Безотчетная грусть незаметно овладела сердцем Ханьвэня. В последнее время Сучжэнь стала прихварывать; ее характер, прежде такой ровный и мягкий, сильно изменился; временами она делалась капризной, злой и всячески придирилась к мужу. Не далее, как сегодня, она осыпала его упреками и насмешками за его бесхарактерность и легковерие; называла его тряпкой, которой может вытирать грязь всякий, кто только захочет.

Неприятное, тяжелое чувство против жены овладело Ханьвэнем. Он вспомнил все горе, все обиды, которые причинила ему Сучжэнь, и злоба, а вместе с тем и какая-то боязнь к ней все росли в нем. Какая разница между его домашней жизнью, с упреками и ворчанием жены и с этими неподвижными злобными глазами проклятой жениной служанки, —

и этой тишиной, спокойствием, красотой на «Золотой Горе»...

Ханьвэнь не заметил, как на скале их оказалось трое. Ему показалось, что этот третий — уже давно тут, с самого начала, как они пришли; нет, даже раньше — он его чувствовал в себе уже несколько дней, а может быть... Да что же это? Его сердце и ум раскрывались, как мешок, и кто-то с силой вкладывал туда мысли, чувства и ощущения, совершенно чуждые ему до сих пор...

Ханьвэнь обернулся и со страхом посмотрел на него. Это был монах, высокого роста, очень худой, с бритой головой, неопределенного возраста, с добрыми морщинками вокруг глубоких блестящих глаз, но с непреклонной складкой в углах сжатых губ. Четырехугольный выдающийся подбородок обличал громадную силу воли.

«Фахай!» — мелькнуло в уме Ханьвэня.

Монах улыбнулся.

— Да, это я, — сказал он. — Здравствуй, мой друг!

Томление и чувство неопределенности сразу пропали у Ханьвэня, как только заговорил Фахай; но зато он почувствовал, что у него вовсе нет своей воли. Ему хотелось говорить и поступать так, как хочет этого проникший ему в душу высокий монах.

— Ты, старик, — обратился Фахай к доктору Чжэну, — ступай домой и забудь, что был здесь!

Старый доктор поклонился монаху и ушел.

— Слушай, юноша, — сказал Фахай Ханьвэню, — я вижу твоё сердце. С первого раза, когда я увидел румянец на твоем лице, я узнал, что тебя давно уже мучают и волнуют ведьмы. Знаешь ли ты, с кем ты живешь? Ведь твоя жена — Белая Змея из Гrotа Чистого Ветра! Из-за нее ты много раз был на волосок от смерти; и теперь, если ты не избавишься от этого злого оборотня — ты непременно погибнешь.

— Отец мой, — воскликнул Ханьвэнь, — ты знаешь, что я слаб и безволен; помоги мне!

Фахай в упор посмотрел на Ханьвэня, но, кроме безграничной преданности, ничего не прочитал в глазах его.

— Обещаешь ли ты слушать меня беспрекословно? — гре-

мел монах, — и весь вид его преобразился: огненные нити из глаз его проникали в сердце Ханьвэня и выжигали на дне его все, что там оставалось еще темного, земного, греховного...

— Отдаешь ли мне душу, ум, волю, тело? — продолжал Фахай.

— Обещаю, отдаю, отдаю, отдаю, — говорил Ханьвэнь, и с каждым обещанием, с каждым отречением он чувствовал, как что-то невесомое, но прикреплявшее его к земле отрывалось от него, и он — обновленный, легкий, чуждый всему пережитому — начинал новую жизнь.

Ханьвэнь домой не вернулся.

XVI

Тщетно Сучжэнь ждала Ханьвэня. Наконец, встревоженная, она послала Зеленую на розыски.

Тысячи грустных мыслей осаждали молодую женщину. Сердце подсказывало ей, что с ее мужем случилось что-то нехорошее. Ведь не мог же он добровольно уйти от нее — которая так его любит, которая готова жизнью пожертвовать для его счастья!

Тем временем Зеленая ходила по городу, тщетно отыскивая следы Ханьвэня. Убедившись в бесполезности своих поисков, она вернулась домой.

Сучжэнь с удивлением спросила, почему она вернулась так рано?

Хитрая Зеленая ответила, что она проголодалась; и, так как она намерена идти за город, то хочет сначала хорошенько пообедать.

Сучжэнь тотчас пошла на кухню, чтобы приготовить что-нибудь для своей служанки-подруги.

Зеленая, пользуясь отсутствием госпожи, бросилась в спальню супругов и быстро вытащила кусочек ваты из старой зимней одежды Ханьвэня, и тотчас вернулась вниз.

Пообедав, Зеленая вышла из дома и направилась на бе-

рег Великой реки. Взойдя на одну из пловучих пристаней, далеко выдвинувшихся в реку, она взяла вату, вынутую из халата Ханьвэня и, распушив ее, — прошептала несколько заклинаний.

Легкий ветерок тотчас снял вату с ее руки и понес ее над рекой прямо на восток.

Зеленая сбежала с пристани и пошла по берегу вверх по реке, не теряя из виду белой точки.

Пушинка миновала восточную городскую стену, миновала промоину, которая много лет спустя сделалась устьем Императорского канала, пролетела предместье, потом упирающийся в реку глиняный холм, миновала последние хижины огородников — и вдруг направилась на Золотую Гору, гордо высившуюся посреди реки прямо перед Зеленою. Целый город фигурных крыш, зубчатых стен и каменных предохранителей ворот³⁵, на которых красовались один или два иероглифа, покрывали всю вершину острова. На самой высшей точке высоко вонзилась в небо прекрасная, стройная семиэтажная башня.

То был монастырь Фахая.

—А, — сказала Зеленая, — теперь я все понимаю!

Красивая зеленая бабочка полетела от берега, догоняя чуть видневшуюся над рекой белую точку...

Уже было поздно, когда Зеленая вернулась домой. Сучжэнь сразу по ее лицу узнала, что ей удалось отыскать Ханьвэня, но что сведения будут неутешительны.

На тревожные и торопливые расспросы своей госпожи Зеленая рассказала, что Ханьвэня держит в пленах Фахай. Конечно, его можно было бы освободить, если бы монах не овладел совсем умом и волей ее мужа.

— Эта старая тварь, — говорила Зеленая, — все время втолковывает твоему мужу, что ты — отвратительная ведьма, злой оборотень, которая только ищет случая, чтобы погубить его. И — странное дело! — Ханьвэнь не только не сердится на бритоголового за эти слова, но, кажется, даже верит им!

— Подлая гадина! — воскликнула Сучжэнь, топнув своей крошечной «золотой лилией»³⁶ о каменный пол. Глаза

ее засверкали, на щеках выступил румянец — и Зеленая узала в ней прежнюю гордую, энергичную, могучую Белую Змею.

— Мы должны, — продолжала Сучжэнь, — сейчас же идти в это гнездо летучих мышей — монастырь на Золотой Горе, и во что бы то ни стало освободить дорогого моего Ханьвэня. Нужно действовать как можно скорее, потому что старый негодяй с каждым днем подрывает доверие мужа к нам. Но — не забудь, что Фахай могучий волшебник; нам нужно быть очень осторожными!

И обе женщины тотчас поспешили на Цзинь-шань.

У ворот монастыря их встретил привратник, который не пропустил их за ограду, говоря, что женщинам вход внутрь воспрещен. Но они настаивали, уверяя, что им нужно видеть самого великого настоятеля.

Тогда привратник впустил их в первый двор, а сам пошел к Фахаю и доложил ему, что какие-то две женщины хотят непременно его видеть.

Удивленный Фахай вышел на двор.

К нему подошли две дамы, и одна из них, молодая и очень красивая, обратилась к нему:

— Отец мой! Не видели ли вы в последнее время моего мужа?

Фахай сразу узнал, кто говорит с ним. Его поразила и возмутила та дерзость, с какой эти преступные исчадия вечно-го сумрака осмелились явиться сюда, в святое место.

— Мерзкие твари! — грозно крикнул он. — Вон отсюда! Как вы осмелились показывать свои гнусные лица здесь, в священном присутствии великого Будды! Ханьвэнь здесь, и у меня он в безопасности: никогда он не будет жить с вами!

Сучжэнь сделала движение к монаху.

— Как, ты еще здесь! — в бешенстве закричал Фахай, — и бросил вверх бывший у него в руках длинный посох.

Достигнув высшей точки, посох внезапно превратился в ужасного дракона. Падая вниз, прямо на женщин, дракон раскрыл свою страшную пасть и готов был поглотить Сучжэнь.

Но красавица не шевелилась и внимательно следила за

движениями дракона. В тот момент, когда он был уже над головой у нее, Сучжэнь с силой дунула ему навстречу: и внезапно дракон превратился в бога литературы — страшного Куй-сина³⁷.

Раздался громовой голос бога, заставивший побледнеть и задрожать от страха даже самого могущественного Фахая:

— Ты, бессемянное дерево! Не смей делать вреда Белой Змее: ей суждено сделаться матерью величайшего ученого во всей Поднебесной!

Туман, давно уже клубившийся над рекой, поднимался все выше и выше и волновался, как море в непогоду. Один вал медленно перекатился даже через Цзинь-шань...

Когда Фахай пришел в себя, — он стоял один посреди обширного двора. Сучжэнь и Зеленая исчезли бесследно.

XVII

Первая неудача не остановила Сучжэнь; она решила какой угодно ценой освободить мужа из монастырской тюрьмы, из-под влияния проклятого Фахая.

Тысячи планов строили они с Зеленою, но ни один из них не давал шансов на успех. Наконец, Сучжэнь сказала:

— Слушай, Сяо-цинь (это было детское ласкательное имя Зеленою), я чувствую, что это наша последняя, решительная игра. Если она нам не удастся — я погибла. Мы не можем перехитрить Фахая — значит, нужно действовать силой. Мы уничтожим, мы разрушим это подлое гнездо вместе со всеми червями-монахами. Иди — зови сюда могучего Духа Чёрной Рыбы. Война — так война!

Зеленая вышла во внутренний дворик их дома и произнесла несколько таинственных слов.

Тотчас зашумел ветер, дождь полил ручьями и дух могучего водяного бога, владыки всех рек, явился к Сучжэнь. Сырость и запах плесени наполнили весь дом.

— Мудрая Белая Змея, — заговорил черный гигант, шевеля громадными усами, — что ты хочешь от меня?³⁸

— Могучий Нянь-юй, — сказала Сучжэнь, — мне нужна твоя помощь для великого дела; но я не знаю, хватит ли у тебя силы...

— А, ты сомневаешься в моем могуществе! — закричал дух. — Хочешь — я сравняю горы с болотами и Да-цзян потечет на север?

— О, нет, — сказала Сучжэнь, внутренне смеясь над глупостью могучего духа. — Но я боюсь, не испугаешься ли ты...

— Я, я испугаюсь?! — совсем рассвирепел Нянь-юй. — Пусть хоть все боги встанут против меня, я и то не побоюсь! Говори, что нужно делать?

— Благодарю тебя, могучий дух, — сказала Сучжэнь, — но я не потребую от тебя ничего особенного. Мне нужно только освободить моего мужа из рук Фахая. Так как монах ни за что не хочет освободить Ханьвэня, то придется разрушить это гнездо ос — остров Цзинь-шань.

— Так ты думала, что я не в состоянии сделать такого пустяка?! — улыбнулся Нянь-юй. — Этой же ночью жди своего мужа!

И дух исчез.

Нырнув в свое жилище — бездонный омут под Серебряным островом, — Нянь-юй тотчас созвал подвластных себе духов верхних, глубоких и подземных вод и приказал им уничтожить к утру Золотую Гору.

Тотчас разразилась ужасная буря. Казалось, молнии разрывали все небеса, от верхнего до нижнего; целые горы с вершин Кунь-луня, раздробленные ужасным трезубцем Лэй-чжэн-цзы — бога грома, со страшным грохотом рушились на небеса, проваливались через поврежденные молнией места все ниже и ниже и вот-вот могли обрушиться на трепетавшую от ужаса, залитую потоками дождя землю...

Со всех сторон вода целыми каскадами устремилась в Да-цзян, а страшный восточный ветер гнал воду вверх, мешая ей изливаться в море. Вода в реке поднялась до небывалой высоты; огромные волны одна за другой с грохотом и ревом ударялись в скалу Цзинь-шань и в массивное основание монастырских башен. Весь монастырь, построенный на сводах, дрожал; во многих местах появились зловещие трещины, и

некоторые башни уже осели.

А волны поднимались все выше и выше, и буря усиливалась. Казалось, для обитателей острова настал последний час; спасения ждать было неоткуда. Все монахи сбились в кучу на центральном дворе монастыря, перепуганные, забывшие свои молитвы. Еще несколько мгновений — и все живое было бы сметено прочь. Основание монастыря трещало и стонало под могучими ударами воды...

Но в этот момент в дверях храма показался Фахай в праздничных ризах. Быстро сняв свою священную мантию и держа ее в воздетых руках, он горящим взглядом смотрел в мутное небо; и, казалось, взор его пронизывал тучи и видел там того, к кому обращался Фахай.

— О, ты, наш покровитель, — звенел голос монаха, — всевидящий, вечно бдительный Вэй-тоу³⁹, неустанный защитник верных твоих слуг! Ты видишь — мы гибнем; спаси жизнь верных твоих рабов и учеников для славы твоей и великого Будды!

И Вэй-тоу внял молитве монаха. Он быстро спустился с неба и протянул правую руку, в которой сверкал всесильный скипетр, по направлению к смятенным небесам — и гром умчался далеко на запад, чуть громыхая, переваливая через Кунь-лунь; гроза прекратилась, тучи рассеялись. Вэй-тоу простер руку на восток — и буря мигом утихла. Опустил святой страж руку вниз, к бушевавшему Да-цзяну — и волны тотчас успокоились.

Утреннее солнце ярко засверкало на мокрой траве, отражаясь в бесчисленных лужах, все освещая, согревая, всему придавая жизнь и краски. Да, всему — кроме Чжэнь-цзяна.

Там, где был великолепный город, с роскошными домами, храмами и садами, где жизнь кипела ключом, где еще накануне тысячи людей жили, страдали и любили, — там теперь от берега реки и до самых северных холмов расстилась мертвая, пустынная полоса земли, усеянная обломками разрушенных зданий...

Город был сметен с лица земли и все жители, более ста тысяч человек, — погибли.

Когда ночью волны стали доходить до дома Сучжэнь, то

она и Зеленая, опасаясь наводнения, тотчас ушли на ближайшие холмы и ждали там утра.

Но когда буря утихла, взошло солнце и вместо цветущего города они увидели мертвую пустыню, — ужас объял их. А Цзинь-шань? Цзинь-шань стоял невредимый, блестя своими стенами и башнями...

Очевидно, без божественной помощи Фахай не мог бы охранить монастырь, и всего могущества Черной Рыбы и подвластных ему духов было недостаточно, чтобы освободить Ханьвэня. Значит — весь этот совершенный ею ужас, вся эта неслыханная человеческая жертва — все напрасно!

Сучжэнь зарыдала.

— Идем, госпожа, — сказала Зеленая, — скроемся в горах: не может быть, чтобы Фахай не стал нам мстить!

И она увлекла Белую Змею к видневшейся на северо-западе гряде гор.

XVIII

И просил Фахай, чтобы над Черной Рыбой не было суда: слишком уж велико и открыто совершено было его преступление.

По приказанию Будды, подземный судья Пань-гуань доложил об этом Чэн-хуану. Последний тотчас сообщил Дицзан-вану. Но, ввиду необычности дела, и Дицзан-ван не решился окончить дело, а донес самому Тянь-ци⁴⁰.

— Согласно воле Будды — да будет по просьбе Фахая, — изрек Тянь-ци.

И тотчас драконы Четырех Морей, по приказанию Гуйвана, бросились за Черной Рыбой. Напрасно Нянь-юй надеялся, что никто не найдет его в пучинах Да-цзяна, никто не одолеет его, могучего властелина величайшей реки: он совсем забыл о драконах.

Увидев их, Нянь-юй понял, что настали его последние минуты: никто не может противиться этим страшным морским духам, которых Владыка духов и людей посыпает на

землю только в редких случаях, для исполнения своих смертных приговоров.

Драконы схватили Черную Рыбу, который и не думал сопротивляться: вся его гордость и энергия оставили его.

Три дракона подняли его на воздух против Цзинь-шаня, а четвертый отрубил ему голову на глазах стоявшего на башне Фахая.

Голова Нянь-юя упала в реку, а обезглавленное тело вместе драконы утопили у берегов Счастливых Островов⁴¹.

XIX

Воды вернулись в свои русла. Покой и тишина снова воцарились на Цзинь-шане. Но нерадостный ходил Фахай, осматривая сдвинутые с места стены, раздавшиеся своды и треснувшие башни. Да, борьба с Сучжэнь была не так легка, как он думал сначала. Она же, это змеиное отродье, была вне его власти до тех пор, пока не сделается матерью.

И решил Фахай, чтобы обезопасить монастырь, отпустить Ханьвэня.

— Слушай, Ханьвэнь, — сказал монах, — видишь ли ты теперь, какое злобное существо та, которую ты называл своей женой?

Да, Ханьвэнь ясно это видел. И вместе с тем, рядом со злобным оборотнем Белой Змеи, образ милой, прекрасной и любящей Сучжэнь преследовал его...

— И на тебя, — продолжал Фахай, — падает часть этой страшной вины. Ты должен искупить ее!

— Отец мой, — сказал Ханьвэнь трепещущим голосом — он хорошо знал жестокость и непреклонность монаха, — в силах ли буду я загладить свою вину? Научи меня, что я должен делать!

Фахай улыбнулся — он читал в душе Ханьвэня, как в раскрытой книге.

— Не бойся, — продолжал Фахай, — от тебя не потребуется непосильных трудов. Нужны только послушание и доб-

рая воля. Ты вернешься в Хан-чжоу и остаток своей жизни посвятишь служению великому Будде. А Сучжэнь — и она не избегнет наказания за ее преступления. Но — да свершился предрешенное богами: гнев Будды постигнет ее не раньше, как она сделается матерью твоего сына. А теперь иди в Хан-чжоу!

— Учитель, — возразил Ханьвэнь, — но ведь до Хан-чжоу несколько дней пути; как же я дойду туда, когда у меня нет ни лошади, ни денег?

— Не беспокойся, — ответил Фахай, — следуй за мной.

И Фахай повел Ханьвэня в ту часть монастыря, где последний не был еще ни разу. Они прошли огромные сводчатые залы, бесчисленные коридоры и проходы, разделенные массивными дверями. Медные лампы древней формы, в которых горело масло, были изредка разбросаны в нишах стен и едва освещали их путь. Постоянные спуски, повороты и изгибы пути не позволяли Ханьвэню уследить, в какую сторону они идут; сначала ему казалось, что общее направление их пути — на север. Но он знал, что протяжение островка на север — очень незначительно, и почти у самой северной стены монастыря Цзинь-шань оканчивается отвесной скалой. Значит — подземелья вытянуты, по всей вероятности, на восток, в каком направлении островок имеет значительно большее протяжение.

Занятый этими мыслями, он не заметил, как Фахай остановился у большого, мрачного отверстия в стене, и чуть не натолкнулся на него.

— Ну, друг мой, — сказал монах, — нам нужно рассстаться. Возьми эту свечу, — продолжал Фахай, и подал молодому человеку зажженную короткую, но толстую красную свечу из растительного воска, которую буддисты обыкновенно зажигают перед священными изображениями во время богослужения⁵⁸. — Смело ступай вперед; отбрось всякий страх, который в тебя будут вселять духи тьмы, и, думая только о Будде, иди все прямо перед собою до тех пор, пока свеча не потухнет. Но — помни: ни под каким видом не возвращайся и не оборачивайся назад: иначе гибель твоя неизбежна. Иди, прощай!

И Фахай скрылся во мраке.

С жутким чувством одиночества Ханьвэнь сделал несколько шагов вперед и осмотрелся. Насколько можно было разобрать при тусклом свете свечи, он находился в огромнейшей пещере, неширокой, но очень высокой и такой длинной, что противоположный конец ее представлялся черным, бездонным колодцем.

Ханьвэнь пошел вперед по песчаному, слегка наклонному полу, придерживаясь левой стороны пещеры. Когда он внимательнее всмотрелся в блики и тени, бросаемые на стены его свечой, он остановился, пораженный чудной картиной: стены пещеры были сплошь покрыты высеченными в них статуями буддийских святых духов, животных, растений, цветов... Все изображения были в натуральную величину и выкрашены в естественные цвета.

Много видел Ханьвэнь прекрасных статуй в монастырях и храмах, но такой чудной работы ему еще никогда не приходилось встречать. Главное — не все фигуры вылеплялись на одной плоскости: некоторые из них почти отделились от стены и соединялись с ней только основанием или складками одежды и, казалось, вот-вот совсем отделятся и пойдут; другие только наполовину выделились, а трети едва намечались. Но все фигуры были так жизненны, законы перспективы были соблюdenы так точно, что все эти процесии, поклонения, суды, наказания были так правдивы, так естественны, что казались не произведениями искусства, а застывшей, остановившейся жизнью.

Ханьвэнь остановился, очарованный, и стал всматриваться в прекрасное, спокойное лицо Будды с опущенными глазами и драгоценным камнем во лбу.

Но что это? Веки Будды дрогнули и глаза медленно поднялись на него; полный спокойствия властный взгляд проник ему в сердце. Стоявшая перед Буддой статуя монаха медленно подняла руку с кадильницей...

Ханьвэнь, полный священного ужаса, бросился вперед. Долго шел он, пока, успокоенный тишиной, решился робко взглянуть на стены. Но там по-прежнему были только неподвижные изваяния.

Совсем успокоившись, Ханьвэнь подумал, что он сделался жертвой игры света и тени от колеблющегося пламени своей свечи. Но когда он, замедлив шаги, снова стал внимательно всматриваться в изображения — ему вдруг показалось, что листья дерева зашевелились и, сверкая тусклым, неподвижным взглядом, к нему поползла змея...

Ханьвэнь похолодел от ужаса и решил больше не смотреть по сторонам.

Он быстро подвигался вперед. Почва делалась все влажнее, воздух становился сырее; стены все больше сближались и, наконец, пещера превратилась в длинный, мрачный коридор. Со стен уже капала вода; сделалось так холодно и сыро, что свеча едва горела. Страх перед таинственным прошел, но Ханьвэня угнетала другая мысль: свеча едва горит; если даже удастся защитить ее рукой от капавших сверху капель воды, — все равно она должна скоро догореть.

Под влиянием этой мысли он побежал вперед, тщательно оберегая обеими руками пламя свечи. Все его помыслы, вся его жизнь в этот момент сосредоточились в этом крошечном, трепещущем пламени, готовом вот-вот потухнуть.

И, наконец, это случилось.

В первый момент Ханьвэнь растерялся и отчаяние овладело им. Он хотел идти, но поминутно наталкивался то на одну, то на другую стену. На минуту он совсем потерял представление о верхе, низе, правой и левой стороне и почти без чувств упал на пол.

Холод мокрого песка скоро привел его в себя.

К счастью, он вспомнил, что в последнее время он придерживался левой стороны. И теперь он лежал около самой стены. Придерживаясь за нее левой рукой, он встал и пошел дальше.

Скульптурные украшения давно уже кончились, и стена была почти гладкая, мокрая, холодная. Ханьвэнь подумал, не лучше ли ему вернуться? Но тут же вспомнил о категорическом запрещении Фахая и продолжал ощупью идти вперед. Голова его кружилась, ноги одеревенели, руки были покрыты ссадинами. Надежда совсем покинула его.

И вдруг среди окружающей его тьмы Ханьвэнь увидел светлую точку. Сначала он приписал это своему расстроенному воображению.

Он закрыл несколько раз глаза — но точка не пропадала... Как безумный, бросился он вперед, задевал о стены, спотыкался, падал, поднимался и опять бежал.

Точка быстро увеличивалась и скоро превратилась в пятно неправильной формы, через которое проникал дневной свет. Еще минута — и Ханьвэнь, отстряняя руками ветви кустарников, выскочил из какого-то отверстия на свет Божий.

Яркое солнце залило его лучами и совершенно ослепило. Когда его глаза немного привыкли к блеску яркого дня, он открыл их — и бешеная, животная радость овладела им. Он сделал несколько прыжков по склону холма, на котором находился — и остановился в неописуемом изумлении: солнце, во всем своем блеске и великолепии, медленно поднималось из-за пологих восточных холмов, поразительно знакомых по своей форме; а прямо перед ним расстилались хрустальные воды прелестнейшего в мире Западного Озера... Да, он очутился в Хан-чжоу, в «Небесном» городе!

В несколько прыжков Ханьвэнь достиг подошвы холма и бросился бежать вокруг «Одинокой Горы» по пустынной в этот ранний час, прекрасной, окопанной канавами дороге, называемой Бай-дао, «белой дорогой». Радости его не было пределов; бешеная жажда жизни овладела им. Ему хотелось обнять каждый камень, каждое дерево, слиться с окружающей чудной природой, весь мир вложить в свое сердце...

Он не заметил, как дошел до Проломанного Моста⁴², на верху кругой арки которого стояли две фигуры. Вид людей был так приятен Ханьвэню, что он бросился к ним. Быстро вбежав по каменной лестнице моста наверх — Ханьвэнь остановился, как пораженный громом: по одну сторону моста стояла Зеленая, а с другой стороны — радостная, со счастливыми слезами на глазах протягивала к нему руки его Сучжэнь.

Ханьвэнь ринулся было к ней; но — Фахай, Цзинь-шань, наводнение, разрушенный Чжэнь-цзян вдруг встали перед

его мысленными очами...

— Опять ты, ведьма, на моем пути! — закричал он. — Уйди с моей дороги! Помни, что я не существую больше не только для тебя, но и для всего света! Больше я не поддамся твоему обману; я вернулся в Хан-чжоу только для того, чтобы искупить твои и свои грехи. Я удалиюсь от мира и под черной рясой монаха ты не посмеешь больше искать прежнего легковерного Ханьвэня!

Сучжэнь горько зарыдала. Терзаемая ужасом после своего преступления, мучимая неизвестностью о судьбе дорогого ей человека, который, быть может, поплатился жизнью за ее проступок, она бежала в Хан-чжоу, чтобы избежать мести Фахая. Здесь, по крайней мере, все ей напоминало о первых счастливых днях ее встречи с Ханьвэнем... Каждый день она с Зеленою бродила около озера Си-ху, вспоминая каждое слово, каждый жест дорогого ей человека и не смея мечтать о встрече с ним.

В этот день с раннего утра какая-то таинственная сила неудержимо влекла ее к Одиночной Горе.

Увидев Ханьвэня, все существо ее переполнилось невыразимой радостью. Никогда еще она не испытывала такого счастья...

И вдруг его резкие слова и тяжелые обвинения, как камни обрушившейся горы, придавили, смяли ее; горячая волна крови облила ее сердце, — она едва не закричала от боли и горя.

— Ханьвэнь, Ханьвэнь, остановись! — рыдала она. — Пойми же, что все мои ошибки, все мои проступки проходили только от моей любви к тебе! Я хотела дать тебе благополучие и счастье! Не только себя, — я весь мир готова была принести тебе в жертву! И никогда я не хотела обмануть или обидеть тебя, — я все делала только для твоей же пользы. И сегодня, когда небо склонилось над моими слезами и вернуло мне тебя, — ты хочешь покинуть меня, твою преданную жену, и твоего ребенка. О, господин Сюй, господин Сюй!..

Ханьвэнь никогда не мог равнодушно наблюдать слез женщины. Теперь же, когда послеочных испытаний жажда жизни

ни властно заговорила в его сердце, когда он увидел преданную ему прекрасную плачущую женщину, которая — он только теперь это заметил — готовилась скоро сделаться матерью, — он не выдержал. Ведь он тоже очень ее любил...

Махнув рукой на все прошлое, на Фахая и на свои обеты, Ханьвэнь бросился к Сучжэнь, схватил ее на руки и как перышко понес в свой старый дом.

Жизнь их была так полна, так спокойна и счастлива, что все пережитые испытания казались обоим давно виденным, тяжелым сном.

С помощью денег, которые Сучжэнь сберегла от времен их благополучия в Су-чжоу, они опять открыли аптеку на Большой улице; здесь, затерянные в громадной людской толпе, они считали себя в большей безопасности от всяких волшебников, монахов и духов. Они хотели начать новую жизнь — жизнь простых, заурядных людей.

И здесь свершилось великое для Сучжэнь событие: она родила прелестного, крепкого мальчика, которого назвали Сюй-ши-лин. Но другое, детское, имя ребенка, было гораздо приятнее для слуха родителей: иначе, как «Спящий Дракон», никто его не звал.

Миссия Белой Змеи на земле была выполнена...

XX

Прошел месяц со времени рождения ребенка, и для мальчика наступил первый торжественный день в его жизни. В этот день, который называется «мань-юэ», ребенку в первый раз обрили голову и торжественно объявили его детское или «малое» имя⁴³. По обычаю, к родителям собирались все родные и знакомые Ханьвэня. Кто принес серебряное выпуклое изображение Шоу-сина (бога долголетия) на шапку

ребенка, кто — серебряную дощечку ему на шею, со счастливой надписью, кто — игрушку. Счастливый Ханьвэнь и гордая своим «Спящим Драконом» Сучжэнь приветливо принимали гостей, и, высоко поднимая обеими руками перед каждым новым гостем крошечную чашечку с рисовым вином, приглашали его за стол, указывая поставленной чашечкой место каждого.

Гости пили, ели и высказывали искренние пожелания счастья отцу, матери и Спящему Дракону.

Вдруг отворилась дверь и вошел — Фахай...

Когда злодеяния Белой Змеи переполнили чашу долготерпения великого Будды, он велел Фахаю наказать ее, когда ее ребенку исполнится месяц. Но, чтобы защитить своего верного служителя от злобы Змеи, которой помогали могущественные духи и древние боги, Совершенный дал ему волшебный кубок. Ничто не могло противиться воле человека, обладающего священным кубком, в котором была заключена частица силы самого Будды. Волшебная сила кубка была настолько велика, что ей не могло противиться даже могущество ни одного из древних Бао-бэй⁴⁴.

Узнав, что сыну Ханьвэня исполнился месяц, Фахай взял свой кубок и перенесся в Хан-чжоу.

При появлении незнакомого монаха, гости были удивлены, Ханьвэнь же — страшно поражен: все его прошлое, которое он считал совершенно забытым, встало теперь перед ним во всей своей подавляющей реальности.

Но только одна Сучжэнь сразу поняла весь ужасный смысл этого посещения. Как мертвая, без движения, с широко раскрытыми, устремленными на Фахая глазами, сидела несча-

стная женщина, и только толстый слой белил и румян скрывал смертельную бледность ее лица⁴⁵.

Гости встали, приветствуя духовное лицо, и Ханьвэнь поспешил к нему навстречу, приглашая сесть за стол.

— Я пришел не на пир, — сказал монах, — а для того, чтобы судить Белую Змею!

Пораженные гости вскочили; многие взъерошенно говорили:

— Этот монах сумасшедший! Какое отношение к нашему пиру имеет Белая Змей? Где она?!

Фахай спокойно протянул руку и, указывая на Сучжэнь, твердо сказал:

— Вот она!

Все соседи и знакомые успели искренне полюбить добродушного Ханьвэня и его красавицу-жену. Тяжкое обвинение, брошенное прямо в глаза хозяйке дома, возмутило всех. Раздались голоса:

— Выгоните вон этого монаха! Избейте его палками!

Но Фахай не смущался. Когда шум немного утих, он продолжал:

— Да, Змей, и цепь твоих злодеяний, и твоя земная жизнь кончились. Следуй тотчас за мной: я должен раздавить твое мерзкое тело Великой Башней!

Эти слова вызвали среди гостей такой взрыв негодования, что наиболее горячие головы бросились на Фахая.

— Бейте этого негодяя, — кричали они в иступлении.

Эта сцена вернула Ханьвэню самообладание: слишком большой стыд пал бы на его голову, если бы в его доме был нарушен закон гостеприимства, и Фахай, его учитель, подвергся бы оскорблению. Ханьвэнь освободил монаха из рук схвативших его гостей и едва упросил последних успокоиться⁴⁶.

Тогда поднялся со своего места один из гостей — почтенный, всеми уважаемый старик, славившийся своей мудростью.

— Почтенные господа, — сказал он, — дело это необходимо разобрать: слишком важно и слишком необычно обвинение, которым этот никому не известный монах оскорбил

и хозяина, и прекрасную Сучжэнь, которую мы все так уважаем, и всех нас, гостей. Прежде всего, мы должны знать, кто ты, дерзнувший так обидеть наших дорогих хозяев?

— Я — Фахай, — просто произнес священник.

Между гостями произошло сильное движение. Никто из них никогда не видел монаха, но все слышали о нем, великом волшебнике, покорителе духов, любимце Будды...

Один старик не смущился. На него, казалось, заявление монаха не произвело никакого впечатления.

— Если наша добрая, кроткая Сучжэнь действительно Белая Змея, — продолжал старик, — то пусть священник Фахай докажет это здесь, сейчас же, перед нашими глазами.

Фахай усмехнулся.

— Отец, — сказал он, — ты — умный и справедливый человек. Будда не оставит тебя без награды за твой мудрый и правильный суд. Да, я сейчас докажу истину своих слов.

И Фахай, обернувшись к Ханьвэню и подавая ему священный кубок, сказал:

— Наполни этот кубок душистым чаем и дай выпить своей жене. Мы сейчас же увидим: если она не оборотень — то тогда Фахай обманут, и ему здесь больше нечего делать.

Взволнованный до глубины души Ханьвэнь понимал, что все его счастье, вся его жизнь ставятся на карту. Он чувствовал, что под каким бы то ни было предлогом нужно удалить этот кубок от Сучжэнь, во что бы то ни стало нужно избавить ее от этого испытания... Но одно присутствие Фахая, один его взгляд, властно проникающий в душу, лишали Ханьвэня собственной воли и заставляли беспрекословно подчиняться каждому слову Фахая.

Трясущимися руками налил Ханьвэнь в кубок чая и повернулся, чтобы подать его жене.

В тот же миг кубок вырвался у него из рук и быстро опустился прямо на голову Сучжэнь, сжав ей лоб, как тисками.

Гости онемели от изумления.

Сучжэнь с криком схватилась за голову, стараясь обеими руками снять страшный кубок... Напрасно. Чем сильнее старалась она сорвать его с головы, тем сильнее он сдавливал ей голову, причиняя невыносимую боль...

Тогда она поняла, что настал ее последний час. Энергия сразу ее покинула. Она затихла; только сердце ее билось редко, но страшно сильно, с ужасной болью, каждый раз выбивая в мозгу ее одну мысль: «Конец! Конец! Конец!..»

И вдруг мысль о Спящем Драконе и с необычайной силой вспыхнувшее материнское чувство сразу вернули ей способность мыслить и говорить.

«На чьи руки брошу я тебя, частицу моей души и тела?! — молнией пронеслось в ее мозгу. — На отца? Но ребенок нуждается в женском уходе, а Ханьвэнь хоть и добр, но находится целиком под влиянием Фахая; Зеленая — да, только она постарается заменить ребенку погибшую мать!»

И она выбирающим от сильного волнения голосом позвала Зеленую, с ужасом следившую из задних дверей за всем происходящим:

— Иди сюда, сестра моя! Я знаю твоё сердце — и поэтому я отдаю тебе величайшее мое сокровище. Оставляю тебе моего Спящего Дракона; никому, кроме тебя, я не могу поручить его. Помни, что он невыразимо дорог мне и моему любимому мужу. Никогда не забывай, что ему суждено сдаться величайшим ученым во всей Поднебесной!

А теперь, — продолжала Сучжэнь, вполне овладев собой, — я открою вам все свои преступления, чтобы из-за меня ни на кого не могло пасть подозрения. Да, это я была виновата в краже серебра из цянь-танскаого ямыня, — хотя и не приказывала воровать его. Да, это я отравила колодцы в Су-чжоу, — хотя не желала смерти ни одному человеку. Да, это я присвоила себе драгоценные вещи из Императорского дворца, — хотя и сама не знала, что они принадлежат Сыну Неба. Наконец — я одна виновата в ужасном преступлении, — в уничтожении Чжэнь-цзяна...

Но, — продолжала Сучжэнь, протягивая руки к мужу и сыну, — клянусь всем для меня святым, что я никогда в жизни не хотела никому сделать ни малейшего вреда! Все мои поступки были вызваны желанием принести пользу своему мужу; я все это сделала из-за моей страстной любви к нему. Да, я действительно Белая Змея из Пещеры Чистого Ветра! Я бросила горы, я отказалась от бессмертия и

пришла сюда, в людской мир, только для того, чтобы за великую добродетель предка наградить его потомка, моего мужа, дав дыхание его сыну — вот этому невинному младенцу... Да, мои друзья, не защищайте меня: это правда, что мне суждено быть раздавленной под Великой Башней. Грозный Сюань-у своих слов не забывает и не прощает!

Затем, обернувшись к Фахаю, она сказала просто:

— Я готова.

Фахай подошел к Сучжэнь и сделал рукой несколько магических движений над ее головой. И кубок сам собой оторвался от головы молодой женщины и перелетел в руку монаха. На мгновение белый туман окружил Сучжэнь и совершенно скрыл ее от глаз присутствующих. Но он быстро стал редеть и, когда совершенно рассеялся — Сучжэнь не было. Она исчезла. Посреди комнаты стоял только Фахай с бесстрастным лицом, держа в руке священный кубок.

Гости хранили гробовое молчание. Они были так поражены всем виденным и слышанным, что не могли дать себе отчета: видят ли они ловкие фокусы знаменитого мага, или же перед ними таинственная, непонятная, но ужасная действительность?

— Посмотри в кубок, — сказал Фахай Ханьвэню.

Ханьвэнь и другие гости приблизились и заглянули в священный сосуд. Там, на дне, они увидели маленькую, прекрасную белую змейку, которая ползала и извивалась в тщетных усилиях подняться по гладким золотым стенкам сосуда...

Ханьвэнь не выдержал. Пораженный горем, он упал на колени перед Фахаем и умолял вернуть ему жену. Какое ему было дело до того, что она действительно змея! Он убедился в великой любви к нему прекрасного существа и ему было все равно теперь: человек она, дух или оборотень. Он любит, он желает ее, он требует ее у монаха назад!

Священник посмотрел в глаза Ханьвэню и укоризненно покачал головой.

— Неразумный! — сказал он. — Мы — только шахматные фигуры в руках Высших Сил! И у меня — нет своей воли; я только исполнитель предначертаний великого Будды. Ты еще не знал своей жены, как уже ей было предрешено свы-

ше погибнуть под камнями башни. И никто в сферах земных и небесных не может изменить этого!

Голос и взгляд Фахая оказали на Ханьвэня обычное действие: его силы упали, энергия ослабела, и он мог только плакать, ломая руки.

Обращаясь ко всем присутствующим, монах сказал:
— Пойдемте!

И, медленно повернувшись, он вышел на улицу, торжественно неся кубок перед собою. Все последовали за священником, который, минуя главные улицы города, направился на берег Си-ху, к Башне Громовой Стрелы.

XXI

Слух о событиях в доме Ханьвэня с быстротой молнии распространился по городу. Когда процессия достигла башни, около нее образовалась громаднейшая толпа народа. Все выражали свои симпатии и сожаления убитому горем Ханьвэню; со всех сторон раздавались злобные крики и угрозы по адресу Фахая. Но последний не обращал на них никакого внимания.

Достигнув башни, монах, не выпуская кубка из рук, совершил троекратное «кэ-тоу» — коленопреклонение перед статуей Будды, стоявшей в нише башни. Народ, в ожидании чего-то чудесного и страшного, замолк. Не было слышно ни пения птиц, ни жужжания насекомых, которые все улетели, испуганные необычайным многолюдством в этих, обыкновенно тихих, местах. Прекрасный, тихий, безоблачный, но какой-то мертвый день еще усиливал впечатление жуткости и ожидания чего-то ужасного и неотвратимого...

Фахай махнул рукой на запад. Оттуда тотчас появился белый туман, который спустился на вершину башни, пополз по стенам ее вниз и обволок совершенно Фахая. Но через минуту он рассеялся, и пораженный народ увидел прекрасную Сучжэнь, которая стояла рядом с монахом и, улыбаясь, с любовью смотрела на своего мужа...

Ханьвэнь рванулся вперед, схватил жену, поднял ее как перышко и крикнул:

— Фахай, я не могу отдать ее тебе! Пощади ее! Верни ее мне и нашему сыну! Если ты не простишь ее — я не смогу жить: я хочу вместе с ней разделить ее участь!

Фахай медленно подошел к Ханьвэню и пристально посмотрел на него. Казалось, какие-то лучи протянулись из глаз монаха, проникая в душу Ханьвэня, и парализовали его волю. Он поставил жену на землю и, не будучи в состоянии вынести взор Фахая, опустил глаза вниз...

— Бедный волей человек, — сказал с жестокой усмешкой священник, — неужели ты не понимаешь, что мои личные желания и воля — ничто; я обязан исполнять волю Будды — и исполняю ее, хоть бы духи всех миров восстали бы на меня... Но, — продолжал он, помолчав, — есть и для тебя утешение, а для нее — надежда, но при строгом выполнении одного условия... Ты, Белая Змея, способна к развитию и самоусовершенствованию; ты тысячу лет провела в Пещере Чистого Ветра и едва не получила бессмертия, сделавшись высшим существом. У тебя есть сила воли в достижении хороших целей, если только тебе поперек пути не становится твоя животная страсть. И теперь я не потребую от тебя тысячелетнего искуса: если ты только дади ацать лет проведешь в непрерывных размышлениях о грехах, в которые вовлекло тебя твое животное начало; если ты неусыпно будешь развивать чистоту мысли и сердца — то великий Будда позволит тебе выйти из-под башни. Мало того — если ты будешь достойна, то тебе будет разрешено вернуться на западные небеса и присоединиться к сонму бессмертных...

Последние слова Фахая были для Сучжэнь и Ханьвэня каплей воды, которая освежает уста умирающего от жажды. Но все-таки они заронили слабую надежду в их истерзанные сердца.

Затем Фахай повернулся к угрюмой гигантской башне и, подняв вверх руки с длинным посохом, громко воскликнул:

— Славный О-ми-то-фо! Могучий О-ми-то-фо! Великий О-ми-то-фо!⁴⁷

С каждым восклицанием он ударял в землю своим посохом, и с каждым разом возгласы его делались проникновеннее и громче.

И вдруг, после третьего раза, — башня дрогнула... Ее основание, казавшееся вылитым из цельного камня, медленно раздвинулось как раз под нишей, и разверзлась пропасть, зиявшая мрачным отверстием.

Народ в ужасе отшатнулся.

— Белая Змея, — сказал Фахай, — сходи!

Сучжэнь, бледная и еще прекраснее, чем обыкновенно, сделала несколько неверных шагов вперед, и среди мертвой тишины раздался ее дрожащий, как струна, голос:

— О, вы, силы земные и небесные! Дайте моему невыразимо любимому Ханьвэню вечное счастье, которое я хотела, но не смогла ему дать! Ханьвэнь — люблю, люблю!..

И с этими словами она бросилась в бездну.

Из сотни грудей вырвался крик; женщины застонали и заплакали.

Ханьвэнь бросился было за женой, но на самом краю бездны его остановила сильная рука Фахая, отбросившая его в сторону. И монах тотчас опять ударил посохом в землю.

Снова дрогнула громада башни, и зияющая пропасть закрылась. Башня сделалась такой же неподвижной, какой она была в течение многих лет.

Фахай отошел от башни и махнул своим кубком по воздуху. Плывшее по воздуху одинокое пушистое облачко тотчас спустилось на землю и остановилось на минуту у башни, пока Фахай садился на него; затем оно быстро поднялось вместе с монахом.

И вовремя! Потому что раздражение и злоба против священника все усиливались в народе. Глухой ропот, начавшийся в задних рядах, скоро превратился в бешеные крики. Промедли Фахай еще минуту — наверно, толпа разорвала бы ненавистного монаха.

Но когда волна злобы докатилась в народе до передних рядов — облачко уже исчезало за вершинами высоких западных холмов.

Без чувства, без мысли, с ощущением страшной пустоты и полного отторжения от всего мира, стоял Ханьвэнь перед башней. Давно уже стемнело; бесчисленные звезды заглядывали на небе; народ еще с вечера разошелся по домам, спеша вернуться в город до закрытия городских ворот, и Ханьвэнь один стоял около гробницы живой жены.

XXII

Когда Зеленая увидела, что ее госпожа погибла, — она поняла, что и ее собственной жизни угрожает опасность. И ей сделалось страшно: не за себя, — а за Спящего Дракона. Конечно, ребенок будет в большей безопасности и станет пользоваться лучшим уходом у родной тетки, чем у чужих людей; поэтому Сяо-цинь отнесла мальчика к сестре Ханьвэня, нашла ему хорошую кормилицу, оставила на воспитание ребенка все деньги, какие у нее были, и скрылась в свое старое жилище в горах.

Но жизнь между людьми не прошла для нее даром. Знакомство с их мыслями, интересами, ненавистью и любовью развили ее сердце и сделали его способным к восприятию глубоких человеческих чувств. Во всякое время дня и ночи, что бы ни делала Зеленая, мысли ее всегда вращались около ее несчастной госпожи, погребенной Фахаем под башней; сердечная связь двух Змей была настолько велика, что Зеленая не могла ни есть, ни пить... И вместе с тем дикая, бешеная животная злоба против жестокого монаха разгоралась все сильнее в ее груди.

Четырнадцать долгих, тяжких лет провела Зеленая в полном уединении среди мрачного хаоса суровых гор, в бесчисленный раз возвращаясь мысленно ко всему пережитому...

И смелая мысль запала ей однажды в голову: «Что пользы ее несчастной госпоже от того, что она, ее верная Зеленая, ежечасно думает и грустит о ней? Отчего бы не попытаться спасти Белую?»

Тщетно Сяо-цинь отгоняла от себя эти мысли, напрасно она говорила себе, что не ей, одинокой, с ее ничтожными силами, бороться с могучим Фахаем; а она еще хочет противиться велениям высших сил...

Но Зеленая была, прежде всего, существом женского рода, да вдобавок еще обладала пылким, нетерпеливым сердцем и настойчивым характером. И, несмотря на все доводы рассудка, мысль об освобождении Белой скоро разрослась в страстное, неудержимое желание видеть свою госпожу на свободе как можно скорее.

Сяо-цинь решилась. Прежде всего — ей нужно было избавиться от этого скорпиона — Фахая. Но, чтобы победить такого могучего противника — нужно обладать могучим оружием. Долго думала Зеленая, где бы ей достать хоть одно из бао-бэй⁴⁴, и наконец вспомнила: когда-то она оказала услугу одному демону, слуге великого духа Юань-ши-тянь-цзунь; конечно, он может узнать у своего господина, где находятся бао-бэй.

Сяо-цинь прошептала заклинание и трижды громко позвала демона.

Не успело еще замереть эхо ее голоса, как демон в виде красного волка⁴⁸ уже был перед ней.

— Слушай, волк, — сказала Зеленая, — помнишь ли ты, как много лет тому назад, в день праздника Дуань-ян-цзе, ты съел около деревни ягненка, который только что проглотил страшную для нас в этот день траву лин-чжи-цзо? Помнишь ли ты, что люди, привлеченные криками ягненка, уже бежали к тебе, а ты, принявший от действия ужасной травы свой настоящий вид демона, только грубый и плотский, — не мог от них укрыться... И люди, схватив тебя, конечно, принесли бы тебя в жертву какому-нибудь богу!.. И тогда я, тоже приняв свой настоящий вид змеи, бросилась навстречу людям; перепуганные моим внезапным появлением, они бросились назад, и ты мог свободно уйти в горы... Пом-

нишь ли?

— О да, госпожа, — ответил волк, — я хорошо помню все. И раз я тебе теперь нужен — я готов для тебя все сделать за твою доброту!

— Я верю тебе, волк, — и теперь ты можешь отплатить мне за мою услугу. Узнай у своего господина — где теперь хранятся бао-бэй, и достань мне хоть одно из них.

Волк задумался. Очевидно, задача была для него нелегкая.

— Госпожа, — сказал он, — я сделаю все, что могу. Приходи завтра на это же место в это время: если я не приду — знай, что нет надежды на получение «живых драгоценностей».

И волк убежал.

На другой день, едва дождавшись условленного времени, Сяо-цинь была уже на том месте, где накануне разговаривала с волком. Но его не было...

Отчаяние едва не овладело Зеленою, — как вдруг она заметила, что в густой траве что-то блестит. Она нагнулась — о радость! Три сверкающих, как молнии, меча лежали рядом. Золотые рукоятки были украшены драгоценными камнями, между которыми были вырезаны непонятные даже ей кэ-доу-цзы⁴⁹...

О радость! Да, это были, без сомнения, великие, могучие, волшебные бао-цзюнь!

Радость Зеленою не имела границ. Конечно, владея таким могучим оружием, она может бороться с кем угодно!

Но вдруг сомнение запало ей в сердце. Она вспомнила, что один из владельцев волшебных мечей, опасаясь их кражи, велел сделать к каждому настоящему мечу по два мечахранителя, которые по внешнему виду ничем не отличались от волшебных мечей. Таким образом, вместо существовавших первоначально четырех бао-цзюнь, их появилось уже двенадцать. Быть может, демон-волк достал ненастоящие?

Сяо-цинь тотчас решила испытать их. Схватив один из мечей, она замахнулась им и, сказав: «Вон стоит тут: сруби ее верхушку!» — бросила его.

Меч пролетел шагов пять и со звоном упал на землю.

Сердце Сяо-цинь упало; очевидно, это был поддельный меч.

Тогда она взяла в руки оставшиеся мечи и стала тщательно их осматривать. Но, несмотря на все ее старание, ни в украшениях, ни в блестящих клинках, ни в иероглифах — ни в чем не было ни малейшей разницы.

Взяв наугад один из них, Зеленая сказала: «Вон там за кустом мерзкий заяц⁵⁰. Отруби ему голову!» — и бросила меч.

Испуганный ее движением, заяц сделал несколько прыжков и, сев на задние лапы, поднял уши и осторожно выглянулся из травы. А меч, описав небольшую дугу, грузно упал на мягкую, густую траву...

Сяо-цинь готова была прийти в отчаяние. Одна слабая надежда оставалась на третий меч. Она подняла его и осмотрелась, отыскивая — на чем можно было бы испробовать волшебную силу оружия.

В этот момент над ней раздался клекот — огромный яструб уносил в когтях какую-то птичку...

— Убей хищника! — крикнула Зеленая и бросила меч.

Быстрее птицы взвился он вверх, сверкнув на солнце сталью и золотом; и прежде, чем Сяо-цинь могла отдать себе отчет в происшедшем, — окровавленный меч уже лежал у ее ног, голова яструба падала камнем с высоты, а отделенное от нее тело кувыркалось в воздухе, хлопая крыльями, и описав ломаную линию, тяжело упало на землю в нескольких шагах от Зеленои.

Несказанно обрадовавшись, молодая женщина отрезала тонкую прядь своих длинных волос и повязала ее на рукоять меча.

Захватив с собой все три меча, Сяо-цинь тотчас отправилась в путь.

Достигнув Чжэнь-цзяна, Зеленая поднялась на один из холмов правого берега Великой реки, расположенный как раз напротив Золотого острова. Прямо перед ней в лучах заходящего солнца сверкали и переливались всевозможными тонами крыши монастыря, покрытые цветными глазированными черепицами, и чуть доносился мелодичный звон подвешенных на всех углах башен, похожих на цветы лан-

дыша вырезных железных колокольчиков, колеблемых легким ветерком... А там, за этими стенами, ее враг, злой, подлый, низкий монах...

Ненависть Сяо-цинь к священнику была так велика, что она не могла ждать и решила тотчас же напасть на него.

Взяв в руки волшебный меч, Зеленая замахнулась им и, сказав задыхающимся от волнения и злобы голосом: «Святой, волшебный меч, убей сейчас эту тварь — Фахая!» — бросила его.

В одно мгновение меч перелетел через рукав реки, отделяющий остров от берега, и скрылся за стенами монастыря.

В этот день уже с утра Фахаю было не по себе. Ожидая грозы, он несколько раз всходил на высокую башню и осматривал небо. Но горизонт был чист; насекомые и птицы не прятались и не выказывали никакого беспокойства.

Чтобы сбросить с себя гнетущую тяжесть, он вошел в храм, зажег фимиам, удариł в колокол, чтобы привлечь внимание бога, и распростерся перед безмятежной, спокойной и холодной для других, но живой и премудрой для него, огромной статуей Будды...

Молитва не успокоила монаха, а наоборот: на сердце у него сделалось еще тоскливее, еще тяжелее. Такое ощущение было у него накануне страшной бури и наводнения, едва не разрушивших монастырь. Очевидно, и теперь ему угрожает какая-то опасность; но с какой стороны — он догадаться не мог.

Раздумывая об этом, Фахай сидел в своей комнате перед огромным открытым окном; волшебный кубок — дар великого Будды — на всякий случай он поставил на стол около себя; правая рука его покоялась на широком основании чаши.

Вдруг кубок вырвался из-под его руки и с силой накрыл его голову. Увеличившись внезапно в своих размерах, кубок

закрыл даже глаза монаха. И в тот же миг раздался свист рассекаемого воздуха и Фахай почувствовал жестокий удар по голове; что-то тяжелое, звеня, упало на пол. Кубок тотчас снялся с головы монаха и стал на стол.

С изумлением Фахай рассматривал лежавший на полу обрюдоострый меч чудной работы, сверкающий золотом и самоцветными камнями. Тоску Фахая как рукой сняло.

— А, теперь я понимаю, — сказал монах, — великий Будда еще раз спас меня от врагов! Всеведущий еще с утра предупреждал меня, — но я не понял его.

Сделав троекратное коленопреклонение перед стоявшей в нише маленькой статуэткой спящего Будды, священник стал рассматривать меч, недоумевая, какой враг мог покуситься на него?

Как вдруг он заметил у самого основания золотой рукояти тонкую прядь черных волос... Луч солнца упал на нее — и волосы дали отблеск: не синий или красный, как бывает обыкновению у черных волос, а зеленый...

— Это дело Зеленои Змеи! — воскликнул Фахай, вдруг загораясь злобой. — Погоди же, подлая лягва, мы сейчас на тебя устроим охоту!

Жадным взором смотрела Сяо-цинь вслед скрывшемуся мечу, каждый миг ожидая его возвращения. Но секунда проходила за секундой, а меча все не было... Тревога, забравшаяся в сердце Зеленои, быстро сменилась страхом и ужасом. Значит — Фахай проник в ее планы и сумел отразить нападение даже волшебного меча! Но ведь злобный монах никогда не простит ей этого покушения и, наверняка, сразу же постарается отомстить ей...

И Сяо-цинь, оставив на вершине холма остальные два меча, бросилась бежать по крутыму склону — дальше от проклятого монастыря, вглубь холмистой страны, покрытой рощами и перерезанной по всем направлениям балками и оврагами.

Солнце закатилось; быстро наступила темнота, спасшая Зеленую от преследований Фахая.

Чем дальше уходила Сяо-цинь от Чжэнь-цзяна, тем большая злоба против Фахая и негодование на собственное бессиле разгорались в ее сердце. «Хотя я и не смогла победить монаха, — думала она, — но все-таки должна попытаться спасти мою несчастную госпожу. Только это нужно сделать скорее, сейчас же, чтобы этот подлый колдун не провел о моих планах; иначе он погубит все дело!»

И Зеленая решила сейчас же идти в Хан-чжоу.

Проходя по склону одной горы, Сяо-цинь заметила у самой ее вершины огонь, который вырывался клубами, казалось, из самой земли и, разлетаясь в воздухе длинными языками, умирал в ночной тьме, посыпая к небу бесчисленные искры...

Заинтересованная, кто и зачем мог зажечь такой огонь в этой безлюдной местности, Зеленая подошла ближе — и очень удивилась, увидев краснолицего юношу с красными глазами и волосами. Юноша, прыгая и смеясь как безумный, по временам из обеих рук бросал блестящие шары огня в костер. Шары, ударившись об землю, с сильным взрывом превращались в огромные клубы огня, которые сшибались и боролись друг с другом; огонь гудел и с ревом, казалось, пожирал сам себя.

Дикая оргия огня приводила юношу в неописуемый воссторг.

Сяо-цинь поняла, что она видит перед собой одного из слуг Духа Огня, вырвавшегося на свободу. И у нее тотчас мелькнула мысль — воспользоваться страшной силой юноши.

— Как тебе не стыдно, Хо-шень (т. е. дух огня), — сказала она, — тратить понапрасну свою силу?

Красный юноша, дух еще неопытный, не слышал осторожного приближения Сяо-цинь. Он смущился, как школь-

ник, застигнутый учителем в самый разгар шалости.

Увидев перед собой молодую женщину, — хотя, очевидно, тоже духа, — он успокоился и рассказал, что убежал от своего строгого господина — Духа Огня, хотевшего наказать его, молодого слугу, за своеволие. И хотя он очень опасается погони, но ему сделалось так скучно среди темноты и ночного холода, что он не мог отказать себе в удовольствии позабавиться огнем.

Сяо-цинь скоро убедила юношу, что она даст ему забаву поинтереснее этой, — и они вместе продолжали путь до Хан-чжоу.

Как забилось сердце Зеленой, когда она заметила Башню Громовой Стрелы! Целых четырнадцать лет она не видела этих мрачных сводов, под которыми страдает ее прекрасная госпожа!

— Ну, Хо-шень, — сказала Сяо-цинь, показывая на башню, — вот тебе цель для твоих мячей: бей ее — можешь наиграться вволю!

Молодой дух огня не заставил себя просить вторично: он ударил клубом огня в башню с одной стороны, с другой, с третьей — и скоро вся башня превратилась в столб яростного пламени, который поднимался до самого неба.

Великая Гуань-инь-пу-сы, богиня милосердия, все видела с высоты своего южного престола. Еще несколько минут — и священная башня, свидетельница стольких событий и поколений, — исчезнет с лица земли...

Благая богиня не могла допустить такого варварства. Схватив одну из стоявших у ее трона неоценимых нефритовых ваз, она с быстротой мысли помчалась на Золотой Остров.

— Фахай, — воскликнула богиня, — Зеленая Змея подожгла Башню Громовой Стрелы! Спасай поскорее!

Монах схватил свой кубок и вместе с богиней в один миг перенесся в Хан-чжоу.

Сяо-цинь заранее торжествовала победу. Под влиянием страшного жара, кирпичи верхних этажей башни уже стали рассыпаться; еще немного времени — и башня превратится в груду песка и обломков, из-под которых уже нетрудно будет извлечь Белую...

Увидев внезапно перед собой Фахая и Гуань-инь-пу-сы, которая смотрела на нее с гневом и укоризной, Сяо-цинь по-мертвела от ужаса. Страх так сковал ее члены, что она не могла шевельнуться и широко раскрытыми глазами смотрела на богиню; Зеленая никак не могла предполагать раньше, что она вызовет гнев и противодействие Милосердной.

— Задержи ее, — сказала богиня Фахаю, — пока я буду тушить огонь!

С этими словами Гуань-инь бросилась к озеру, зачерпнула своей драгоценной вазой воды и, поднявшись над башней, стала лить на нее воду...

И свершилось чудо: маленькая ваза казалась бездонной, вода лилась из нее, не иссякая, до тех пор, пока огонь малопомалу не стал уменьшаться и наконец совсем потух; только кое-где пар белыми струйками поднимался над громадой покерневшей башни.

Тем временем Фахай, исполняя приказание богини, подошел к Сяо-цинь и сделал движение рукой вокруг ее головы. И Сяо-цинь исчезла. Только в кубке монаха ползала, медленно извиваясь, небольшая зеленая змея...

— В наказание за ее вину, — сказала подошедшая богиня, — пусть она будет заключена в моей вазе четырнадцать лет!

Такое мягкое наказание было очень не по душе мстительному и злобному монаху, — но он не смел противоречить великой богине; осторожно переложив змею из своего кубка в вазу богини, он закрыл драгоценный сосуд сверху волшебной бумагой, сделанной из волокон аира и сердцевины лин-чжи-цао. На ней монах священной кистью написал такое могущественное заклинание, что никакой дух не мог спасти Зеленую из ее плена ранее указанного богиней срока.

XXIII

Ханьвэнь потерял всякий интерес к жизни. Каждая вещь в доме напоминала ему о его тяжкой утрате; пустое кресло за столом, старая одежда на гвозде, недоконченное рукоделие — мгновенно вызывали перед ним образ его кроткой, прекрасной жены, который смотрел на него с улыбкой бесконечной любви и всепрощения...

Томимый тоской, Ханьвэнь ежедневно бродил по улицам города или по берегу озера; он внимательно осматривал землю под всеми кустами, где они когда-то отдыхали, стараясь найти отпечаток ее божественно-крохотных ножек...

Прекрасно поставленное дело Ханьвэня шло все хуже день ото дня. Приказчик, заменивший Сучжэнь в лавке, не был заинтересован в успехе торговли; теперь в Ханьвэнской аптеке можно было купить только те же обыкновенные снадобья, как и в других аптеках: Ханьвэнь не мог уже доставать тех целебных трав, которыми раньше славилась его аптека. На все сетования и советы старых знакомых он только махал рукой.

Скоро аптека была продана за десятую часть ее стоимости.

Прошло три года со дня страшного погребения Сучжэнь.

Однажды вечером в комнату Ханьвэня вошла его сестра и очень удивилась, не найдя брата, потому что в это время он всегда был дома. Подойдя к столу, она с ужасом увидела на куске бумаги его волосы, черные, как вороново крыло, свернутые тугим узлом⁵¹. Подняв волосы, она увидела на бумаге ряды спешно набросанных иероглифов и узнала почерк брата.

«Я покинул свой дом навсегда, — писал Ханьвэнь. — Жизнь, так меня манившая и казавшаяся издали такой прекрасной, — что она мне дала в действительности? Ряд уни-

жений и несчастий; играя со мной, как злобный демон, она показала было мне на миг, как может быть счастлив человек, а затем заставила меня выпить море горя. Верно говорил мудрый Фахай, что полного удовлетворения человек достигнет только тогда, когда смирит в себе все чувственные желания, потому что смерть происходит от жизни, жизнь от рождения, рождение — от желания. Весь видимый мир, все, что рождается от желания, — все это только мечта, узорчатая, временами ослепительная и прекрасная, временами ужающая и страшная ткань фантазии... Я не хочу более быть привязанным к призрачным вещам, я хочу спокойного безмятежного пути, свободного от злого духа миража. Я покидаю этот дом навсегда и иду на Золотой Остров. Сбросив эту одежду, буду там ждать, когда и дух мой сбросит свою презренную оболочку, привязывающую его к жизни — этому кошмару греха и желания».

Спящий Дракон быстро рос и делался сильным и умным ребенком. Поступив с шести лет в школу, он поражал учителя своими вопросами, на которые сам учитель часто не мог дать ответа; и, чтобы избежнуть неловкого положения, старый учитель говорил:

— Учись прилежно и читай книги! Из книг ты все узнаешь; в них ты найдешь ответы на все вопросы, какие ты только можешь задать.

Тогда мальчик с жаром принялся за ученье. Быстро усвоил он Троесловие, затем Тысячеслов, потом Четверокнижие и Пятикнижие⁵². Все время он шел первым в классе, и учитель ставил его в пример другим.

Ему стали завидовать.

Через несколько лет он был гораздо выше своих сверстников в умственном развитии и познаниях; его сочинения не только читались в классе, но даже отправлялись раза два провинциальному экзаменатору как образцовые.

Товарищи возненавидели Сюя. Они пробовали даже не-

сколько раз его поколотить. Но юноша оказался и физически настолько сильным, что забияки больше его не трогали.

Но зато с каким злорадством передавались из уст в уста разные грязные и непристойные истории о Сюе! Говорили, что он по вечерам ходит по городу в женском платье, что он любит только змей и всяких гадов; что его мать была ведьмой, которая была наказана тем, что ее живьем закопали под Башней Громовой Стрелы; что его настоящий отец был буддийским жрецом и т. д.

Эти рассказы до того обижали Спящего Дракона, что он наконец не вытерпел: взял свои книги и ушел из школы навсегда.

Когда Сюй пришел домой и откровенно рассказал все, что случилось, то его тетка подумала: «Чем я дольше буду скрывать от него истину, тем ему впоследствии будет больнее!» И она рассказала мальчику об их предке, спасшем Белую Змею от смерти, о Великой Матери, о страстной любви и преданности к его отцу Белой Змеи, отказавшейся от бессмертия для того, чтобы дать ему счастье и сделавшейся матерью Сюю, прекрасной Сучжэнь...

Одна за другой, как в свитке, развертывались перед пораженным мальчиком все прошлые драмы; картины то страшные, то нежные очаровывали его и сладко сжимали сердце или потрясали ужасом весь его организм, и Сюй, с широко раскрытыми глазами и прекратившимся дыханием, казалось, наяву переживал весь тот ужас, всю ту бездну горя и отчаяния, которые пережили его несчастные родители...

Мальчик зарыдал и в конвульсиях упал на пол...

Тетка наняла для Сюя частного учителя, который жил вблизи них, и поэтому учителю не составляло никакого труда приходить к ним на дом. Учитель, почтенный цзюй-жэнь, был поражен способностями и прилежанием ученика, который, казалось, схватывал все на лету и никогда не забывал. Учитель, которому приходилось подновлять свои познания из книги, часто бывал смущен, когда ученик, прочитавший эту книгу, рассказывал учителю наизусть целые страницы вперед...

Года шли. Спящий Дракон развивался физически и умственно, подавая надежду сделаться замечательным ученым и мудрецом.

Настало время губернских двухгодичных экзаменов. Сюй страшно волновался; но учитель ободрял его, говоря: «Если не выдержишь — эккая важность! Ты еще мальчик, а экзамены можешь держать хоть до восьмидесяти лет!»

Сюй рассмеялся и с веселым сердцем пошел на экзамен⁵³.

Целый день юноша сидел в отдельной келье, перечитывая свое сочинение, хоть он и написал его за полчаса. Кажется, все тексты верны, иероглифы написаны красиво, тона в стихотворениях соблюdenы...

Юноша шутя выдержал экзамен и получил степень сюцай'я — студента, которая уже открывала доступ к государственной службе, хотя Спящему Дракону было только четырнадцать лет. А сколько людей всю жизнь держат экзамены, добиваясь этого звания, — и все напрасно!

Через три года в Хан-чжоу приехал из Пекина экзаменатор по фамилии Го, для производства испытания студентам, желающим получить степень цзюй-жэня. Рассказывали, что этот Го отличается невероятной строгостью; что экзаменоваться у него — все равно что иголкой поле пахать.

Но учитель заставил Сюя идти на экзамен.

В этом году из Су-чжоу и Фу-чжоу собралось в Хан-чжоу около восемнадцати тысяч студентов. Экзамены, действительно, были очень строгие: выдержали только сто пятьдесят пять человек⁵⁹.

Но сочинение Сюя на изречение Конфуция: «Ученье без размышления — бесплодная работа; размышление без ученья — умственная смерть» — так понравилось экзаменаторам, что Сюй единогласно был признан цзе-юанем, т. е. первым цзюй-жэнем...

Ему было только 20 лет, когда он, по настоянию старого Се — своего учителя, — приехал в столицу держать экзамен на цзин-ши. Се, гордившийся успехами своего ученика, при-

ехал с ним.

Экзамен, по обыкновению, прошел блестяще, и Сюй получил степень хуй-юань — т. е. первого цзин-ши.

Юноша был подавлен, почти испуган своими успехами; и если бы не Се, то он уехал бы домой тотчас после экзамена. Но старый учитель, глубоко уверенный в своем ученике, заставил последнего согласиться на добавочный экзамен во дворце, в присутствии самого Сына Неба.

С трепетом явился юноша на «чао-као», т. е. на «придворный экзамен»; с благовением получил он тему, написанную самим «десятитысячелетним повелителем», — но она показалась ему совсем легкой, и он без всякого усилия написал блестящее сочинение, где выказал и нежность чувства, и твердость сердца, и силу ума, и возвышенность духа.

На другой день в залах дворца император устроил роскошный пир в честь нового чжуань-юана, первого ученого во всей Поднебесной. Император долго беседовал с Сюем, поражаясь умом и богатством знаний у такого молодого человека.

— Что вы намерены предпринять, — спросил император, — прежде, чем вы приступите к исполнению своих обязанностей на том ответственном посту, который мы хотим вам предложить?

— Великий Государь, — отвечал Сюй, — я — ваш; но еще прежде я принадлежал отцу с матерью. Поэтому прежде, чем Ваше Величество найдет применение моим ничтожным способностям, я хотел просить разрешения пойти поклониться гробу матери и проститься со стариком-отцом.

Как ни хотелось императору не отпускать от себя чжуань-юана, но — долг перед родителями прежде всего⁵⁴: и Сюю было разрешено вернуться в Хан-чжоу.

Молодой ученый отправился в Хан-чжоу не прямой дорогой, а через Чжэнь-цзян, чтобы увидеть своего отца.

Сильно забилось сердце юноши, когда, приближаясь к

Чжэнь-цзяну, он увидел необозримую гладь Великой реки, на востоке и на западе сливающуюся незаметно с небом; а на юге чуть виднелся противоположный берег, едва оттененный виднеющимися вдали бледно-лиловыми пологими холмами. Прямо перед ним из могучих недр гигантской реки высилась Золотая Гора, похожая больше на искусственное сооружение, чем на остров. На вершине ее по-прежнему сверкали и переливались в лучах яркого солнца прихотливые крыши буддийского монастыря, в котором, как это знал Сюй, уже семнадцать лет безвыходно живет его отец...

Монах — монастырский перевозчик быстро перевез юношу на Золотой Остров. Сюй поднялся на вершину по крутой лестнице с вырубленными в скале ступенями и поступал в обитые медными листами ворота.

Привратник в черной порыжелой рясе, с бритой головой и добрыми, мечтательными глазами, окружеными целой сетью морщин, приотворил немного ворота.

— Здравствуйте, старый наставник, — сказал Сюй. — У меня есть дело в вашем монастыре!

Монах впустил его во двор, где стояла группа монахов в ожидании вечерней службы, и тщательно запер ворота, ведущие в греховый мир.

— Позвольте узнать, господин, какое у вас дело, чтобы я мог доложить настоятелю, — сказал привратник.

— Я хотел бы видеть наставника Ханьвэня.

— Ханьвэня? Я его не знаю; у нас такого монаха нет!

— Я вас уверяю, что Ханьвэнь, Сюй-Ханьвэнь, у вас в монастыре живет уже семнадцать лет⁵⁵.

Тогда от группы монахов отделился один и подошел к спорившим. Он был средних лет, высокого ростом, с прекрасными черными глазами. Несмотря на суровый монастырский режим, истощавший его тело, он был еще очень красив.

— Примите благословение великого Фо, юноша! — сказал монах. — Скажите, что вам нужно от того человека, про которого вы спрашиваете?

Сюй хотел ответить монаху, но, посмотрев ему в лицо — был поражен: глаза монаха неестественно расширились, вились в лицо юноши; улыбкой счастья дрогнули уста...

— Сын! — воскликнул монах, протягивая руки к юноше, который, рыдая, упал в ноги Ханьвэню, узнавшему в юноше свой молодой портрет.

Ханьвэнь не мог скрыть своей гордости. Ведь это — его сын, его маленький Спящий Дракон — чжуань-юань, первый ученый, которого почитает сам император! О, если бы могла это видеть его мать, незабвенная Сучжэнь!

Тщетно монах старался гнать от себя нечестивые мирские мысли; тяжелые и радостные воспоминания властно проникали в его сердце и мутили его ум. Не будучи в силах сохранить даже наружное спокойствие, — он прибегнул к последнему средству.

— Сын мой, — сказал он, — пойдем, возблагодарим великого Фо за оказанные тебе милости!

Они вошли в храм. Прохладой, мраком и торжественной жуткой тишиной охватило их. Глядя на отца, распростершегося перед гигантской статуей великого миролюбца — Будды, сидящего на лотосе и благословляющего одной рукой весь мир, — юноша почувствовал, как мир и тишина проникают в его пылкое сердце.

Хань поднялся. На его глазах были слезы, но лицо выражало спокойствие.

— Отец, — сказал юноша, когда они вышли из храма, — идем скорей к Фахаю. Ведь уже исполнилось двадцать лет с тех пор, как моя несчастная мать была погребена под башней этим жестоким человеком. Срок исполнился, все искуплено, — он должен ее освободить!

— Не говори дурно о святом человеке, — возразил Ханьвэнь. — Он — только рука Будды. Пойдем к нему, и ты увидишь, какой это достойный человек.

Но, несмотря на все поиски, они не нашли Фахая. Второй привратник сообщил им, что настоятель еще утром ушел из монастыря с посохом и до сих пор не возвращался.

Молодой Сюй не мог ждать.

— Отец, — пылко говорил он, — идем сейчас же домой и освободим мать!

Хань грустно улыбнулся.

— Дитя мое, ты забыл, что я теперь только жрец велико-

го Фо; быть может, он, по своей благости, и простит меня за то, что я пытаю к тебе чувство отца, — но для меня не должны существовать радости семейной жизни. Я так погряз в грехах, что до сих пор меня волнуют воспоминания прошлого... Иди, мой сын, один и освободи свою мать; а я — я должен остаться здесь и до конца моей жизни молить Безначальный Свет, — да простит он всем нам наши грехи!

Сердце сжалось у Спящего Дракона от отцовских слов, и он горько заплакал. Но он понимал, что отец не может поступить иначе и, поклонившись отцу в ноги, он вышел из монастыря.

В тот же день он отправился в Хан-чжоу.

XXIV

На четвертый день молодой Сюй был уже в Хан-чжоу. Купив ладан и ароматы, чтобы возжечь их у гробницы матери, он ближней дорогой поспешил к Башне Громовой Стрелы. За ним шли родственники и друзья.

Вот и длинная лестница, которая ведет от подножия до вершины холма, на котором стоит башня. Юноша стал быстро подниматься по ней; сердце его учащенно билось — и одна мысль, одно слово, казалось, было ему в виски: «Скорей, скорей, скорей!»

В тот момент, когда он был уже наверху, его поразило дивное благоухание, распространившееся вдруг в воздухе. Взглянув невольно вверх, он увидел большое белое облако, медленно опускающееся около башни. Когда оно достигло земли, из него вышел высокий худощавый монах с лицом, выражавшим могучую волю; он подошел к алтарю, стоявшему в нише башни, и сделал троекратное коленопреклонение.

Сюй сразу догадался, кого он видит перед собой. Подойдя к монаху, он спросил:

— Вы — Фахай?

— Совершенно верно, — ответил священник.

Бешеная злоба закипела в груди Сюя.

— Зачем ты заключил мою мать в эту ужасную башню?

— проговорил он, едва сдерживая себя.

— Для того чтобы она сделалась бессмертной, — бесстрастно отвечал монах, не взглянув на юношу.

Спокойствие жреца окончательно вывело Сюя из себя.

— Я давно искал тебя, негодяй, — закричал он, нанося монаху страшный удар кулаком по голове.

Как сноп, упал Фахай на землю.

Сюй был юноша очень сильный; он чувствовал, что сейчас он способен убить этого волхва — эту гадину, тварь, погубившего его мать и навеки разбившего счастье его отца...

Но жуткая и острыя мысль пронизала его мозг: «Что я делаю? Так ли нужно освобождать мать?» И когда он увидел распростертого на земле не страшного Фахая, а беспомощного старика, — другая мысль заставила его густо покраснеть:

«Как я, изучивший все правила почтения к старшим, мог поднять руку на старика?»

Между тем, Фахай с трудом поднялся с земли. В лице его не было злобы, — оно было по-прежнему бесстрастно.

— Только сегодня, — спокойно сказал он, — для твоей матери окончился срок искупления ее грехов. Сегодня она сделается бессмертной и вознесется на небо, где она не будет более знать ни мучительных страстей, ни грязнящего греха, ни земных желаний; тлетворное трепетание земных радостей, мук и скорбей не нарушит более ее покоя; она не исчезнет, но сольется воедино с жизнью вселенной. Она была змеей, животным, — но сегодня она перейдет в высший разряд духов, и не телом, а духом. И она познает бесконечную жизнь — счастье, неизмеримое временем, — покой.

Сюй виновато стоял перед монахом, и чувство почтения к священнику зародилось в нем.

Фахай, подойдя к башне вплотную, своим длинным посохом удариł три раза в землю, громко воскликнув:

— Разверзнись, о древняя мать Земля, разверзнись!

Основание гигантского здания треснуло и застонало; и вдруг, сдвинувшись в сторону, открыло огромную, бездон-

ную щель.

— Белая Змея, — воскликнул громко Фахай, — выходи!

Благоухающий порыв ветра пронесся из глубины зияющей пропасти; послышался звук, как от крыльев стаи голубей — и перед башней появилась ослепительно прекрасная, улыбающаяся Сучжэнь; такая же, какой она была 20 лет назад, но выражение лица ее было одухотвореннее, спокойнее, глаза глядели мягко и проникновенно...

Волна безумной радости и счастья залила сердце юноши. Как очарованный небесным видением, смотрел он на мать, но уже через мгновение с криком бросился к ней, схватил Сучжэнь на руки, целовал ее и плакал.

Из глаз Сучжэнь тоже текли слезы и она, улыбающаяся, гладила волосы своего маленького Спящего Дракона.

Когда к Сюю вернулась способность речи, он воскликнул:

— Мама, дорогая! Никогда не было в мире человека счастливее меня! Идем скорей домой — о, как мы счастливо заживем!

— Нет, мой сын, — грустно улыбнулась Сучжэнь, — нет, я не могу этого сделать. Сегодня я кончила искупление моих прегрешений, и сегодня же я должна вернуться к Праматери — ибо я освободила свой дух и сделалась бессмертной.

Затем, повернувшись к пораженным и восхищенным родственникам и знакомым, толпившимся рядом, она продолжала:

— Дорогие мои! Благодарю вас от всего моего сердца за любовь и заботы, которыми вы окружали моего сына в дни его юности; благодаря вам он сделался первым ученым в Поднебесной и прославил родину.

Сюй был так поражен словами матери, что не мог проинести ни слова; черты лица его исказились горем.

В толпе раздались рыдания.

— Не плачьте обо мне! — обратилась Сучжэнь к родным.

— Годы моего мира и счастья начинаются только сегодня. А теперь, перед разлукой, я вам расскажу то, что до сих пор было скрыто от людей, расскажу вам мою первую вину, за которую давным-давно я уже была осуждена Небесным Про-

мыслом пройти круг жизни человека, испытать его радости и горе...

Это было давно — очень давно, в то время, когда в Поднебесной наш народ, Хань, еще не жил; тогда здесь, на устье Да-цзяна, обитало племя маленьких ростом, слабых, но добрых и благочестивых людей. Они не умели проводить каналов, и поэтому вся эта страна была покрыта бесчисленным количеством болот, между которыми кое-где возвышались холмы и горы. Болота населяли лягушки, а холмы — змеи. Между теми и другими всегда велась беспощадная война, причем перевес был то на той, то на другой стороне.

Когда я, Белая Змея, сделалась царицей змей, война привняла счастливый для нас оборот: мы почти всегда одерживали победу над врагами и совсем бы уничтожили их, если бы царем лягушек не сделался хитрый волшебник, искусство которого равнялось моим знаниям.

Однажды, после большой битвы, где мы, змеи, тоже одержали верх, царь лягушек захотел погубить нас другим способом. Посредством магических заклинаний он поднял воды реки так, что вода залила всю страну. Бесчисленное количество змей и других животных погибло в воде; спаслись только те, кто был на горах. Я сама едва избежала смерти.

Царь лягушек торжествовал победу.

Но горе в том, что во время этого наводнения погибло также множество людей...

Небо было раздражено тем, что мы с царем лягушек из-за наших счетов погубили людей. Чтобы мы поняли, насколько человеческая жизнь дороже и полнее нашей, Оно предназначало нам пройти весь цикл людской жизни; и в наказание — мне суждено было быть слабой, испытать любовь и счастье, и — окончить эту жизнь под башней; а царю лягушек — быть могучим и мудрым, но никогда не ведать ни радости, ни счастья.

Но я сама узнала об этом только впоследствии.

И — я уединилась в Гrot Чистого Ветра.

Теперь вы все знаете... Одно меня сокрушает: что я не могу исправить зла, сделанного мной в жизни.

Сучжэнь умолкла и поникла головой.

Тогда Фахай, молчавший все время, выступил вперед и сказал:

— Теперь, люди, слушайте меня. Тот волшебник, тот царь лягушек, о котором говорила Белая Змея, это — я!

Пораженная Сучжэнь сделала движение.

— Не бойся, — улыбнулся Фахай, — прежнего твоего врача давно нет: теперь — я только монах.

После того, — продолжал священник, — когда наводнение, о котором говорила Белая Змея, прекратилось и почти все змеи погибли, я торжествовал победу, думая, что и мой главный враг — царица змей — погибла. Это было для меня единственное утешение при виде смерти той массы людей и животных, которых я погубил...

Но вот воды вошли в свои берега; змеи стали быстро размножаться на оставленных людьми местах, и я посредством моей волшебной силы узнал, что мой враг — Белая Змея — жива.

Тогда раскаяние и сожаление о загубленных мной жизнях так овладели мной, что я решил уйти из области Да-цзяна и отправился путешествовать.

Много-много лет я, в виде лягушки, бродил из страны в страну, гонимый роком, не находя себе ни смерти, ни покоя.

Однажды я отдыхал в тени большого дерева около дороги. Это было далеко отсюда, в иной стране. Вдруг на дороге показалась группа людей, которые шли прямо ко мне. Я хотел было убежать, но шедший впереди всех человек так поразил меня своим видом, что я остался на месте. С помощью моего волшебного зрения я увидел сияние вокруг его чела; я увидел бесконечную любовь и жалость его сердца; я увидел, как демоны зависти, коварства и зла в ужасе бежали от него...

Люди сели в тени того же дерева, под которым был и я, а Он стал их учить. Святые слова то огнем падали мне на сердце и жгли его, то как роса и благоухающий елей врачевали его...

«Ни в воздушном пространстве, ни посередине моря, ни если ты поднимешься на горные вершины, — ты не най-

дешь места на земле, где бы ты мог избежать плодов твоего злого дела», — говорил Он.

Меня объял ужас — я понял, что Он говорит мне.

«Пламя нашего существования при переселении душ блуждает по отдаленным странам от неба к аду и от ада к небу. И, в зависимости от дел, ты переродишься в адское существо и будешь мучиться в огне; или в прет — и будешь мучиться от голода и жажды; или в животное — и будешь попадать в капканы; или в человека — и будешь страдать от людских пороков; или в тенгри — и будешь страдать от гордости... Но если ты всегда будешь избегать зла, т. е. страданий, то сможешь, наконец, слиться с Нирваной-первоисточником, будешь частью мировой души...⁵⁶

Очам неспящим ночь долга,
Стопам усталым долог путь,
Долга и возрожденья скорбь,
Кому неведом правды свет..

Как озеро зеркальных вод
Спокойно, чисто, глубоко,
Находит сердце мудреца
В ученьи истинный покой.

Ты жизни ток затормози,
Из сердца похоть изгони;
Кто знает созданного тлен,
Несозданного видит мир.

Напрасно вечно я блуждал
Перерождения путем,
Ища владельца бытия;
Несчастен всех рождений рок.
Строитель дома! Ты открыт.

Уж дома не построишь впредь!
Разбиты балки все твои,
И крыша дома снесена.

Дух, все земное позабыв,
Достиг конца желаний всех»⁵⁷.

Так говорил Готама, и мое сердце переполнилось такой сладкой болью, любовью ко всему живущему и сокрушением о моих злодеяниях, что я мысленно воскликнул: «О, Великий! Если бы я мог самыми страшными муками заплатить за миллионную долю того зла, которое я причинил ничтожнейшему из живых существ, — я с радостью пошел бы в костер или дал бы себя растерзать на тысячу кусков!»

В это время к нам подошел пастух со своим стадом. Увидев группу учеников и посреди них проповедовавшего Святого, он подошел ближе, чтобы послушать слова Готамы. Пастух оперся на свой длинный посох — и конец посоха уперся как раз в меня...

Страшная боль едва не лишила меня сознания. Но я помнил, что, закричи я — я прервал бы святые слова поучения...

А Будда продолжал проникновенным голосом:

«В ад попавши, знать не будешь
Ты стремлений к жизни лучшей;
Средь мучений позабудешь
Звук небесных всех созвучий».

Посох все сильнее давил меня, а божественная речь лилась:

«Если раз хоть в жизни низкой
Пред святынею смиришься,
То, ввиду кончины близкой,
Помни: претом возродишься».

Кости мои трещали и я понял, что умру, если пастух сейчас не поднимет своего ужасного посоха. Но пастух внимательно слушал, устремив взоры на Учителя...

«Но, когда средь злодеяний
Красоту добра поймешь,

После долгих лет скитаний
Вновь животным жизнь начнешь».

Тело мое было совсем расплощено. Посох пронизал меня и пригвоздил к земле. Я решил умереть, но не издать ни одного звука. Казалось, не уши мои, а сердце ловило святые слова:

«Коль душа твоя двоится
Между злом и меж добром,
Человеком возродиться
Суждено тебе потом.

Но, когда в земной юдоли
Не забудешь божество,
То в награду доброй воле
Узришь тенгри торжество.

Если ты не вознесешься,
Гордый дух смиряя вновь,
С Безначальным ты сольешься:
Нирвана — Свет, Душа, Любовь»...

Это были последние слова, которые уловило мое ухо среди мук агонии...

И — следующие мои воспоминания относятся уже к тому времени, когда я, мальчик, играю на коленях у матери; я возродился в человека.

С тех пор я еще смутно помню несколько перерождений в человеческом мире; помню только, что я никогда не был счастлив и не испытал любви. Теперь — я служитель великого Фо и понял, что моя жизнь в этом перерождении подошла к концу. Две чаши наполнены доверху: сбылось уже предопределеннное мне и Белой Змее...

Немая толпа внимала монаху. Вместо прежнего выражения страха и ненависти к нему, на многих лицах отражалось почтение и благоговение к этому могучему волшебнику, но

несчастному человеку, к этому избранному сосуду вышней воли...

— Сучжэнь, — обратился Фахай к прекрасной женщине, — кончились наши земные странствования, — простись с сыном.

Сюй упал в ноги матери.

— Дитя мое! — сказала она, и голос ее задрожал и прозвенел, как металлическая струна, готовая оборваться. — Дитя мое! Что же я тебе скажу перед вечной разлукой? Ты думаешь, у тебя нет семьи, дома, отца? Твой дом — от востока и до запада, от севера и до юга, а крыша — посмотри, какая она высокая и какая голубая!..

Ты думаешь, у тебя семьи нет? Оглянись кругом, сколько старых дядей, взрослых братьев и малых детей, больных, измученных, несчастных не по своей вине, без вины виноватых окружают тебя?! Матери у тебя нет? А наука! Ты — ее любимое детище; недавно она тебя всенародно усыновила... Отца нет? Есть отец, отец всей твоей семьи, всего твоего народа, Император. Сын мой, завещаю тебе — храни ему верность и любовь; оправдай честь и доверие, оказанные тебе родиной, оправдай возложенные на тебя надежды. Прощай, родной, — дух мой будет с тобой!

Сюй рыдал и бился у ног матери. Он чувствовал, что должен что-то предпринять; но чья-то могучая чужая воля, сильнее его собственной, парализовала его.

Повернувшись к Фахаю, Сучжэнь просто сказала:

— Я готова.

Фахай махнул жезлом. Тончайший аромат, неведомый никому на земле, распространился в воздухе.

Вдруг над башней появилось колеблющееся и волнующееся облако, нежное, жемчужное, переливающееся всеми цветами радуги; оно остановилось на один момент в воздухе и затем плавно опустилось к ногам Сучжэнь.

— Всходи, — приказал священник.

Бледная, как туман самого облака, но прекрасная как никогда и улыбающаяся, Сучжэнь ступила на облако и опустилась на колени.

—Дитя мое, — сказала она, кланяясь сыну и протягивая руки к нему и к родственникам, и невыразимая нежность светилась в ее взгляде, — и вы, дорогие мои! Будьте вечно счастливы!

Облако поднялось: сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, и скоро скрылось на западе за горизонтом.

Фахай снова махнул своим посохом. Плывшее по небу золотистое облако тотчас опустилось к его ногам, распространяя благоухание ладана. С волшебным кубком в одной руке и жезлом в другой, Фахай легко вспрыгнул на сверкающее и волнующееся руно облака и с возгласом: «Ом мани падме хум», — исчез в сиянии.

ЭПИЛОГ

Смущенный духом, разбитый нравственно и физически, молодой Сюй вернулся домой. Как ни священны были для него наставления матери, но все-таки — его отец — монах, его матери нет, все кругом чуждо... Жизнь представлялась такой безотрадной, такой мрачной...

Тяжелое одиночество и постоянное мрачное раздумье юноши тронули сердце его кузины. Она была одних с ним лет и они были помолвлены еще детьми.

Теперь, сочувствуя горести двоюродного брата, хорошенская Сяо-я решила нарушить обычай: она сама напомнила брату их обязательство и сообщила, что ничего не будет иметь против того, если он немного поторопится с совершением брачной церемонии.

— Это только для того, — уверяла ее мать, принесшая Сюю письмо дочери, — чтобы она имела право утешать и поддерживать вас в вашем великом горе.

Это было бальзамом для надломленной души молодого чжуан-юаня. Благоприятный день был назначен и молодые вместе преклонили колени пред табличками предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

к

Легенде о Белой Змее

1) «Путь» — дословный перевод слова «Дао», откуда произошло название народной религии Китая — «даосизм». Этим словом Лао-цзы назвал основной элемент своего учения.

Ли-дань, по прозванию Лао-цзы («древний мудрец»), родился в 604 г. до Р. Х., старший современник и противник Конфуция, величайший мыслитель Китая.

Слово «дао» в том смысле, как употреблял его Лао-цзы, — непереводимо. Сам Ли-дань говорит: «ДАО неопределимо словами и непостижимо чувствами, вечно и не имеет имени; и то ДАО, которое можно определить словами — не есть вечное ДАО. Оно не дает впечатления или вкуса для рта, ни света для глаз, ни звука для ушей... глубоко и непостижимо ДАО; это бездна, породившая все предметы».

Европейские ученые пробовали перевести это слово греческим «логос» (верховное бытие, разум и слово) и «натура», «первопричина вселенной», «метод»; это — самодовлеющее начало и конец идей, силы и материи.

Учение Лао-цзы, изложенное в его книге «Дао-дэ-цзин» («Книга пути добродетели»), во многом сходно с философией Шеллинга (см. брошюру Гарлесса: «Лао-цзы, первый философ китайский или предшественник Шеллинга в VI веке до Р. Х.»).

2) «Праздник персиков» — пань-дао-хуй, собрание гениев и богов в гесперидских садах богини Си-ван-му в день ее рождения, 3-го числа 3-ей луны.

3) Си-ван-му — «западная княгиня», баснословная царица на горах Кунь-лунь, в садах, где растут персики бессмертия, в золотых стенах, над девятью слоями облаков, против Сев. Медведицы. У даосов она есть начальница всех бессмертных женского пола (Палладий).

Вопрос о Си-ван-му — крайне интересная загадка для истории всей Азии, над разрешением которой трудились историки-китайцы, иезуиты и персы в течение не одной сотни лет. Без сомнения, личность или, вернее, личности Си-ван-му — вполне реальные, оставившие яркий, но недостаточно определенный след в истории Китая. Писатели-иезуиты 18-го столетия хотели видеть в Си-ван-му царицу Савскую, приходившую на поклон к Соломону, а в последнем — императора Му-вана. В тот период, когда история встречается с рассказом о Си-ван-му, может быть, в стране этого государя или этой династии и управляла королева. В позднейшее время присутствие королев в северо-западных и восточных частях Тибета помогло закреплению народного взгляда, что Си-ван-му всегда была женщиной и является даже одной и той же бессмертной королевой. Но изучение древних китайских текстов нигде не подтверждает, чтобы Си-ван-му была непременно женщиной. Имя Си-ван-му встречается еще во времена императора Хуан-ди (2698-2598 до Р.Х.), которому Си-ван-му прислала в подарок яшмовые кольца и топографические карты. Терриен де Лакупери, желая видеть в Хуан-ди вождя того племени китайцев, которое выселилось из Месопотамии в Китай, приурочивает этот факт к тому времени, когда он проходил через Восточный Туркестан. Императору Шунь Си-ван-му прислала в подарок кольца из белой яшмы. Великий Юй также имел сношение с Си-ван-му. При династии Шан, около 1530 г. до Р.Х., к Си-ван-му было отправлено посольство для получения волшебных снадобий. Но самое знаменитое путешествие к Си-ван-му выполнено императором Му-ваном (в 986 г. до Р.Х.), после которого Си-ван-му явился* ко двору императора.

Наиболее заслуживающее внимания упоминание о Си-ван-му мы встречаем в рассказе о вышеупомянутом путешествии чжоуского Му-вана. Очищенный от преувеличений, он является со всеми признаками точного и весьма древнего рассказа о путешествии Му-вана. Д-р Эйттель, опубликовавший это сообщение на английском языке в 1889 г., убеж-

* Так в тексте (*Прим. ред.*).

ден, что основная часть этого труда по происхождению очень древняя, и что составление ее отстоит очень ненадолго от событий, в нем описываемых. Тот же взгляд разделяет Т. де Лакупери.

В самом продолжительном из своих путешествий, продолжавшемся год и четыре месяца, Му-ван дошел до Каравшара, если не западнее, и в это время посетил страну Си-ванму и ее правителя. Терриен де Лакупери, после подробного анализа маршрута, приходит к заключению, что царство Си-ван-му нужно приурочить к долине реки Хайду-гола, которая впадает в озеро Баграч-куль; из озера река вытекает под именем Конче-Дарьи и течет в Тарим. Этот писатель упоминает и указывает на распространенную легенду, записанную у Фирдуси, будто Му-ван женился на дочери персидского царя.

Известен также факт брака дочери Му-вана с одним из принцев хорасанских.

Другие источники сообщают также сведения о положении владения Си-ван-му, в большинстве случаев согласные с рассказом о путешествии Му-вана. Вторая книга, одна из древнейших частей сочинения Шань-хай-цзин, сообщает, что на западе, в стране движущихся песков, имеются яшмовые горы, где обитает Си-ван-му. Эти горы всеми комментаторами отождествляются с упомянутой в путешествии Му-вана горой яшмы, помещаемой исследователями возле Турфана.

Это и некоторые другие показания, происходящие из разных источников и относящиеся к различным датам, определяют местопребыванием Си-ван-му страну между Каравшаром и Кучей.

То же заключение может быть выведено и из других источников. Даосский писатель Ху-ай-нань-цзы сообщает, что владение Си-ван-му находится за границей «движущихся песков». В географической главе летописи Ханьской династии Хань-шу сообщается, что эта страна находится на севере за Лоб-нором. Записки о Ша-чжоу в западном Гань-су, относящиеся к периоду Танской династии, и история 16-ти государств — ши-лю-го, около 500 г. по Р. Х., сообщают, что место, где обитала Си-ван-му, лежит к северу-востоку от Ян-

го, каковое имя приписывается Ян-ги-шару, около Кашгара, местности на восток от Кучи. В таком случае, горы, о которых здесь упоминается, будут на запад от Карапара — именно Байрак-таг, а под знаменитыми садами Му-вана будет разуметься Юлдузская долина, покрытая роскошной растительностью (А. Позднеев).

Открытия Свена Гедина, блестящим образом подтвердившие показания древних китайских историков, проливают новый свет на царство Си-ван-му и, конечно, дадут новый толчок изучению этого темного вопроса.

Открытие Гедином (благодаря рассказам туземцев) под песками пустыни развалин древних городов Такла-Макан и Кара-дун и вырытые предметы искусства доказывают, что когда-то страшная пустыня Такла-Макан представляла из себя цветущее царство с высоким уровнем культуры.

Если верить показаниям туземцев (а не верить им нет основания), то к югу от Ачик-Дары (Арка-Дары), т. е. недалеко на юго-запад от озера Баграч-Куля, находятся развалины города Шар-и-Катах, который, конечно, принадлежал к царству Си-ван-му. Если южная область с городами Такла-Маканом и Кара-дуном, и северная, около Баграч-Куля, не представляли одного государства, то связующим звеном между последними являлся город Шар-и-Катах.

Сам С. Гедин определяет время гибели открытых им городов не менее 1500-2000 лет назад; и эта дата вполне согласуется с теми выводами, которые можно сделать, сличая древних китайских авторов.

К величайшему сожалению, С. Гедину были, конечно, неизвестны китайские источники (Чжу-шу, Шан-хай-цзин, Мутян-цзы-чжуань, упомянутая записка о Ша-чжоу и пр.), иначе его бы не удивило открытие им в пустыне древней китайской дороги, охраняемой древними, хорошо сохранившимися крепостцами и пао-тайями — башнями.

Тогда бы ему в силу необходимости пришлось убедиться, что эта дорога не только «важный тракт, связывавший Курлю с древним Лоб-Нором», — но дорога (правда проходившая через Лоб-Нор и Курлю), шедшая далее на север в царство Си-ван-му, и по которой император Му-ван в 984

году до Р. Х. приехал в столицу Си-ван-му, стоявшую среди райских садов Юлдузской долины...

Эта долина — единственный уцелевший до наших дней остаток когда-то большого и культурного государства — до сих пор совершенно справедливо носит название «земного рая».

3) Цзинь-му, золотая мать, «древняя мать», — Ева, как Цзинь-гун, «золотой принц», — прародитель, — Адам китайского мистицизма.

4) Эти гладкие, без пушка, персики, называвшиеся еще «ледяными», «заоблачными», «персиками души», даровали бессмертность вкушившим их, поэтому они еще носили название «бессмертных». Для своего роста до первого цветения дерево требовало 3000 лет; столько же нужно было для цветения и образования завязи; и, наконец, еще 3000 лет должны были пройти прежде, чем плод мог созреть. Урожай этих персиков был очень обильный, — конечно, для того, чтобы плодов могло хватить «всей небесной породе» — всем бесчисленным даосским божествам.

5) У китайцев существует пословица: «Шань-тянь-ю-тань, ся ю Су Хан», т. е. — на небе есть рай, а на земле Су-чжоу и Хан-чжоу.

Действительно, трудно найти другое такое место на земле, как город Хан-чжоу, где бы природа и человеческое искусство, поддерживая друг друга, могли бы создать такие красивые виды. Марко Поло (1270 г.) и Одорик (1324 г.) описывают Хан-чжоу, как величайший и красивейший в мире город.

Действительно, и в настоящее время, после целого ряда разрушений, даже после разрушения Тайпинами (в середине позапрошлого столетия) всех казенных сооружений, т. е. всех достопримечательностей города, он поражает красотой своего местоположения и каким-то чудом уцелевшими остатками старины. Одно озеро Си-ху стоит того, чтобы его поставили во главе красивейших мест земного шара. Теперь

Хан-чжоу примыкает к озеру только с одной стороны; во времена Марко Поло город был в десять раз больше и озеро было почти в центре города.

6) Цин-мин, «чистый разум», праздник весны или праздник усопших, 5 числа 3 луны (в наст. году 1 марта; через 125 дней после зимнего солнцестояния, когда солнце вступает в 16-1 градус Овна, т.е. по-нашему — 5 апреля). В этот день китайцы совершают поклонения у гробов предков и поправляют могилы. Часто сверху рассыпают цветы или втыкают их в насыпь, как у нас в некоторых местах 30 мая.

7) Тянь-чжу-сянь-ши — известный рынок благовоний, которыми торгуют буддийские монахи.

8) Многие исторические данные указывают на то, что в древности, при погребении китайца, ему в могилу клали не только его любимые вещи, утварь, телеги, и т. п., но даже лошадей, коров, слуг и жен. Для удовлетворения всех земных потребностей покойника в загробной жизни, конечно, ему нужны были и деньги. Впоследствии такая трата имущества была признана непроизводительной, и действительные предметы стали заменять их изображениями, сделанными из стеблей гаоляна, обклеенными бумагой и раскрашенными в естественные цвета. Деньги также стали делать из бумаги, в виде общепринятой в Китае формы кружка с квадратным отверстием посередине, и в виде юань-бао, т. е. слитков, имеющих форму лодочки с грузом посередине. Такие «слитки» делались из золотой или серебряной бумаги; они наз. «чжи-цянь» — бумажные деньги.

Все эти предметы при погребении и при поминках сжигаются на могиле в уверенности, что они тотчас передадутся усопшему.

По древним правилам, в первые 100 дней после смерти родителей, дети должны ежедневно совершать поклонения на могиле, приносить яства и сжигать бумажные деньги; в следующие три года — церемония должна совершаться раз в месяц, а потом дети должны совершать поклонения не ме-

нее 4-х раз в год в течение всей своей жизни.

Все это соблюдается всеми китайцами по настоящее время, но, конечно, не так часто, как требуют правила.

9) Дяо — «связка» — народная монетная единица в Китае. Это — 1000 мелких медных монет, чохов, нанизанных на веревочку. Теперь в ходу «двойные» пекинские чохи, поэтому нанизывают только 500; но счет идет по-прежнему на 1000. Курс дяо меняется в зависимости от цены на серебро. В настоящее время курс очень низок: в одном ляне серебра теперь содержится 5 дяо, и 1 дяо равняется приблизительно 24 копейкам (см. пр. 21).

10) Жители Хан-чжоу, благодаря климатическим условиям и примеси большого количества крови древних аборигенов края, отличаются чрезвычайной худобой и настолько малым ростом, что люди, по европейским понятиям, среднего роста, резко выделяются среди толпы хан-чжоуских уроженцев.

11) Си-цзан — Тибет; Четырехречие — Сычуань, самая западная, прилегающая к Тибету, провинция Китая; доступ в нее очень труден, почему она заселилась значительно позднее остальных провинций.

12) Белая Змея, в одном из своих перерождений, родилась близ Хан-чжоу; ее мать была великий Дракон Гор, а отец — знаменитый Пай, полководец императорской армии.

13) Чжэ-цзян — провинция Китая к югу от устья реки Янцзыцзяна; столица этой провинции — Хан-чжоу.

14) Юй-хуан-ди, «Император Нефрита», верховный правитель мира в религии даосов. В даосской литературе он называется еще «Бог-Отец» (Giles).

15) «Башня Громовой стрелы», Лэй-фын-та. Эта единственная в своем роде башня была выстроена во времена Сун-

ской династии, около 968 года по Р. Х, княгиней Цянь, вдовой князя Цянь-шу, который был владетелем значительного княжества, составляющего ныне округа Хан-чжоу и Шаосин. Княгиня назвала ее «Хуан-фей-та», т. е. «башней вдовы Хуан», п. ч. ее девичья фамилия была Хуан. Но впоследствии (неизвестно в точности когда) холм, на котором построена башня, передал свое имя и башне, которая с тех пор и до настоящего времени известна под именем «Башни Громовой стрелы».

Первоначально княгиня Цянь хотела выстроить башню в 13-ть этажей, но у нее не хватило для этого средств; тогда она решила ограничиться только семью. Но заклинатели и гадальщики объявили ей, что башня даже в семь этажей будет слишком высока для «Фын-шую» города, что это может погубить весь ее род и принести громадные убытки городу, и что крайний предел высоты башни не должен превышать пяти этажей. И башня была воздвигнута в 5-ть этажей. Она построена из обожженного кирпича и стоила около 60.000 долларов.

Вышина башни от основания до вершины около 200 футов; в настоящее время пятый этаж уже полуразрушен. Недалеко то время, когда и вся башня превратится в развалины.

Древняя легенда говорит, что некогда в этой части берега озера Си-ху жили два духа или оборотня — Белая Змея и Зеленая Рыба. Кажется, эти сверхъестественные существа не всегда бывали расположены к людям, п. ч. последние боялись их смертельно; но после постройки башни оба духа были пленены и погребены навсегда под массивным основанием этого огромного здания.

Другая легенда рассказывает: однажды, во время царствования Цзя-цзина (1522 г.), с вершины башни Лэй-фын-та поднялись высоко три столба дыма, имевшие форму козлиных рогов, и исчезли в небесах. Это было превращение Белой Змеи, Зеленої Рыбы и Фахая в небесных духов.

Тем не менее, вблизи башни все-таки обитают два великих демона, дыхание которых постоянно слышно; оно может поразить насмерть всякое живое существо. И хотя мно-

жество людей толпится там ежедневно, тщетно стараясь увидеть чудесных демонов, — но все возвращаются невредимыми, найдя только маленьких змеек.

Существует поверье, что если на рисовое поле высыпать порошок от растертых кирпичей башни, то это обеспечит прекрасный урожай риса. Поэтому каждый посетитель считает своей обязанностью отбить от ее стены и унести с собой кусок кирпича. Видимо, скоро от великолепного древнего здания останутся одни развалины: это вопрос только нескольких десятилетий (Ф. Клоуд).

16) Это указание сделано согласно свидетельствам Марко Поло и Одорика. Эти мосты, которых в настоящее время в городе и ближайших окрестностях осталось не более 250-ти, выстроены почти все по одному типу: возвышающаяся над водой арка, в виде правильного полукруга, сложена из длинных гранитных или песчаниковых плит, держащихся только взаимным трением, безо всякого следа связывающего вещества. Подниматься на мост приходится по отложной каменной лестнице. Конечно, такой мост служит только для пешеходов и верховых; движение телег по ним невозможно.

17) В «Истории озера Си-ху» (Си-ху-чжи) эти змеи упоминаются под названием «Белая Змея и Зеленая Рыба». Но обыкновенно в рассказе Зеленую Рыбу называют «Зеленой Змей» или «маленькой Зеленой», «Зеленушкой».

18) Книга о Белой Змее называется «Бай-Сучжэнь»; Сучжэнь — это ее детское или малое имя.

19) Особенность климата Хан-чжоу, наблюдаемая и теперь. Вследствие необычайного богатства всей местности водой, в жаркую погоду огромное количество паров наполняет воздух; достаточно незначительного охлаждения атмосферы, струи холодного ветра с моря и т. п., чтобы пары с поразительною быстротой сгустились в облака и пошел бы дождь.

20) Как центр управления провинции, город называется Хан-чжоу-фу; но город состоит из двух уездных городов: Цянь-тана, древнейшего поселения, и Жень-хэ, более нового.

21) Вопреки сведениям разных календарей, авторам популярных книжек о Китае и т. п., в Китае до сих пор нет ни общепринятой монетной единицы, ни монетной системы в тесном смысле этих слов. Счет ведется на «ляны». Лян — это 1/16 часть китайского весового фунта, и равен приблизительно нашим восьми золотникам. Таким образом, может быть 1 лян серебра, 1 лян золота, 1 лян опиума, шелка, лекарства и т. д. Десятая часть ляна наз. «цинь», десятая часть цяня — «фынь». Употребляемые в иностранной литературе взамен этих названий португальские (кажется) слова «таэль», «месс» и «кандарин» — ни одному китайцу не известны.

Ценность товаров считается на ляны серебра. Так как вес китайского фунта хоть немного, но все-таки колеблется для каждой местности, то и ценность ляна серебра тоже колеблется; поэтому в каждом денежном документе всегда указывается, по какому весу ведется счет: по пекинскому, калганскому, мукденскому и т. п. В настоящее время (октябрь 1909 г.) ценность одного ляна серебра в Маньчжурии равна 1 рублю 16-18 коп.

Европейцы, проникнув в Китай, никак не могли помириться с подобными денежными знаками и уговорили некоторых вице-королей ввести у себя правильную монетную систему. Вице-короли и губернаторы, каждый для себя и на собственном монетном дворе, стали чеканить серебряную монету: доллар (равен по ценности японскому иену, т. е. теперь 93-98 коп.), 1/2 доллара; 20, 10 и 5 центов. Но эта монета не есть государственная, а местная; и поэтому, хотя она ходит везде, но попав в чужую провинцию, котируется с значительным лажем.

Так часто встречающаяся в литературе китайская «монетная единица» — «таэль» — не что иное, как принятый в китайской таможне шанхайский лян серебра. Гораздо скорее ляна названия монетной единицы заслуживает «дяо», о ко-

тором мы уже говорили (см. пр. 9). Бумажных денег мы здесь касаться не будем.

Правительство, желая вывести свою монетную систему из этого хаотического состояния, на днях издало указ, который повелевает чеканить монеты в 1 лян серебра, $\frac{1}{2}$ ляна (980 пробы) и в 5 фынь (880 пробы). По изготовлении достаточного количества этой государственной монеты, чеканка монет на провинциальных монетных дворах будет запрещена.

22) Су-чжоу, как и Хан-чжоу, весь перерезан каналами, соединяющимися с рекой; но вода в них загрязнена нечистотами, почему воду можно пить только из колодцев. Но последних, сравнительно с народонаселением, мало.

23) В Хан-чжоу и Су-чжоу часто бывает чума; кроме того, в этих местностях, обладающих жарким и необычайно сырьим климатом, часто свирепствует какая-то болезнь, имеющая все признаки брюшного тифа (не слишком тяжелой формы), но сопровождающаяся опуханием желез в пау и под мышками. Вновь приехавшие сюда европейцы, поселившиеся не на холмах, а внизу, в долинах, рисуют быстро заболеть этой болезнью; причем, чем организм сильнее и человек физически крепче, тем он скорее заболевает.

Малаярия тоже находит себе массу жертв. Поэтому туземцы пьют много «Эликсира», японского изделия, состоящего из сахарного сиропа, хинина и железа.

24) Вот пекинский вариант легенды, который разнится от хан-чжоуского.

Сюй-сянь (посмертное прозвище Ханьвэня) учился в школе. Он был чрезвычайно прилежен. Однажды в праздник все его товарищи ушли гулять, но он остался и весь день учился. Это удивило его учителя. На следующий праздник Сюй опять остался, на третий тоже. Тогда учитель стал посыпать его гулять, но Сюй сказал, что ему некуда идти. Учитель сказал: «Неужели Вы не понимаете, что я тоже человек, и мне тоже хочется отдохнуть! А если Вы сидите в школе, то и я не

могу идти гулять». Тогда Сюй пошел бродить бесцельно и забрел на гору. Вдруг он увидел на каменистой тропинке маленьку белую змейку, всю избитую, еле живую. Сюй пожалел ее, взял на руки и отнес в школу. Учитель увидел и говорит: «Бросьте ее, она, быть может, ядовитая!» Но змейка была такая хорошенькая и такая беспомощная, что Сюй не поверил учителю. Он бережно отнес ее к скале, нашел там скважину, положил в нее змейку и отверстие заткнул сухой травой, чтобы бессильная змейка не выпала и не была бы растоптана.

Прошло много, много лет. Сюй-сянь давно умер и снова возродился. Однажды юноша Сюй-сянь только что возвратился домой с экзамена, на котором получил звание сю-цая (студента). Радостный Сюй гулял за городом. Внезапно полил проливной дождь. Скрыться было некуда. Вдруг он увидел, что к нему подходят две девушки и одна из них сказала ему, подавая зонтик: «Сюй-сянь, возьмите мой зонтик и идите домой, я после приду за ним». Удивленный обращением неизвестной девушки, которая откуда-то знает его имя, Сюй пошел домой.

Через пять дней, ночью, кто-то постучал в его дверь. На вопрос: «Кто там?» — раздался женский голос:

— Отоприте, это я пришла за зонтиком.

Сюй вспомнил недавнее приключение, схватил зонтик и стал стирать с него грязь; затем отпер дверь и подал его девушке. Но она сказала:

— Я хочу войти в комнату.

— Но я живу без матери, — протестовал Сюй.

— Ничего не значит!

Она вошла и прямо сказала Сюю:

— У меня нет ни отца, ни матери; я одна и хочу выйти за вас замуж.

— Но это невозможно! Я бедняк, только молодой сю-цай, и у меня нет никаких средств к жизни.

— Это пустяки; я ничего не буду у вас требовать, а сама буду вам помогать.

Сюй согласился, и скоро состоялась их свадьба. Они открыли аптеку. Молодая женщина отправила все колодцы, но вы-

лечивала всех обращавшихся к ней чудесными пилюлями. Удивленный Сюй спросил у пришедшей с его женой служанки, откуда его жена могла приобрести такие познания. Та отвечала, что его жена не простая женщина, а богиня. Сюй сначала не поверил, но после вспомнил, что его всегда поражала необыкновенная ловкость жены во всем: захочет ли она сшить новое платье — платье тотчас готово; начнет готовить обед — кушанье уже поспело.

Тогда Сюй пошел к Фахаю, чтобы выяснить свое недоумение и т. д.

Есть еще су-чжоуский вариант этой легенды, гораздо красивее и полнее вышеупомянутого.

25) Лин-пай или Лин-пай-цзы — небольшие деревянные дощечки, на которых написаны древние священные формулы; употребляются даосскими священниками как самое могущественное средство против всякой чертовщины. Священники уверяют, что с помощью этих табличек можно «низвергнуть всех демонов». Дощечки эти представляют эмблему власти, волшебный скипетр, которому все повинуется. Слово «лин» — значит «приказание»; «пай» — «дощечка».

26) Ян и Инь — две противоположные силы в китайском дуализме. Ян — высшая сила, представительница света, тепла, силы и мужской член. Инь — низшее, темное женское начало.

Цзюэ-юань, или по-простонародному Чуй-юань — знаменитый своей ученостью и добродетелями сановник, живший в княжестве Чу (теперь провинция Ху-бэй) в городе Цзинчжоу, в период Чжань-го («враждующих государств», 480-250 гг. до Р. Х.); он был двоюродным братом владетельного князя Чу-чжуан-вана. Указывая постоянно брату на его ошибки, он не пользовался любовью последнего; наконец, оклеветанный придворными прихлебателями перед князем, он должен был удалиться и три года жил на берегу р. Ми-ло-цзяна и ждал справедливости. Наконец, потеряв надежду, он вознес моление Небу, съел треугольный рисовый хлебец и утопился. Тогда князь раскаялся и стал ежегодно, в день

смерти брата, приходить на поклонение к Ми-ло-цзяну и бросать в воду для Цзюэ любимые им рисовые треугольные хлебцы; чтобы рыбы их не съели, князь завертывал их в широкие листья.

В Цзин-чжоу есть храм Чуй-юаня, память которого празднуется 5 числа 5 луны, в праздник Дуань-ян-цзе. В этот день масса народа собирается к храму и устраивает катанье на лодках, и всякий китаец считает долгом подарить родственникам несколько завернутых в листья треугольных хлебцев.

В этот день из листьев *Calamus*'а (аира, болотного растения с длинными листьями) делают подобие меча и прибивают его к косякам дверей вместе с травой долгой жизни «Лин-чжи-цао» — это чудесное грибовидное растение, шестицветное, цветет три раза в год, является, когда Государь чтит старцев и не изменяет заветов старины; имеет силу продолжить жизнь (Палладий). Вид этого меча приводит в ужас не только всех врагов человека из другого мира, но также и насекомых, из которых многие одарены злую волей. Чтобы окончательно застраховать себя от всякой нечисти, нужно еще выпить рисовой водки, в которой растворены сюнь-хуан и чжу-ша, — «северные цветы», — землистый красный и желтый порошок, добываемый в провинции Ху-нань (по-видимому, красная и желтая охра).

27) Шоу-син — бог долголетия и звезда долголетия, — Южная полярная звезда (в существование которой верят китайцы). Его называют также Лао-жэнь, т. е. «старый человек».

28) Сянь-хао-тун-цзы, т. е. «дух Мальчик-Журавль». Наскучив своим одиночеством, Шоу-син однажды увидел птенца-журавля и маленького оленя. Он взял их и превратил обоих в мальчиков; журавля он назвал Сянь-хао-тун-цзы, а оленя — Мэй-лу-тун-цзы, т. е. «Мальчик прекрасный Олень». Оба мальчика проявили необыкновенные способности; Шоу-син воспитал обоих, превратил в духов и научил их не только

сразу открывать в каждом обороте настоящий его вид, но и каким образом можно победить даже сильнейшего из них.

Поэтому, если какой-нибудь дух тымы своими злыми поступками приносит слишком много вреда людям, то по просьбе последних Шоу-син посыпает Сянь-хао или Мэй-лу для уничтожения демона.

«Журавль» и «Олень» навсегда остались у Шоу-сина и были его учениками и слугами; главная их обязанность была сторожить «Дерево Жизни».

29) Гуань-инь-пу-сы — неправильный перевод инд. Авалокитешвара, владыка мира, самый популярный бодхисатва в китайско-японском и тибетско-монгольском буддизмах. Является в разных видах, начиная с Будды и до последнего существа, всего 32 явления. Поля не имеет. В Китае самое употребительное его изображение в виде женщины с распущенными волосами и с ребенком в руках — как покровительницы матерей и детей. Как богиня милосердия, изображается с цветком лотоса в руке; она чествуется древней формулой: «Ом мани падме хум», т. е. «О, драгоценный ненюфар!» (Палладий).

30) Белый Орел или «Птица с Золотыми Крыльями» был ближайший страж Жу-Фо — «Старшего Будды». За слишком пылкий характер и за своеование он был низвергнут с неба и воплотился на земле в Я-фэй'я, знаменитого министра и полководца императора Гао-цзу, Сунской династии. Жу-Фо — Будда, принятый в даосский пантеон, и поэтому здесь он является даосским, а не буддийским божеством.

31) Династия Чжоу правила в Китае с 1122 г. по 249 г. до Р. Х., причем китайцы, определяя какую-нибудь дату словами «времен Чжоуской династии», обычно подразумевают время до Конфуция, т. е. с 1122 г. по 551 г. до Р. Х.

32) Китайские провинции — «шэн» — очень велики; они делятся на: фу (области), чжоу (округа), тин (комиссарства) и сянь (уезды).

Но чжоу и тины, будучи по величине значительно меньше, чем фу, обыкновенно не входят в состав сих последних, а подчиняются непосредственно центральным провинциальным властям.

Губернатор (у которого власть соответствует власти нашего генерал-губернатора в местностях, объявленных на военном положении), называется Сюнь-фу или Фу-тай; начальник области — Чжи-фу; начальник округа — Чжи-чжоу, комиссар — Тун-чжи; уездный начальник — Чжи-сянь.

33) Китайцы — не коренные обитатели нынешнего Китая. Приблизительно за 4000-5000 лет до Р. Х. они пришли с запада, двигаясь вдоль северного склона гор Кунь-лунь, и заняли долину среднего течения реки Хуан-хэ и ее притока — р. Вэй.

Вспоминание об этом переселении смутно сохранилось в памяти и обычаях народа. Будучи народом очень вежливым, китайцы никогда не говорят «смерть», «умер», если упоминают об уважаемом лице; о смерти почтенных людей, родителей и т. п. всегда скажут: «Вернулся на Запад». Про императора говорят: «Унесся на колеснице дракона»; про обыкновенного человека — «ушел».

34) Река Ян-цзы-цзян у города Чжэнь-цзян называется «Да-цзян», т. е. «Великая река». Островок «Цзинь-шань», т. е. «Золотая гора» — огромный утес, очень красивый, поднимающийся из воды ближе к правому берегу, недалеко от города. На нем высится красивая старинная башня, согласно преданию — сохранившаяся еще со времен Фахая.

Город Чжэнь-цзян стоит на пересечении Ян-цзы-цзяна Императорским каналом, представляющим в этом месте канаву в 15 шагов ширины.

35) В воздухе по всем направлениям летает множество духов, в большинстве случаев неразумных, но грубых, злобных и злопамятных. Чтобы обезопасить себя от них, не только правительственные учреждения, но почти каждый китаец при постройке дома считает необходимостью перед главны-

ми воротами через дорогу выстроить каменную или деревянную стену, немного выше и шире ворот. На внутренней стороне стены пишется какой-нибудь «очень хороший» иероглиф, чаще всего «фу» — счастье. На наружной — в богатых домах рисуют солнце, погружающееся или выходящее из морских волн.

Такие стенки — лучшие предохранители от злых духов, потому что последние летают всегда низко и по прямой линии в горизонтальном направлении; ударившись о такую стенку, дух не может проникнуть в дом, а продолжает свой полет по новой дороге согласно известному закону: угол падения равен углу отражения.

Не так давно китайцы-поселяне противились проведению телеграфных линий, потому что духи будут убиваться о проволоки.

На том же основании воспрещалась постройка многоэтажных зданий.

Но теперь, конечно, китайские власти (но не частные лица) беспрепятственно строят дома в три и четыре этажа, а телеграфные линии перерезывают Китай по всем направлениям.

36) «Цзинь-лянь» — Золотой Лотос — фигуральное выражение для маленьких, изуродованных бинтованием ножек китаянок. Девочке 6-7 лет все пальцы ноги, кроме большого, пригибают к подошве и бинтовали ногу так, чтобы притянуть пятку как можно ближе к пальцам. Раз начатое пеленание ног никогда уже не прекращается. В результате, женщина с такой ногой ходить без бинтов уже не может. Разбинтованная нога имеет ужасный вид: это какая-то обрубленная кульяпка. Для такой ноги выделяется особенный башмак, в который входит, на самом деле, только большой палец и пятка.

Время происхождения обычая бинтования женских ног и причины его с точностью неизвестны. Китайцы, вообще отличающиеся удивительно миниатюрными ногами и руками, — очень ценят маленькую ножку.

Существует предание, что какой-то император очень любил одну из своих жен за то, что у нее была крошечная нога. Однажды красавица, гуляя босиком по дорожкам дворцового сада, оставляла на песке ясные отпечатки своих ножек. Императору так понравились эти следы, что он захотел сделать их еще красивее. С этой целью он приказал... на подошвах у жены выжечь лотос. Ступни несчастной красавицы свело дугой, — но следы ее ног приводили императора еще в больший восторг.

Следуя примеру императора, сначала придворные, а потом и все остальные стали придавать ногам своих жен форму ног императрицы.

Есть и другое объяснение, другая легенда.

При династии Тан (618-907 гг.) какой-то досужий человек изобрел самодвижущуюся тачку с двумя колесами — одно впереди, другое сзади; сидящий в тачке человек приводил ее в движение ногами. Эта тачка «цзяо-та-чя» (современное название велосипеда) двигалась так быстро, что ее не могла догнать лошадь.

Изобретение это особенно понравилось дамам, которые стали пользоваться им в ущерб своим домашним и семейным обязанностям.

Тогда император, опасаясь повреждения нравов, по петиции мужей приказал бинтовать ноги женщинам с малых лет так, чтобы они не могли ими приводить в движение «тачку».

А когда и эта мера не помогла, — то запретил впредь делать такие тачки. Оба этих повеления не были отменены преемниками императора и, таким образом, женщины у китайцев бинтовали ноги до настоящего времени, и велосипед явился у них западной новинкой.

По Палладию, бинтование ног началось с Яо-нян, наложницы Ли-хуя-чжу (975 г.).

В прошлом году был издан указ, запрещающий бинтовать ноги. К удивлению, женщины состоятельных классов протестуют против него, находя, что с утратой «золотых лилий» они утратят большую часть своей привлекательности.

37) Величайшим почетом в Китае пользуется бог литературы, Вэнь-chan, которому официально стали поклоняться с 1314-го года.

Этот бог немного устарел, устал и положительно был не в силах уследить за порядком и справедливостью на всех многочисленных экзаменах в Китае. А он должен был еще помогать всем студентам, обращающимся к нему за помощью. Словом, ему приходилось разрываться на части, — и все-таки он не успевал все сделать.

Пришлось ввести в небесные штаты другого бога. Во времена Трех Царств (221-265 гг.) жил один юноша по имени Сы-ма-мао, отличавшийся удивительной ученостью. Но еще больше он поражал всех знавших его своим безобразием: у него было синее, изрытое оспой лицо и черные, необыкновенной величины глаза.

Быстро получив все ученыe степени (см. прим. 53) в своем губернском городе, он поехал в Пекин. И там без труда он получил звание цзюй-жэня.

Чтобы поднять образование в империи, император объявил, что на следующих столичных экзаменах на звание цзиньши он отдаст свою дочь-красавицу за чжуань-юаня, т. е. за цзиньши, выдержавшего экзамен первым.

Первым выдержал Сы-ма-мао.

Самые честолюбивые мысли роились в мозгу юноши, когда, по приглашению императора, его вели во дворец.

Но когда принцесса увидела Сы-ма-мао, то испустила крик ужаса и убежала. Сам император отвернулся и ушел во внутренние покой.

Очевидно, свадьба не могла состояться. А так как император обещал выдать дочь за чжуань-юаня, то, следовательно, Сы-ма-мао не получит этого звания.

Пораженный до глубины души, Сы пошел в храм Вэньчана, сел на молитвенный барабан и в гневных выражениях стал укорять бога литературы: почему он, провидя будущее, помог ему выдержать экзамен первым? Теперь, конечно, он будет осрамлен на всю жизнь, так как ему не дадут принадлежащего ему по праву звания.

Вэнь-чан тотчас явился обиженному ученому и сказал, что он, бог, совсем не виноват в случившемся; но, чтобы вознаградить беднягу за позор, он делает его ни больше ни меньше, как вторым богом литературы.

Вошедшие в храм люди увидели Сы-ма-мао распластертым на полу перед изображением Вэнь-чана в молитвенной позе.

Он был мертв.

Вэнь-чан, живущий на звезде Альфа Большой Медведицы, поселил нового бога, получившего имя Куй-син, на звезде Бета.

С тех пор дела на экзаменах пошли гораздо лучше, потому что Куй-син оказался таким деятельным, что мог один справляться почти со всем сложным делом литературы и учености. Вэнь-чан был доволен и удалился на покой.

По другой легенде, имя Куй-сина приписывается некоему Хуан-чао, жившему во время Танской династии (618-907 гг.) С ним случилось то же самое, что и с Сы-ма-мао. Только он не умер от горя, а наоборот: озлобленный, он сделался разбойником и причинил много горя императору.

Но Хуан скоро умер; тогда император, боясь духа Хуан-чао, захотела, вознаградить его: он обоготворил его под именем бога литературы Куй-сина.

Его изображают со страшным лицом и в угрожающей позе, но в руке он держит только большую кисть для письма.

38) Черная Рыба — «нянь-юй», сом, повелитель всех речных глубин; но в море власти не имеет. Вера в сверхъестественное могущество рыб и других водяных животных живет между китайцами до настоящего времени.

В провинции Гуан-дун есть большой областной город ЧАОЧЖОУ, расположенный на р. ДИН-ЦЗЯН. И вот в этой реке появилась страшная рыба Ао-юй (крокодил), похищавшая, главным образом, детей. Никакими мерами нельзя было справиться с чудовищем. Наконец, сам Чжи-фу, начальник области, сделал торжественное поклонение страшной рыбе на берегу реки, принес ей жертву и сжег написанную в честь ее мо-

литву. И что же? Гнев рыбы утих, и она больше никому не причиняла зла.

Не так давно случилось еще одно происшествие.

Около города Синь-минь-тина протекает небольшая река Лиу-хэ. С некоторых пор в этой реке поселилась страшная рыба Ни-цяо-юй: вся черная и по форме больше похожая на змею, чем на рыбу. Жители окрестных деревень чем-то прогневали эту рыбу, и с тех пор река Лиу-хэ стала переполняться водой и по три-четыре раза в году выходить из берегов, затопляя поля и дома поселян.

Тогда, по докладу муждэнского Цзянь-цзюня Цун-ши, император приказал канонизовать эту рыбу под именем Сяньюй-шен. И река Лиу-хэ успокоилась.

Это было во 2-м году Гуан-сюй (1876 г.).

39) Вэй-тоу — неотлучный сторож и охранитель Будды. Когда Будда идет, то Вэй-тоу находится у него сзади, вплотную, спина к спине, и двигается, таким образом, отступая назад; в правой руке у него находится приподнятый вверх длинный четырехугольный жезл или скипетр — «чу». Вэй-тоу — исполнитель всех наказаний, налагаемых Буддой; достаточно ему протянуть «чу» к городу, и последний будет разрушен; укажет своим «чу» на человека — и тот немедленно умрет. Вэй-тоу никогда не спит и часто сам поражает преступников, чтобы не тревожить Будду. Буддийские монахи избрали его своим специальным покровителем.

В храмах, где есть статуи Будды — Вэй-тоу спереди не виден, но если зайти за сень, в которой помещаются изображения Будды (обыкновенно три), то сзади центральной фигуры Будды всегда есть статуя Вэй-тоу, спиной к спине Будды. Ладони его молитвенно сложены перед грудью, и на согнутых локтях лежит «чу». Такова его поза, когда Будда отдыхает.

40) Тянь-ци — царь загробного мира, повелитель праведных и злых, людей и духов.

Во времена Чжоуской династии некто Чжан-куй не захотел подчиниться императору; он овладел городом Мянь-

чи-гуань и настолько хорошо управлял им, что жители наслаждались полным покоем и благополучием, а жена Чжан-куя подчинила себе силу огня и разумно ею пользовалась на общую пользу.

Император послал против них войско под начальством генерала Хуан-фэй-ху («Желтого летающего тигра»), но последний не мог взять Мянь-чи-гуаня и был убит Чжан-куем. Тогда, после молитвы императора Вэнь-вана, верховный бог Юй-хуан-ди объявил Хуан-фэй-ху царем неба и дал ему титул Тянь-ци («небесный правитель»).

И послал Юй-хуан небесное войско под начальством Литянь-вана, чтобы наказать Чжан-куя. Несмотря на уменье Чжан-куя проваливаться сквозь землю и появляться в другом месте, он не мог спастись от небесных сил и был убит вместе с женой.

Плохо стало житься жителям Мянь-чи-гуаня, исчез их покой, и с огнем в очагах нельзя было справиться.

И вновь, по просьбе Вэнь-вана, великий Юй-хуан обоготворил Чжан-куя под именем Цзао-вана, т. е. бога домашнего очага; жена его получила имя Цзао-ван-най-най. Память их празднуется 23-го числа 12-го месяца: этот день называется «Сяо нянь», т. е. «малый год».

Между другими административными лицами того света, царю Тянь-ци подчинены:

а) *Ди-цзан-бан*, князь умерших и начальник адских мест заключения восьми горячих адов и восьми ледяных. При жизни он был третий сын сиамского короля.

б) *Гуй-ван* — правитель казненных и бог палачей; меч палача в «свободное» между казнями время всегда лежит в кумирне Гуй-вана и никогда не точится. Забота о поддержании его остроты лежит на обязанности самого Гуй-вана.

в) Духи, называемые *Чэн-хуан*; их всех теперь двадцать один, по числу провинций Китая. Это — загробные судьи и начальники полиций. У каждого из них есть помощник — старец Ту-ди.

Три раза в год, в дни поминовения усопших, Чэн-Хуан появляется на земле: во время праздника Цин-мин (в 3-ем месяце), затем на Юэ-лань-хуй — 15-го числа 7-ой луны и 1-

го числа 10-й луны: дни эти называются «Чэн-хуан-е чу сюнь жи цзы», т. е. «дни ревизий Господина Чэн-хуана». В это время Чэн-хуан в образе человека ходит между людьми и узнает о всех грехах людей за 4 месяца.

Кроме того, у каждого города есть свой «маленький» Чэн-хуан, который не может отлучиться от стен и рвов своего города.

г) Адские судьи — *Пан-гуань*, всегда держащие в руках книги живота. Их всего десять. Когда они судят, то за правильностью и беспристрастием их решений следят десять Янь-ванов.

д) Янь-ван (или Янь-мо-ло-ван), надзиратели за правосудием. Буддисты говорят, что раньше их было только двое, брат и сестра, которые, в сущности, представляют из себя одно существо, которое было бодхисатвой.

Над всеми божествами царит *Юй-хуан-ди* — верховный владыка вселенной (греческий Уран, индийский Варуна), «Нефритовый Император».

41) «Счастливые острова» или «Острова Бессмертия» — три больших острова: Пын-лай, Фан-чжаан и Ин-чжоу, с бесконечным количеством малых, находились на северо-востоке от Китая. Они были населены бессмертными.

Около 215 г. до Р. Х. император Цинь Ши-Хуан-ди снарядил экспедицию для розыска этих островов и приобретения талисманов бессмертия. На несколько кораблей были посажены триста прекрасных юношей и девушек, которые должны были поселиться на островах бессмертия. Но сильный встречный ветер заставил суда вернуться обратно, не достигнув своей цели.

Цинь Ши-Хуан-ди вторично снарядил экспедицию, которая также окончилась неудачей.

Между тем, жители северного побережья Китая упорно настаивали на существовании этих островов и уверяли, что к ним не раз приезжали люди с этих островов.

Император У-ди (Ханьской династии, 140-86 гг. до Р. Х.) повторил попытки Цинь Ши-Хуан-ди, и тоже неудачно.

Конечно, это Японские острова, сообщение с которыми существовало уже с незапамятных времен через Корейский архипелаг и остров Цусиму, но с морского побережья центрального Китая весьма трудно было достигнуть Японии при тогдашнем низком уровне морских знаний.

42) По другой версии «Проломанный Мост», перекинутый через сухую рытвину, был целым. Беременная Сучжэнь, спасаясь от гнева божества, бежала через этот мост к тетке Ханьвэня. Но когда она была посередине моста, последний провалился под ней; Сучжэнь тут же от сотрясения преждевременно родила мальчика. Мост остался неисправленным и получил название «Проломанного». Этот вариант принят в сценических произведениях.

43) Когда ребенку исполнится «мань-юэ», т. е. «полный месяц», то в присутствии родных и гостей ему в первый раз бреют голову и дают имя. На севере Китая это торжество часто переносят на третий день рождения.

Настоящая Да-цинская династия при своем воцарении в Китае ввела обязательный для всех китайцев маньчурский обычай бритья передней части головы и ношения косы (исключение сделано только для даосских монахов, которым оставлена прежняя прическа — скрученные пучком на макушке волосы; буддийские монахи бреют всю голову). Но бритье головы у детей, при достижении ими месячного возраста, причем оставляют два пучка над ушами, — обычай несравненно более ранний, чем возвышение «Цинов».

44) «Бао-бэй» — «сокровище». По уверению даосов, их было восемь:

1) Летающие обоюдоострые мечи — «бао-цзянь»; достаточно было владельцу меча сказать, кого следует убить, и бросить меч, — как тот сам летел и поражал насмерть жертву. После этого меч возвращался к ногам хозяина. Но если жертвы не было там, куда меч был брошен, или другая, более могущественная сила останавливалась меч, то он уже не мог вернуться.

2) Летающая веревка — «Кунь-цянь-шэн»; по приказанию хозяина, она летела и связывала, кого ей было приказано.

3) Летающие ножи — «Фэй-дао»; их было двенадцать. Носили их за спиной, заткнутыми за пояс. Их роль и свойства были те же, что и у летающих мечей.

4) Летающие ножницы — «Фэй-цзян», или «Цзинь-цзяо-цзянь» т. е. «летучие разящие ножницы» — самое страшное из оружий. Жили на свете три духа, сестры-девицы: Юнь-сяо, Би-сяо и Линь-сяо. Они владели драгоценным сокровищем — летающими ножницами. Однажды их брат Чжаогун-мин встретился в лесу с даосским волшебником-монахом Лу-я-сянем (т. е. «духом на олене»). Раздраженный нечествием к себе, Лу-я-сянь убил Чжаогун-мина.

Узнав об этом, сестры решили отомстить Лу-я-сяню. Испуганный монах, поздно узнавший, что он убил брата обладательниц страшных ножниц, просил помощи у многих могучих духов. Против сестер выступил внук верховного бога Юй-хуан-ди, по имени Ян-эл-лан, небесный военачальник. Ему помогала его Небесная Собака, знаменитая тем, что при императоре Цинь Ши-Хуан-ди она проглотила одиннадцать солнц, которые жгли и изнуряли до смерти людей, строивших Великую стену, и оставила на небе только одно, двенадцатое солнце.

Ян-эл-лан взял также с собой свою плеть, которой он когда-то загнал в море много гор и выровнял для людей землю.

Затем, ему помогали три сына верховного небесного военачальника Ли-тянь-вана, постоянно носящего на руке башню: старший — Цинь-чжи, и второй — Му-чжи, оба с копьями, и третий — Э-чжа. Этот дух мог передвигаться с быстрой вихря, потому что на ногах у него было по колесу, которые вертелись так быстро, что из-под них летели брызги огня. У него было еще страшное оружие — пятое «бао-бэй», называемое

5) «Цзинь-ган-цзянь», т. е. летающее кольцо. Это было большое металлическое кольцо; если хозяин бросал его в кого-нибудь, то оно сдавливало голову или шею последнего до смерти и затем возвращалось к своему хозяину.

К ним присоединилась еще обезьяна *Ту-синь-сунь*, у которой была удивительная

6) Кривая палка: брошенная во врага, она поражала его и возвращалась назад (бумеранг?); и жена Ту, Ден-цан-юй, тоже пошла с мужем и взяла

7-е) «бао-бэй» — «*У-хуа-ши*», т. е. «пять цветных камней». Брошенные хозяйской рукой, эти камни поражали насмерть кого было нужно и, окровавленные, возвращались.

Но все-таки союзники не могли справиться с сестрами. Тогда они просили помощи у духа *Юань-ши-тянь-цзунь*, у которого было

8-е) «бао-бэй» — «*Фань-тянь-инь*», т. е. печать, могущая перевернуть небо. Когда эта печать стояла на своей лицевой стороне, она ничем не проявляла своего могущества; но достаточно было взять ее за рукоять и повернуть лицом в сторону врага, как страшная сила, исходящая из печати, все сметала на своем пути. Если бы печать была направлена на небо, то и небеса перевернулись бы.

Страшные ножницы не могли противиться силе печати и были прижаты к земле. Сестры были побеждены.

По просьбе Юань-ши-тянь-цзуня, ценившего геройское сопротивление сестер, они были сделаны «Би-ся-нянь-нянь», т. е. богинями зари; а невинно пострадавший их брат Чжао сделался суровым Черным Тигром «Чжээн-у-е», богом северных стран, могущественнейшим из даосских духов.

45) В Китае порядочная женщина не может показаться на улице или при гостях без белил и румян. Не соблюдают этого обычая или крестьянки, или женщины, не дорожащие своей репутацией.

46) Рассказывают, что в одной из своих частых поездок в Хан-чжоу, император Хун-ли (его года правления называются «Цянь-лун», 1736-1796) присутствовал на представлении «Драмы о Белой Змее». Труппа была первоклассная. Когда действие дошло до того места, где монах обвиняет прекрасную Сучжэнь, старый император не был в состоянии вынести дольше. Он вскочил со своего места, спустился на сце-

ну, схватил актера, игравшего Фахая и, дав ему звонкую пощечину, закричал: «Как смеешь ты, негодяй, обижать такую прелестную девушку!»

Между прочим, прибавляют, что император, как губка, был напитан «шао-сином» лучшей марки (шао-син — рисовое кисловатое вино, которое пьют теплым).

47) Ламаизм учит, что существует первичный Будда — Адибудда, проявляющийся в трех лицах: Дгарма-кая — закон, Самбхога-кая — отражение его, и Нирмана-кая — воплощение его, или человеческий Будда.

Эти три существа первичного Будды составляют единое. Первейшему из Будд было дано название Амитабха — «бесконечный свет» (А. Краснов). Китайские буддийские монахи постоянно призывают Будду восклицанием: «О-ми-то-фо», т. е. Амитабха.

48) В Китае нет наших серых волков. Но зато в окраинных провинциях в изобилии водятся красные волки. Они несколько меньше и трусливее наших, но, по-видимому, хитрее последних; иногда, собравшись стаями, они устраивают правильные облавы на других животных, причем приходится удивляться их уму и сообразительности. Быстрота их бега — удивительна: иногда они догоняют косулю. Шерсть их рыжего, почти красного цвета. В центральных, густонаселенных провинциях Китая их давно нет.

49) Китайские историки указывают, что во времена глубокой древности китайцы вместо письменных знаков употребляли для передачи мыслей веревочки с узлами (совершенно одинаковые с «квипу» древних перуанцев); на островах от Меланезии до Формозы, по словам проф. Э. Клодда, они остались в ходу до сих пор.

Легенда рассказывает, что император Фу-си (2952-2837 гг. до Р. Х.) однажды увидел, что из Желтой реки вышло чудовище Лун-ма, полудракон-полуконь; на спине этого чудовища были изображены какие-то таинственные знаки. Всмотревшись в них, Фу-си составил те знаменитые 8 диаграмм па-

гуа, которые, являясь сочетанием двух простейших форм (эмблемы Ян — положительной силы в природе, и Инь — отрицательной), легли в основание изобретения иероглифов и дали начало письменности. Те шесть категорий иероглифов, которые появились при Фу-си, сохраняются до сих пор.

При имп-ре Хуан-ди (2698-2598 гг. до Р. Х.) начальник Исторического приказа Цан-се получил приказание улучшить систему письменности. Гуляя по берегу реки, Цан-се заметил на песке следы птичьих лап; он срисовал эти следы на бамбуковые дощечки и наконец, при содействии Цзюйсуга, изобрел 540 иероглифов. Эта форма письменности получила название Няо-ци-вэнь («письменность птичьих следов») или Кэ-доу-цзы («головастикое письмо»).

Любопытный памятник этого письма оставил император Юй (2205-2147 гг. до Р. Х.) — в виде надписи на скале Цзюйлой, в горе Хэн-ио в провинции Хунани, которая описывает потоп 2297-2293 годов, дата которого почти совпадает с библейским потопом. Тот факт, что только в 1208-1224 годах одному чиновнику с большим трудом удалось добраться до этой надписи и снять с нее копию, дает повод некоторым европейским ученым заподозрить (едва ли справедливо) ее подлинность.

В 1666 году эта надпись, до которой едва можно было добраться с помощью лестниц и крюков, стала уже настолько обветшалой, что ее было уже невозможно разобрать.

Чтение головастикового письма до сих пор не установлено вполне самими китайцами (А. Позднеев).

При императоре Сюань-ване (827-782 гг. до Р. Х.) чиновник Чжоу-ши изобрел почерк, названный Да-чжуан или Чжоуцзы (и теперь употребляемый на печатях и надписях).

Во времена великого и ненавистного имп-ра Цинь Ши-Хуан-ди (246-210 гг. до Р. Х.) министр Ли-сы сократил почерк да-чжуань в сяо-чжуань. Этот последний был упрощен чиновником Чэн-мо, который изобрел форму письма, получившую название Ли-шу (а позднее названную «син-шу», т. е. «ходячее письмо») и сохранившуюся в основе своей на все дальнейшие времена (С. Георгиевский).

50) Заяц и черепаха считаются у китайцев позорными животными. Назвать кого-нибудь зайцем — значит обвинить его в пассивном противоестественном разврате; черепахой называют мужа публичной женщины, а «черепашьими яйцами» — детей ее (соответствует грубейшему нашему ругательству).

51) В настоящее время китайцы выбирают себе переднюю половину головы, а оставшиеся на темени и на затылке волосы заплетают в косу, в которую вплетают еще длинные черные шнурки с кистями на конце. Чем длиннее коса, тем больше «шика».

Но эта прическа вовсе не китайская национальная. До вступления на престол маньчжурской династии (т. е. до 1664 г.) китайцы голов не брили, а носили волосы закрученными на макушке головы в плотный узел, в который часто втыкалась булавка с кораллом или с ценным камнем. Подчинив Китай, маньчжуры потребовали от китайцев, чтобы они отказались от национальной прически и стали носить маньчжурсскую, т. е. косу; это был видимый знак подданства завоевателям. На этой почве между маньчжурами и китайцами было много столкновений, кончавшихся всегда, конечно, очень печально для последних.

Старую китайскую прическу было разрешено носить только монахам-даосам, которых и сейчас можно узнать издали по черным рясам с широкими рукавами и по круглым черным шапочкам, у которых сборчатая плоская верхушка с отверстием посередине; из него часто виднеется шишка туго свернутых волос.

Корейцы и теперь носят эту *китайскую* прическу, принятую ими в эпоху подчинения Китаю.

52) До последнего времени во всем Китае все дети, начиная от принца крови и кончая поселянином, при изучении родного языка строго следовали одному и тому же порядку. Первая книга, которую ребенок заучивал сначала наизусть со слов учителя, а потом видел перед собой — была *Саньцзы-цзин*, т. е. «Троеслов». Эта небольшая книга, содер-

жащая: «правила Неба», «об императорах разных поколений», «три рода власти (императора, отца и мужа)»; «пять отношений (императора и чиновника; чиновника и народа; отца и сына; мужа и жены; старшего и младшего)».

Книга это написана Ван-ин-линем во времена Сунской династии (960-1280 гг.) таким образом, что каждая фраза состоит всегда из трех слов, — отчего и вся книга получила свое название.

Вторая книга, следующая за Троесловом, *Цянь-цзы-вэнь*, т. е. «Тысячеслов». Она трактует о Небе, земле, небесных светилах, об утре, вечере, тепле, холоде, явлениях природы и т. п. Особенность книги заключается в том, что вся она состоит из 1000 слов, причем ни один иероглиф ни разу не повторяется.

По преданию, «Тысячеслов» написан при северной Чжоуской династии (951-964) преступником Чжоуу-синь-сы в ночь накануне казни, который таким образом хотел увековечить свое имя.

Третья книга — *Сы-шу*, «Четверокнижие», которая состоит из четырех отделов:

1) *Лунь-юй* — афоризмы Конфуция; 2) *Да-сио* — «великое учение», «нравственно-социальный и политический кодекс Китая, основные начала которого составлены Конфуцием, а объяснение написано его учеником Чжэн-цзы» (Палладий); 3) *Чжун-юн*, «обыденные обязанности» — учение о золотой середине, написано внуком Конфуция Цзы-сы; 4) *Мэн-цзы*, учение Мэн-цзы (умер в 299 г. до Р. Х.) — знаменитейшего из последователей Конфуция, «Аpostола Павла конфуцианства».

«Четверокнижие» в настоящем его виде в первый раз было напечатано ученым Чжу-си в 1211 году.

Четвертая книга — *У-цзин*, «Пятикнижие», состоящая из пяти отделов:

1) *Ши-цзин* — стихотворения и оды; 2) *Шу-цзин*, «книга историй», обнимает период от имп-ра Яо (2357 г. до Р. Х.) до 625 г. до Р. Х.; редактирована Конфуцием; 3) *И-цзин*, «книга перемен» — толкования Конфуция и Вэнь-вана на каждую из 64-х триграмм, образовавшихся из «па-гуа» имп-ра

Фу-си. Книга служила в древности для гаданий. 4) *Ли-цзы*, книга обрядов; наиболее древняя из книг этого рода. Редактирована, по-видимому, Конфуцием; 5) *Чунь-цю*, «весна и осень», написана Конфуцием. Чрезвычайно краткое изложение событий с 722 по 480 г. до Р. Х.

Состав книг, вошедших в Пятикнижие, и порядок их считается не всегда одинаково; иногда в перечень входят и другие книги, напр.: *Ио*, *Чжоу-и*, *Шань-шу*, *Мао-ши*, *Цзо-ши*. Вышеприведенный перечень их — тот, который принимают сами китайцы у себя в училищах.

Единством метода и руководств достигалось с одной стороны то, что все дети одинакового возраста были приблизительно на одном уровне умственного развития, и,знакомясь с иероглифами, незаметно приобретали сведения по этике, истории, географии, астрономии, агрономии, знакомились с явлениями природы и т. п.; а с другой — у всех китайцев с самого раннего возраста воспитывалось единство идеалов и сознание единства народа и государства. Иначе — пекинец, шанхайец, нинбоц и гуандунец, не понимая языка друг друга, чужды по крови, с противоположными политическими стремлениями, — давно бы разорвали Китай на куски и вернулись бы, в лучшем случае, к древнему удельному периоду. Весь государственный корабль Китая держат только два колоссальных гвоздя: крепость патриархального строя семьи и — единство образования, единство иероглифа, одинаково понятного всем, хотя и разно выговариваемого.

В последние 2-3 года к ученикам, поступающим в казенные низшие училища, стали предъявляться другие требования. Дети должны пройти две новые книги:

1) *Цзы-кэ-ту-шу* — «уроки грамоты с рисунками»; книга содержит более 3000 разных иероглифов; трактует о всевозможных окружающих ребенка предметах и явлениях. Составлена весьма толково, по японским образцам, в 1901 году одним учителем в Шанхае.

2) *Мын-сю-ду-бэнь* — учебник, составляющий продолжение предыдущего; объясняет явления природы; в 7-ми частях.

Потом уже, в низших училищах, начинается изучение древних классиков.

53) Каждые 2 года (или 2 раза в 6 лет) в главных городах провинций провинциальные экзаменаторы производят экзамены всем желающим получить первую ученую степень — «сю-цая». (К экзамену не допускается потомство до 4-го колена: рабов, актеров, публичных женщин, сторожей присутственных мест, парикмахеров, а также южные инородцы —aborигены Китая.)

Выдержавшие экзамен получают степень сю-цая — студента, которая делится на несколько разрядов.

Каждые 3 года, тоже в провинциальных городах, особые экзаменаторы, присланные из Пекина, экзаменуют всех желающих сю-цаев (исключение — Маньчжурия: сю-цаи Мукденской, Гиринской и Хэйлунцзянской провинций, желающие получить высшую степень, едут на экзамен в Пекин). Из десяти-двадцати тысяч, обыкновенно, экзаменующихся, получают следующую, высшую степень цзюй-жэня (кандидата) около трехсот человек (W. F. Mayers. *The Chinese Government*). Эта степень тоже имеет несколько градаций.

Следующая ученая степень, цзинь-ши («готового ученого», магистра), дается цзюй-жэньям, которые успешно выдерживают экзамен, устраиваемый в Пекине раз в 3 года. Цзинь-ши также делятся на несколько разрядов.

Затем желающие цзинь-ши подвергаются еще одному экзамену — во дворце, в присутствии имп-ра; темы сочинений дает тоже сам император.

Первый из выдержавших цзинь-ши получает титул Чжуань-юань, второй — Бань-янь, третий — Тань-хуа.

Лица, получившие один из этих трех титулов, пользуются в Китае величайшим почетом вне зависимости от того, какой служебный пост они занимают, находятся на службе или нет; не только деревня или город, где родился «первый» (второй или третий) учёный, устраивают ему празднества, торжественные встречи, триумфальные арки и т. п., но даже целые округа и провинции гордятся перед други-

ми счастьем иметь в числе своих жителей тань-хуа или бань-янь, а тем более чжуан-юаня. Семейство ученого окружается величайшим почетом со стороны сограждан.

54) По китайскому закону человек, совершивший кражу с целью поддержать своих родителей, — наказанию не подлежит.

55) У буддистов, как и у нас, при поступлении в монахи мирянин отказывается от фамилии и меняет свое имя. У нас хотя сохраняются первые буквы имен, старого и нового; у буддистов же и этого нет; поэтому, не зная монашеского имени буддиста, почти невозможно его разыскать.

56) Дух каждого существа непрерывно перерождается, получая каждый раз внешнюю оболочку или высшего, или низшего, или прежнего разряда существ в зависимости от того, какую жизнь он вел в последнем своем существовании. Явившись богом, в следующем существовании дух может переродиться в животное или даже в адское существо. Сам Будда в предпоследнем своем существовании был бог; а раньше был зайцем, львом, павлином. Родившись же как Сиддатха из рода Сакиа, он был *вполне и только* человеком, хотя он и сделался буддой, т. е. «просветленным», в смысле «пробужденный», «познавший».

Относительно переселения душ древнейшие книги буддийского священного писания (*Maháparimbbána Sutta*) говорят, что есть четыре разряда верующих; они путем уничтожения трех уз вступили на дорогу; они не подвержены возрождению в низших мирах (в аду, в мире привидений и в животном мире); они уверены (в искуплении); они достигнут высочайшего познания.

Следующий высший класс — *sakadágámi* («однажды возвращающиеся»): «путем уничтожения трех уз; путем подавления желания, ненависти и ослепления сделались они однажды возвращающимися; если они еще один раз возвращаются в этот мир, то они достигнут конца страдания».

Далее следуют *anágámi* («невозвращающиеся»): «путем уничтожения пяти первых уз они сделались существами, возникающими сами собою (т. е. они вступают в бытие, не будучи зачаты и рождены: это свойство высших богов); они достигают там (в мире богов) Нирваны; они не подвержены возвращению из того мира».

Наконец, высочайшая из четырех ступеней — *arhat*, т. е. «ступень святого» (Г. Ольденберг).

Учение о переселении душ более всего разработано в современном ламаизме. По этому учению, души людей (или иных существ), которые окончательно погрязли в грехах, которым не было знакомо ни одно из высших побуждений, — попадают в ад. Кроме ледяных отделений, в аду есть 136 огненных отделений; перемена мучений не дает притупляться ощущениям мук. Ад находится под землей, и царем его является Яма (ведийский бог смерти).

Немногим лучше является мир *п р е т*. Это существа или привидения, смертельно страдающие от жажды и голода. У них ноги — как былинки; живот — гигантский; шея — с соломинку, рот — огромный. Томимые голодом, раздражаемые обилием пищи, — они хватают ртом огромные куски, но проглотить не могут. Если им и удастся пропустить известное количество пищи в желудок — тонкие ноги не могут выдержать даже этой тяжести.

Скупые и жадные имеют все шансы возродиться в «*п р е т*».

Следующие высшие миры — животных, а затем — мир людей.

Выше людей стоят *т е н г р и*. Это — существа, обладающие всеми чувствами людей, но гораздо могущественнее последних. Присущий им порок — чрезвычайная гордость и зависть счастью богов. Живя между небом и землей, они свою очень долгую жизнь проводят в веселье и празднествах, среди деревьев, дающих плоды, коров, исполняющих все их желания и жен, окружающих их любовью. Счастью их мешают непрерывные войны с богами, причем тенгри всегда бывают побеждены. Рождаются они из цветка лотоса, а уми-

рают как люди. Только немногие из них, благодаря своей гордости, могут возродиться в высшем мире — мире богов.

Еще выше — рай, населенный богами, состоящий из нескольких небес. Царь богов Индра живет в центре рая и занимает нижний этаж. На среднем этаже помещается Брама, а в верхнем — Мара, бог желаний.

Как сами боги, так и их жизнь в общем очень похожа на тенгри: то же рождение из лотоса, та же чувственная жизнь среди окружающей роскоши: летающие кони, коровы, дающие напитки, озера из нектара и т. п. И боги подвержены смерти, хотя и не скоро...

Души богов, ведших греческую жизнь, возрождаются в одном из низших миров; и только после жизни, полной самоотречения и милосердия, души богов сливаются с Нирваной, мировой душой.

57) Изречения из Дгаммапады (Г. Ольденберг: «Будда»).

58) Одна из любопытных отраслей сельскохозяйственной промышленности провинции Сычуань — это производство растительного воска («бэй-ла»), который может быть приготовлен не иначе, как при разделении труда между жителями двух отдаленных один от другого округов. Насекомое (*coccus dela*), вырабатывающее воск, рождается и развивается на листьях дерева *ligustrum lucidum* (по-китайски чуньшу, т. е. «насекомое дерево») в местности Цянь-чжуан, близ города Нин-юань.

В мае земледельцы осторожно собирают с деревьев наросты с сотнями яичек этого насекомого и отправляются с ними в окрестности города Цзя-дин-фу, за четырнадцать дней пути, по другую сторону гор. Дорога очень трудная, и при этом нужно идти ночью, чтобы яички не испортились от дневного жара: издали бесконечные вереницы мелькающих огоньков, движущиеся по извилистым тропинкам гор, представляют очень эффектное зрелище. В виде единственного исключения в Срединном царстве, ворота Цзя-дин-фу остаются постоянно открытыми в продолжение всего сезона сбора

яичек. По перенесении последних в окрестности этого города, яички помещают на листья дерева совсем другой породы, китайского ясения — *fraxinus Sinensis* («ла-шу», т. е. восковое дерево), где насекомые вылупляются и выделяют из себя белый воск, так высоко ценимый китайцами; воск этот идет на приготовление свечей для буддийских храмов и для домашнего обихода (Реклю; Матусовский).

59) Такое количество экзаменующихся и эта тема были в описываемых местах в 1907 году.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОСЬМИ БЕССМЕРТНЫХ ЗА МОРЕ

Даосское сказание

Д. В. ШКУРНИН

Башкирский национальный музей
Фольклористика и Письменность национальных обра-
зов: научный фольклористический журнал

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВОСЬМИ ☐ ☐ ☐
БЕССМЕРТНЫХ
ЗА МОРЕ ☐ ☐ ☐

— · —
ДАОСКОЕ СКАЗАНИЕ
— · —

(Отдельный оттисок из «Вестника
Маньчжурии» № № 8 и 9 1928 г.)

Х А Г Е Н И
Типография Китайской Национальной Академии Наук
1928

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как теперь, так и три столетия тому назад Европа завистливыми очами взирала на богатства сказочного Востока. Прикрываясь идеалами морали, культуры и цивилизации, она толкала вперед миссионера, за ним — купца и дипломата, а затем — солдата. Европа знакомила Восток с «вершинами» морали, как будто Сидхарта Будда жил не на Востоке! Она хочет открывать глубины философии людям, у которых были Кун Цзы, Мэн Цзы, Чжуан Цзы! Европейцы искренне верили и верят, что они несут цивилизацию на Восток, не подозревая, что их цивилизация является крохотным, слабым, грудным ребенком по сравнению с пожилым, многоопытным мужем — Востоком.

Наконец, лучшие европейцы (есть и такие) хотели познакомить Китай с величайшими достижениями религии; ради этой цели убита масса денег, труда, и даже пролито немало крови. А результат?.. Если вы заслужите доверие миссионеров любого вероисповедания, то они вам сознаются, что, хотя с внешней стороны, в смысле числа китайцев, принявших христианство, у них дело обстоит и благополучно, но с внутренней стороны, в отношении усвоения неофитами христианской морали и принципов, дело обстоит гораздо хуже.

Римлянина, германца, еврея, славянина поражали в христианстве моральные представления колossalной вышины и силы: «Больше сея любви никотоже имать, да кто душу свою положит за други своя»... А китаец на это говорит: «Да, но Ши-цзя-муни Фо велел отдать всего себя для спасения жизни не только такого же, как ты, человека, а даже самого последнего червя... Что вы мне указываете на изречения в вашей книге — *воздай за зло добром*, — когда это сказал Лао Цзы в книге Дао-дэ-цзин на пятьсот лет раньше!.. Как на один из венцов практической мудрости вашего закона, вы указываете на правила: какой мерой вы мерите, такой же и воздастся вам. Поступайте в отношении других так, как вы

желаете, чтобы поступали с вами... Но ведь это сказал *наш* Кун Цзы, также на пятьсот лет раньше *вашего*... И так далее...

Словом, китайца не удивишь высокими истинами и философскими концепциями: они видели и слыхали побольше нашего...

Итак, во всех областях жизни: европейцы устремляются в Китай, не дав себе труда хотя бы немного познакомиться со страной, с новой жизнью, а главное — с душевным строем, с необычайным по богатству духовным багажом этого древнейшего в мире культурного народа... Не замечая того, что есть перед нами, мы не видим бесценных богатств чуждой нам культуры и уверены, что здесь — голое место, ничего нет...

В результате — никогда мы здесь не добьемся прочного успеха ни в каких делах, если самым серьезным образом не будем изучать жизни, верований, философии, души китайца, со всеми их странностями и уклонами, непонятными для нашего европейского примитивного взгляда на Китай и поверхностного мышления о Востоке.

Одним из таких пустых мест, целой неизученной областью, является религия, называемая «даосизмом». О буддизме и конфуцианстве мы знаем гораздо больше, а между тем, хотя все китайцы официально конфуцианцы, — но этот государственный культ нисколько не мешает никому быть adeptом другой религии. И огромное большинство китайцев хранит в душе религиозные представления, являющиеся смесью из всех восточных религий и учений, но на первом месте стоит, конечно, даосизм.

Вот почему нам совершенно необходимо познакомиться с даосизмом. Материал «Путешествия Восьми Бессмертных за Восточное море», несмотря на свою совершенную скучность и фантастичность, в сущности — весьма любопытен. Выясняя попутно многое из положений последней, грубой формации даосизма — он живописует взгляд простого китайца на взаимоотношения сил земли, людей и Неба. Некоторые совершенно фантастические обстоятельства (пожар моря, сбрасывание горы в море и т. п.), при некотором раз-

мышлении, могут получить естественное объяснение (подводные извержения, необычайной силы землетрясение в Японии и т. д.).

Но давая ту или иную оценку «Путешествию», отнюдь не нужно забывать, что авторы легенд о «Восьми Бессмертных» являются не учеными или интеллигентами, а представителями самого настоящего простого народа, что, конечно, не могло не сказаться на характерах, поступках, нравах и особенно — развлечениях героев этих легенд.

Материалом для «Путешествия» послужила первая цзюань (тетрадь) из сочинений Сюй-сянь Ба-сянь. Следует отметить, что материал этот совершенно нов и, насколько известно, не появлялся еще ни на одном европейском языке.

ПРОЛОГ

ПИР У СИ-ВАН-МУ*

Далеко-далеко, на крайнем Западе, за песчаными пустынями, раскаленными летом и леденящими зимой, за непрходимыми лабиринтами гор и ущелий, по которым бешено мчатся покрытые белой пеной горные потоки, бесконечными соляными болотами, в которых невозможна никакая жизнь, высится спокойные громады гор Гунь-лунь.

Горы эти, пустынные и дикие, без ручьев, без малейшего кустика или травки, отвесными, голыми стенами поднимаются так высоко, что пронизывают несколько нижних небес. Там, на горах, над девятью небесами, обитает Си-ван-му, царица всех бессмертных женщин, змей и всех существ женского пола. Прямо против Северной Медведицы стоит дивной красоты город богини, окруженный огромной стенной в пятьсот верст длиной. На каждой из четырех сторон этой стены, обращенных на восток, запад, север и юг, — высятся по три нефритовых башни дивной красоты. И только одни ворота ведут в этот чудесный город. Посреди восточной стены на тысячу футов высится ворота неизреченной красоты, изваянные из золота небесными художниками. Над воротами сверкает неземная чудесная жемчужина в тридцать чи (футов) величиной, и таинственный, волшебный, матовый блеск ее, сверкающий временами всеми цветами радуги, виден за пятьсот верст...

Великая Си-ван-му, или Цзинь-му, «Золотая матерь», окружена сном чистых небесных дев, стоящих от нее по левую сторону, и множеством невинных отроков — по правую. Они берегут сады богини, в которых растут гладкие, как

* В законченном виде легенда о Восьми Бессмертных, как об определенной группе, сложилась, как полагают, при Юаньской династии, но элементы этой легенды мы встречаем гораздо раньше, именно в мистерии «Восемь Бессмертных празднуют день рождения Си-ван-му».

лед, персики. Чтобы они выросли, нужно девять тысяч лет; зато с течением тысячелетий в них зреет и накапливается чудесная сила: вкусивший их делается бессмертным.

Но ни один смертный не может проникнуть за золотые стены, окружающие эти сады; лишь время от времени Великая Мать устраивает в третий день третьего месяца, в день своего рождения, пышное празднество «Пань-дао-хуй», на которое приглашает богов, духов, гениев и некоторых Бессмертных, и тогда угощает их медом небесных пчел и персиками бессмертия (П. Шкуркин, «Китайские легенды»).

Великая богиня Цзинь-му пригласила всех Бессмертных посетить ее 3-го числа 3-го месяца, в день ее рождения. Восемь Бессмертных собрались вместе впервые с тех пор, как последний член их братства вошел восьмым в их семью, и решили вместе, не расставаясь, отправиться к Си-ван-му в Небесную страну Кунь-лунь, на праздник Пань-дао-хуй.

— Но вот ведь что, друзья, — сказал Чжан-го. — Если последний смертный, идя с поздравлением к своему фу-му-гуаню, приносит ему что-либо в подарок, то как же мы, бессмертные могучие духи, можем прийти к великой Цзинь-му с пустыми руками?..

— Да, да, верно, — отзвались все гении, — без подарка нам идти нельзя.

— Что же мы подарим? Ведь не золото же, камни и жемчуга, из которых Си-ван-му строит стены своего дворца!

— Конечно, наш подарок должен быть достоин и Великой Матери, и нас самих.

— Чжан Го, вы мудрейший из нас. Дайте совет, какой подарок будет достоин и нас, и Великой Матери?

— Я предлагаю сделать чжан-цзы*, — сказал, подумав, Чжан Го-лао.

* Ч ж а н - ц з y — бумажный или шелковый свиток, иногда очень большой величины, который в торжественных случаях подносится кому-либо, и который вешается на стену. На этом свитке пишутся или наклеиваются иероглифы, содержащие стихи или подходящее слушаю изречение известных авторов. Чжан-цзы считается почетным подарком, и часто великолепно украшается вышивками, различными фигурами и т. п.

— Хорошо, — отозвался Люй Дун-бинь, — пускай это будет чжан-цзы, но только будет лучше, если надпись на нем сделает не простой смертный или даже гений, а кто-либо из великих духов.

— Кто, например, кто?.. — посыпались вопросы.

— Например... Ну, хотя бы Лао-гун!

На минуту воцарилось молчание, но затем со всех сторон раздались восклицания:

— Как, Лао-гун, великий Тай-шань Сюань-юань Хуан-ди, наш славный Лао Цзы! Да разве можно, чтобы он принял участие в нашем деле!.. Кто же рискнет обратиться к нему с подобным предложением?!

— Если бы мы пригласили великого учителя принять участие в каком-либо нашем земном деле, то, конечно, подобное приглашение было бы неразумно. Но, в данном случае, мы будем просить его помочь нам почтить великую Цзиньму, которую он и сам чтит... А что касается того, кто должен отправиться с просьбой к Лао-гуну, то кому же к нему идти, как не Ли Те-гуаю, его родственнику* и первому его ученику!

— Правда, конечно, Дун-бинь рассудил верно, — согласились все.

Хромому Ли было поручено от имени всей Бессмертной Восьмерки отправляться в чертоги великого Лао-гуна и просять его составить надпись на чжан-цзы для великой Матери Запада.

— Я согласен говорить с учителем от лица всех, — сказал, подумав, Те-гуай, — но лишь с условием, что мы отправимся к нему все вместе!

На том и порешили. Не откладывая дела в долгий ящик, духи подозвали пролетавшее облако и быстро понеслись в своем воздушном экипаже к славному учителю.

* В Китае все однофамильцы считаются происходящими из одного рода.

Лао Цзы был гневен. Он только что узнал, что не только не спросив его благословения, но даже без его ведома и, вдобавок, с ошибками и с заимствованными из буддизма толкованиями, был недавно вновь издан на земле его труд — «Дао-дэ-цзин».

— Как вы допустили новые кривотолки? — принял Бесмертных, сердито спросил их Лао Цзы.

— Великий, — отвечал за всех Чжан-го, — люди все равно сами ничего не понимают в новой книге, а учим-то мы их всех по старому, единому, великому, всеобъемлющему, непознаваемому Дао, первопричине всех причин и матери всего сущего!

Лао-цзы улыбнулся...

Скоро все восемь духов на своей воздушной колеснице, веселые и довольные, возвращались назад, бережно храня свою святыню — бумажный свиток, на котором божественный Лао-гун собственной кистью начертал в честь Цзинь-му не короткое изречение-надпись, а целую поэму из семидесяти шести иероглифов. Это стихотворение было полно такой красоты и неизреченной небесной мудрости, что перевести его на земной язык было невозможно...

Работа закипела. Узнали точный размер стены самой большой палаты в чертогах Си-ван-му, достали самой лучшей шелковой материи, и скоро чжан-цзы был готов...

Никогда еще с тех пор, как существует на земле искусство, не было создано ничего подобного по красоте. Положим, и мастера были не люди, и материал был необычайный... Черные иероглифы, нашитые на шелк, были сделаны из бархата ночного неба и унизаны сверкающими звездами; на кисти, украшавшие по краям всю чжан-цзы, была разрезана радуга...

Настал день рождения Цзинь-му — «праздник персиков». Со всех концов земли, из небесных гrotов, с отдаленных звезд, — отовсюду стекались к Великой Владычице духи, ге-

нии и божества.

Прибыли все 24 Будды, духи Северной и Южной звезд, и даже сам Великий Владыка — Юй Хуан, «Нефритовый Император». Великолепие их нарядов трудно описать...

Всех встречала приветливо Цзинь-му, всем отдавала низкий поклон и отводила к приуготовленному каждому месту.

В самый разгар приема появились Восемь Бессмертных в самых роскошных нарядах, какие только они могли придумать. Четыре шли слева, четыре — справа, а посреди шел молодой, прекрасный как девушка сянь-тун (дух, отрок-слуга), который на драгоценном блюде нес сложенный во много раз чжан-цзы, персики бессмертия и сосуд сnectаром.

Цзинь-му радостно поспешила навстречу им; сянь-тун поднес ей дары, став на колени, а Дун-бинь сказал речь, прося Великую Мать принять их ничтожный подарок, недостойный ее величия...

Когда развернули чжан-цзы, — все были поражены его волшебной красотой, а главное — неизреченной мудростью, неземными глаголами, начертанными на шелке, и которых смертному знать не дано...

Цзинь-му была обрадована и растрогана, и приказала тотчас повесить чжан-цзы на стену, а Бессмертную Восьмерку сама повела в свой знаменитый сад.

Такого сада никогда на земле не было и, конечно, не будет. Всюду росли цветы необычайной величины и цвета, чудодейственные травы, или исцеляющие всякую болезнь, или разрушающие всякие узы, или соединяющие самые разнородные элементы; изумительной красоты птицы, как драгоценные камни, не боясь духов, перелетали с ветки на ветку; чудесное пение птиц, неизвестно откуда лившаяся небесная музыка, утонченные ароматы цветов, редкие ручные животные со всех сторон окружали гениев. С веток свешивалась величайшая драгоценность — «ледяные» персики, созревающие на одном дереве раз в три тысячи лет, и дарующие вкусившим их бессмертие.

Чтобы еще более подчеркнуть почет и уважение к восьми духам, Цзинь-му приказала своим пяти дочерям, девам-духам неземной красоты, провожать гостей вместе с ней в

один из чудной красоты павильонов, разбросанных в саду.

Девы употребляли все усилия, чтобы гостям не было скучно, и усиленно потчевали их нектаром и вином. Гости не заставляли себя долго упрашивать, и скоро веселье было в полном разгаре.

Цзинь-му сама искренне развеселилась, принимая участие в пире; наконец, она встала и, кланяясь низко Лань Цай-хэ, сказала ему:

— Господин Лань, я слышала, что вы большой мастер танцевать и петь песни; здесь мы мужских танцев еще никогда не видели. Я очень прошу вас протанцевать и спеть нам, духам, так, как вы пели и танцевали на земле для темных людей!

Лань не мог отказать Великой хозяйке; он встал и, то посвистывая на флейте оригинальный мотив, то напевая импровизированную им тут же песню, начал плясать танец тагэ.

Как он пел, как он плясал!.. Необычное мастерство в связи с чрезвычайным комизмом вызывали то горячее одобрение, то дружный хохот всех зрителей во главе с Цзинь-му и ее дочерьми...

Небесные слуги принесли большие блюда с «ледяными» персиками, вкус которых неизмеримо лучше вкуса всех плодов в мире. Цзинь-му и ее прекрасные дочери с поклонами стали просить Бессмертных отведать нового урожая «заоблачных» персиков, и каждый из Восьми взял себе по два персика, — больших, ароматных, с гладкой, блестящей кожей...

Пир продолжался вполне непринужденно, и скоро гении были не только сыты, но и совсем пьяны...

Веселье продолжалось до рассвета.

Увидев, что вершины Гунь-луня уже порозовели и становится светло, Восемь гениев низко поклонились Великой хозяйке, сказали прощальные речи и направились из райских садов Небожительницы обратно на грубую землю.

I

БЕССМЕРТНЫЕ ПЕРЕПЛЫВАЮТ МОРЕ

Семь бессмертных мужчин: Ли Те-гуай или Цюэ-гуай Ли (Хромой Ли), Чжун Ли-циоань или Хань Чжун-ли, Лань Цай-хэ, Чжан Го-лао, Люй Янь или Люй Дун-бинь, Хань Сянцзы и Цао Го-цзю, и одна женщина — Хэ Сянь-гу, а всего — Восемь Бессмертных гениев, провожаемые до ограды сада Си-ван-му ею самой, ее дочерьми и многочисленным сномом других бессмертных, — отбыли с недосягаемых вершин Гунь-луня, из дворца этой великой богини-повелительницы всех бессмертных женского пола.

Люй Дун-бинь, подозвав мановением руки проносившееся мимо облако, предложил всем друзьям взойти на него, и все восемь быстро и плавно понеслись на юго-восток.

— Братья, — сказал Люй Дун-бинь, — ведь далеко на Востоке, за Восточным океаном, в Лун-хуа, собрались те великие бессмертные, которые не были на празднике Пань-даохуй*, здесь, у Си-ван-му. Нас туда убедительно приглашали; если мы приняли приглашение Владычицы Запада, а не пойдем в Лун-хуа, то разве мы не обидим таких же бессмертных, как и мы, и самого Владыку Востока — Дун-му-гуна?

— Да, конечно, верно, — послышались общие голоса.

— Да к тому же, братья, — прибавил Чжан Го-лао, — мы столько лет уже живем на свете, многие уже не в первый раз, а до сих пор еще ни разу не были за морем и не знакомы со многими из таких же бессмертных, как и мы!

— Да, да, конечно, — подтвердили все. — Едем на восток, на собрание в Лун-хуа!

— Да когда же мы отправимся?

* Пань-даохуй — праздник «персиков бессмертия» в садах богини Си-ван-му в день ее рождения, 3-го числа 3-го месяца (в настоящем 1925 году — 28 марта по европейскому календарю). О Си-ван-му смотри статью в книге «Белая Змея» П. Шкуркина, с. 144).

— Сейчас же, иначе нам будет трудно собраться снова вместе!

Таким образом, поездка за Восточное море, в Лун-хуа, была решена. И странный воздушный экипаж, с еще более необычными пассажирами, еще быстрее понесся, слегка изменив направление, прямо на восток.

Далеко-далеко на востоке, на самом горизонте, показалась тонкая, прямая и острая, как игла, темная полоска.

— Друзья! — воскликнул Люй Дун-бинь. — Да ведь это уже море!

Этот возглас сбросил дремотную пелену с глаз тех Бессмертных, которые были убаюканы быстрым движением и мягким ложем, и они встрепенулись.

— А где же Лун-хуа? — спросила Хэ Сянь-гу.

Все рассмеялись.

— Вы, Сянь-гу, — обратился к ней Хань Сян-цзы, — думаете, что Восточное море — лужа или болотце, на котором все кочки видны?

Со всех сторон посыпались шутки и остроты.

Тем временем темная полоска, показавшаяся на горизонте, быстро росла и расширялась, постепенно захватывая все дали, и скоро Бессмертные увидели внизу под собой море. Но не такое море, каким представляли его себе не видавшие его раньше, — тихой, спокойной, гладкой пеленой, — а бурным, мрачным и страшным. С востока дул порядочный ветер, и длинные валы, увенчанные белыми гребнями, бежали по морю, догоняя один другого... У берега волна то отходила далеко вглубь, обнажая гладкое, песчаное, плотное морское дно, то вдруг высоко поднималась темно-зеленой стеною, увенчанной загнутым гребнем, — и вдруг яростно, с грохотом и воем, бросалась на берег и на разбросанные кое-где прибрежные скалы, стараясь выбить их из вековых мест...

— Смотрите, точно воины водяного дракона штурмуют прибрежную крепость, — сказал Чжун Ли-циоань, привыкший все рассматривать с военной точки зрения.

— А ведь вода прибывает, — заметил кто-то из духов. — Как бы это не помешало нашему путешествию?

— Пустое дело, — возразили ему. — Какой прилив может

помешать нашему облаку нестись прямо на восток?.. Мы только поднимемся выше, попадем в другое течение ветра, — и спокойно будем продолжать путь!

Но Люй-бинь, наиболее эксцентричный из них, не мог примириться с таким простым разрешением вопроса.

— Нет, друзья, тихо и спокойно переплыть море на облаке — это будет слишком по-людски, точно мы купцы: наняли телегу, положили товар под себя, да и поехали... И скучно, и неприлично для нас. Ну какие же мы будем после этого гений, владеющие сверхъестественными силами?!

— А по-моему, — возразил Го-лао, — незачем нам хвастаться своими талантами. Лучше тихо и спокойно ехать на облаке. Будет тихо, спокойно, верно и без всякого риска.

Но Ли Те-гуай горячо возражал:

— Вы забываете, что на нас смотрят теперь, конечно, и другие Бессмертные, и духи, а может быть... и люди. Нам никак нельзя терять лица! Я предлагаю воспользоваться этим случаем и показать свое могущество. Пусть каждый из нас воспользуется имеющимся у него волшебным предметом. И с помощью его переплынет море. Поверьте, — это будет гораздо интереснее: все на земле увидят, кто мы и что мы можем сделать... А сколько рассказов о приключениях мы услышим, собравшись вместе на том берегу!

— Правда, правда, верно говорит Дун-бинь! — раздалось со всех сторон. И Бессмертные решили не слушать старого Го-лао, а переплывать море поодиночке, как и кто хочет.

— Ну, я начинаю! — крикнул Те-гуай. — Кто за мной?

С этими словами он бросил свой тяжелый железный посох в море. И странно: посох не потонул, а держался на поверхности воды, и даже волны около него, казалось, утихли... Ли Те-гуай, балансируя на одной ноге, так как не имел уже опоры, стал на него, и посох, разрезая волны, но не зарываясь в них, легко, плавно и быстро помчался на восток... Фигура хромого гения стала быстро уменьшаться и скоро он совсем скрылся из глаз наблюдавших за ним семи Бессмертных.

— Что же, друзья, — обратился к остальным Чжун-ли, — последуем примеру Те-гуая!

С этими словами он бросил в море свой веер. Веер принял такие размеры, что на нем смело мог поместиться человек. Чжун-ли встал на него, подставил свою голую грудь и лысую голову морскому ветру, и веер, легко скользя по волнам, быстро поплыл в том же направлении, в каком скрылся Те-гуай.

Тогда старый Чжан Го-лао вынул из своей бамбуковой трубки сложенную вчетверо бумажку, развернул ее — это оказался вырезанный из бумаги мул, — и бросил в воду. Тотчас же бумажка превратилась в большого, настоящего, живого мула, на которого Го-лао и сел лицом к хвосту... Мул быстро помчался по гребням волн, унося улыбающегося старца в туманную даль, — туда, где покрытая белыми гребешками волны линия воды сливалась с небом,

Хань Сян-цзы посмотрел на других и, видя, что никто из тех, кто постарше его, не следует за Го-лао, сам бросил свою корзинку с цветами в море. Корзинка была совершенно достаточной величины, чтобы Хань Сян-цзы мог стать на нее; и тотчас, качаясь на волнах, корзина плавно понесла своего хозяина прямо на восток.

Затем и остальные Бессмертные стали бросать в море бывшие при них простые на вид, но обладавшие таинственной волшебной силой предметы: Люй Дун-бинь — бамбуковую палочку от мухобойки, Цао Го-цю — деревянные дощечки-кастаньеты, Хэ Сянь-гу — бамбуковую плоскую корзину. Все предметы плавали по воде: Бессмертные разместились на них, — и двинулись к востоку.

— Что за странный свет? — сказал один из ба-сяней. — Смотрите, он освещает глубину моря так, что все дно видно!

Все путники оглянулись и увидели, что свет исходит от нефритовой дощечки, на которой стоял Лань Цай-хэ. И чем дальше они плыли, тем свет этот, казалось, делался все сильнее, освещая глубину...

И вдруг гении увидели, что по дну моря, освещенные сверху и испуганные этим светом, бегут подводные стражи, ведающие охраной поверхности воды: это они торопились к своему владыке — Дун-хай Лун-вану, т. е. князю-дракону

Восточного моря, с докладом о необычайном происшествии на море.

Бессмертные, продолжая беспечно свой путь, успели забыть о стражах и не предполагали, какие тяжелые последствия сулит им эта встреча.

II

НАПАДЕНИЕ ЛУН-ВАНА

Когда усталые, запыхавшиеся стражи поверхностной охраны прибежали в подводный дворец своего князя и рассказали о том, как при обходе моря они заметили группу людей, которые, стоя на совсем не подходящих для плавания по воде вещах, спокойно переплывали океан, причем одна из этих вещей издает необычный свет, — то Лун-ван сначала усомнился: очень уж невероятную историю поведали стражи. Но, видя их испуг и усталость, он решил расследовать это дело. Для большей верности, он для этого решил послать не какого-нибудь чиновника, а собственного старшего сына, своего наследника, и приказал ему точно проверить и разобрать это дело.

Наследник созвал свою ближайшую охрану и бросился с ней вдогонку за дерзкими, осмелившимися нарушить законы, навеки предписанные им Великим Принципом.

В это время все путники уже благополучно переплыли море и выходили на берег; один только Лань Цай-хэ, отправившийся в путь последним и двигавшийся несколько медленнее других, находился еще далеко от берега. Молодой дракон-наследник догнал его по дну моря и тут воочию убедился, что стража — наблюдатели моря — доложили правду... Над ним по морю плыл молодой человек на нефритовой дощечке, украшенной чудной резьбой и издававшей ослепительный свет.

Молодой дракон был поражен. Это был самонадеянный, жадный, самовольный юноша, избалованный своим отцом и не встречавший отказа своим желаниям и прихотям.

— Ну, — сказал он своим спутникам, — этого я не ожидал!.. В нашем дворце есть все возможные драгоценности, какие только существуют на свете: но такой чудесной вещи не только у нас нет, — а мы о ней даже и не слыхали! Непонятнее всего то, что тяжелая дощечка не только не тонет, но

на ней даже человек плывет... Эта веъщь мне так нравится, что я хочу, во что бы то ни стало, чтобы она была моей.

— Господин, — почтительно заметил один из сопровождавших его офицеров, — но ведь человек-то этот, конечно, ни за что не отдаст ее.

— Ну что ж, мы ее силой возьмем! — ответил молодой дракон и тотчас приказал овладеть нефритовой пластинкой.

Лань Цай-хэ был очень удивлен, когда вдруг почувствовал, что нефритовая дощечка, до сих пор спокойно плывшая по морю и отлично его поддерживавшая, вдруг стала опускаться в воду. Но вскоре его удивление превратилось в испуг, когда он увидел, как чьи-то зеленые руки и щупальцы хватают его и влекут ко дну... Какие-то существа, то совсем неизвестные людям, то похожие на людей, то на рыб, крабов, осьминогов и змей, — быстро помчали его ко дну моря куда-то на юг. В руках одного из них, похожего на дракона и который, по-видимому, являлся их начальником, Цай-хэ увидел свою испускавшую свет драгоценную дощечку.

Скоро впереди, сквозь прозрачную бирюзовую воду, вырисовались очертания какого-то громадного здания, и через несколько минут Цай-хэ уже входил в ворота фантастического дворца князя-дракона Восточного моря. Тут его втолкнули в какое-то небольшое темное помещение и заперли за ним дверь.

Когда наследник вошел в тронный зал дворца, неся в руках дощечку, то все углы зала осветились так, как не бывали освещены в самый яркий полдень: нефрит сверкал ярче луны и солнца.

Лун-ван обрадовался и дощечке, и удаче сына, и на радостях устроил в этом тронном зале пир.

Итак, все гении приплыли на ту сторону моря, не было одного лишь Лань Цай-хэ. Постепенно беспокойство стало закрадываться в сердце Бессмертных. Прошел час, прошел другой, третий — и смутная тревога превратилась в страх за его судьбу.

— Нет сомнения, — говорил Чжун-ли, — что это штуки Лун-вана. Не будем закрывать глаза — бедному мальчику грозит серьезная опасность... Мы все должны отправиться

на его розыски.

— Ах, — горевал Чжан Го-лао, — говорил я вам — не нужно хвастаться, да еще в таком опасном месте. Я предчувствовал, что случится беда!

— Ну, горевать мы еще успеем, — прервал его Чжун-ли, — а теперь нужно действовать. Вы, Дун-бинь — главный виновник: это вы предложили переплывать море, показывая свое искусство! Поэтому, будьте добры, идите сами и ищите мальчика, — а мы отправимся на собрание гениев. Там мы и будем вас ожидать вместе с Лань Цай-хэ.

III

ДУН-БИНЬ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Люй Дун-бинь и раньше считал себя главным виновником несчастья; получив же теперь упрек Чжун-ли — он почувствовал себя настоящим преступником. Решил, во что бы то ни стало, разыскать Цай-хэ, и тотчас же вернулся на берег моря.

Тщетно осматривал Дун-бинь все скалы, выемки и бухточки; напрасно он всматривался в безбрежную даль моря — юноши нигде не было видно...

Наконец, видя неуспешность своих поисков, он подумал, что Цай-хэ, вероятно, захвачен драконом, князем моря.

Тогда Дун-бинь решил окликнуть юношу: если последний находится поблизости, — то, конечно, ответит...

И Люй Дун-бинь, приложив рупором руку ко рту, закричал: «Цай-хэ!»

Голос прокатился, как гром, — и Дун-бинь видел, как морские птицы, сидевшие на волнах чуть ли не на горизонте, сорвались с воды и улетели. Но никто ему не ответил: очевидно, Лань Цай-хэ или не слышит, или не имеет возможности ответить, находясь во власти Лун-вана.

Дун-биню ничего не оставалось, как обратиться непосредственно к владыке моря.

— Лун-ван! Эй, Лун-ван! — закричал Дун-бинь громче прежнего. — Я вам говорю! Немедленно доставьте сюда этого молодого человека, которого вы захватили. А иначе я зажгу воду, море высохнет, и вы плохо кончите!

Крик Дун-бина потряс воздух и воду и проник до самого дворца Лун-вана. Один из приближенных князя, по имени Е-ча, находился за оградой дворца. Он услыхал крик Люй Дун-бина и тотчас доложил наследнику, что какой-то наглый человек стоит на берегу, кричит, бранится, требует освобождения пленника и грозит сжечь море.

— Что-о? Сжечь море?! Ну, погоди же, я тебя проучу, хвастунишка!

С этими словами наследник сам пошел к тому месту, где на берегу стоял Дун-бинь, высунулся из воды и сказал:

— Кто эта тварь, которая смеет хвастать своей силой передо мной?

Дун-бинь спокойно ответил:

— Успокойтесь, мой милый; я — верховный Бессмертный Люй Цунь-ян; так как мой товарищ Лань в настоящее время находится у вас, в море, то я и пришел сюда, чтобы спасти его. Передайте, пожалуйста, Лун-вану, чтобы он немедленно освободил Лань Цай-хэ и доставил его сюда ко мне.

Молодой дракон-наследник насмешливо посмотрел на этого дерзкого, так спокойно рассуждающего, и спросил:

— Ну, а если мы не возвратим пленника, что же ты можешь сделать с нами?

— Очень просто: я сожгу море!

Наследник расхохотался:

— Сжечь море? Воду?! Ну и шутник же ты!.. Только вот что я тебе скажу: не болтай-ка ты понапрасну, и пусть твой поганый рот не выбрасывает пустых слов передо мной. Я тебе говорю — убрайся отсюда подобру-поздорову туда, откуда ты пришел, пока ты цел. А не то — я и тебя схвачу и посажу под замок!

Дун-бинь, вообще не отличавшийся спокойным характером, рассердился; он выхватил свой меч, который всегда носил за спиной, и направился к молодому дракону. Но тот нырнул в воду и исчез.

Тогда Дун-бинь отвязал от пояса неразлучную ху-лу (тыкву-горлянку), в которой хранился волшебный огонь, и бросил ее в море.

И в тот же миг ху-лу распалась на две ху-лу: те, в свою очередь, разделились на четыре, потом — на восемь, на шестнадцать, на десятки, сотни, тысячи, до бесконечности... Вскоре они покрыли всю поверхность моря — покуда только глаз хватал — и все они из своих узких горл извергали струи волшебного пламени, которому ничто противостоять не могло... Вода покраснела, и скоро море закипело ключом.

— Фу, как жарко! — сказал Лун-ван, сидя за столом в кругу своих приближенных. — Откройте-ка окна, чтобы впус-

тить струю свежей воды.

Слуги бросились исполнять приказание. Но лишь только открыли окна, как в них ворвалась не прохладная вода морского дна, а, наоборот, — горячая, а вместе с ней — какой-то странный шум и крики.

— Что это значит? Разузнать и тотчас доложить! — крикнул водяной повелитель.

Через минуту один из его ближайших советников докладывал:

— Государь! Несколько часов тому назад наследник захватил какого-то странного человека, переплыvавшего море на нефритовой дощечке, и заключил его под стражу в темном подводном помещении... А теперь за этим человеком пришел его товарищ — Бессмертный Люй Цунь-ян. И потребовал возвращения пленника. Но наследник не отдает его; поэтому Люй бросил свою ху-лу в море — и море горит.

Лун-ван был поражен: никогда он не только не слыхал, но и допустить не мог, чтобы море могло гореть. Но факт был налицо, и постепенно жар становился все ощущительнее.

Необходимо было принять экстренные меры, да к тому же и вина молодого дракона была налицо. Лун-ван захотел выказать себя справедливым по отношению ко всем, —даже и к своим детям.

— Значит, все горе, — сказал старый дракон, — произошло оттого, что мы захватили человека с какой-то дрянной вещицей?.. Ну что за мальчишество со стороны наследника! Он завладел каменной дощечкой, которая обязана быть тяжелой и не может плавать, — следовательно, она должна все равно упасть на дно и быть нашей; но зачем же он захватил человека и держит его? Это уже озорство с его стороны. Сейчас же освободить пленника и доставить его в целости и сохранности к его другу на берег!

Приближенные тотчас бросились исполнять приказание, освободили Лань Цай-хэ и в самом скором времени доставили его на берег — к тому месту, где стоял Люй.

— Господин, — кланялись подводные вельможи, — вот ваш друг, живой и здоровый... Мы не могли не задержать

его, потому что он нарушил законы природы, заставив камень плыть по воде. Но вот теперь он возвращен вам; смилийтесь над невинными обитателями моря и уберите свой страшный огонь!

Люй Дун-бинь, обрадовавшись возвращению пропавшего друга, произнес какие-то слова. И тотчас же огонь перестал извергаться из всех ху-лу; горлянки стали соединяться одна с другой, число их быстро уменьшалось — и, наконец, последняя ху-лу подплыла так близко к берегу, что Люй взял ее и привязал к своему поясу.

Морские посланцы униженно поблагодарили Бессмертного и нырнули в воду, а Люй и Лань, довольные и радостные, двинулись в путь на съезд богов, где их ждали друзья.

IV

БЕССМЕРТНЫЕ ТРЕБУЮТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДРАГОЦЕННОСТИ

Можно себе представить, как обрадовались все Бессмертные, когда увидели возвратившихся Дун-биня и Цай-хэ, живых и здоровых! Со всех сторон посыпались поздравления, благие пожелания и расспросы — как это Лань попал в беду, и что с ним произошло?

Цай-хэ плакал от радости и сквозь слезы рассказал подробно, как свет его дощечки привлек внимание наследника Лун-вана, который приказал воинам овладеть ею, как его схватили и держали в темном помещении, даже ни разу не покормив, и как Дун-бинь вызволил его из беды.

— А где же ваша виновница всех бед, нефритовая дощечка? — спросили Ланя.

— Она осталась во дворце Лун-вана, — ответил Цай-хэ.

Бессмертные взорвались.

— Друзья, — обратился ко всем Чжун-ли, — нас впервые постигло несчастье — и несчастье большее, чем кажется с первого взгляда. Не так дорога дощечка сама по себе, как дорого наше знание, тайна нашего магического искусства, заключенная в ней... Благодаря этой дощечке вы — бессмертный гений — были схвачены этим ничтожеством, морской слякотью и, как преступник, как вор или злодей, были посажены в темницу... Друзья! Здесь пострадал не один Цай-хэ; это великий позор для всех нас. С этим срамом мы мириться не должны, и обязаны употребить все наши силы, все знания и все наше магическое искусство, чтобы смыть с себя этот позор!

Когда Цай-хэ услышал эти горячие слова — слезы радости превратились у него в слезы огорчения, а все гении, возбужденные и взволнованные, шумели, возмущались и доказывали друг другу, что эту обиду нельзя оставить без отмщения.

— Как смеют эти морские скоты, — кричал Те-гуай, — владеть магической вещью? Как они решились оскорбить одного из наших братьев? А обидев его — они оскорбили всех нас! Мы смоем это пятно лишь в том случае, если вернем наш нефрит обратно!

— Верно, верно! — закричали все хором.

— Господа, — старался их успокоить Дун-бинь, — не стоит так волноваться: у меня есть маленькая надежда на мою хулу. Я сожгу море до дна, и тогда нетрудно будет получить дощечку обратно.

— Хорошо, — отозвался самый спокойный и рассудительный из гениев — Чжан Го-лао, — мы все полагаемся на вас и надеемся, что вы спасете эту величайшую драгоценность... Идите, друг, еще раз к Лун-вану, но старайтесь, по возможности, закончить дело мирным путем: если он не отдаст нашей собственности добровольно — вы всегда успеете сжечь море. Только одному вам идти не совсем удобно: кто из нас, господа, пойдет с Дун-бинем?

— Я пойду, — неожиданно сказала Хэ Сянь-гу, и со своей большой плоской бамбуковой корзиной в руках подошла к Дун-биню.

— И я, и я хочу идти с вами, — раздались голоса гениев; но Дун-бинь сказал:

— Я полагаю, господа, что нас двоих будет достаточно. Ожидайте нас вскоре с хорошими вестями!

И Дун-бинь вместе с Сянь-гу, провожаемые хорошими пожеланиями, направились обратно к морю.

Придя к морю, Люй приставил ладони ко рту рупором и закричал своим громоподобным голосом:

— Эй, вы, там, во дворце Лун-вана! Вы забыли возвратить нам нефритовую дощечку. Несите-ка ее сюда поскорее!

В это время Е-ча был за оградой дворца и первый услышал этот крик. Он поспешил во дворец и доложил об этом наследнику. Услышав это, молодой дракон вскочил, раздраженный:

— Как, этот негодяй снова к нам пришел? В первый раз он осмелился жечь море; я, по приказанию отца, уступил ему, выпустил заключенного бездельника, которого и пере-

дал ему, а он этим не удовольствовался и теперь снова пришел, требуя возвращения драгоценной дощечки?.. Ну нет, этому не бывать! Добровольно я ее ни за что на свете не уступлю. Пускай он показывает свое дьявольское искусство — посмотрим, чья на этот раз возьмет!

И он приказал многочисленному войску, и в том числе — десяти могучим морским животным, ракам, крабам и другим, защищенным панцирями, сопровождать себя.

Подойдя к берегу в том месте, где стояли Дун-бинь и Сянь-гу, молодой дракон приказал пяти животным выйти на берег и напасть на врагов слева, а другим пяти — справа; сам же он поднялся над водой прямо против двух Бессмертных и руководил нападением своих воинов, готовый в нужную минуту поддержать их.

Раки, черепахи и другие чудовища с двух сторон нападали на гениев. Дун-бинь храбро защищался, поражая врагов своим мечом то вправо, то влево. Несколько раз нападавшие принуждены были отступить, но громкий голос дракона снова заставлял их переходить в наступление.

Но что могли сделать десять, хотя и могучих, чудовищ против магического меча?.. Скоро весь берег был покрыт лапами, ногами и головами, трепетавшими и истекавшими кровью. Мало кто из морских воинов, израненный, уполз в море — большинство были убиты.

В самый разгар этой схватки Хэ Сянь-гу, не принимавшая до тех пор никакого участия в сражении, бросила вдруг свою корзину в море, и молодой дракон тотчас был пойман корзиной. Он пробовал освободиться, но скоро убедился, что убежать из волшебной корзины невозможно...

Видя поражение своих лучших воинов, молодой дракон крикнул многочисленному войску, бывшему под ним, на морском дне:

— Вперед! Идите все сразу на берег, бросайтесь на Дун-биня и схватите его!

Услышав это, Дун-бинь закричал:

— Ах ты, вредное животное! — и бросил свой меч по направлению к дракону. Меч взвился, поразил Лун Тай-цзы прямо в лоб и вернулся обратно к своему хозяину. Дракон,

с разрубленной головой, мертвой массой вывалился из корзины в море. Войско его, пораженное ужасом, не продолжало наступления на двух гениев, а со страхом бросилось назад в море. Но корзина Хэ Сянь-гу захватывала их и привлекала к Дун-биню, который разил их мечом без устали. Так было перебито множество из войска дракона. И только жалкие остатки его армии, после панического бегства, достигли дворца дракона-отца.

Когда дракон-наследник со своими войсками двинулся против Дун-бinya — он действовал без разрешения отца. Последний, конечно, знал, куда и зачем его сын повел войско; но он делал вид, что ничего не знает, будучи уверен, что сын его вернется со славой и добычей. Теперь же, узнав от беглецов о печальной участи старшего сына и его войска, Лунван был трижды поражен в самое сердце: как государь — вторично потерпел неудачу и потерял лицо; большой отряд его войска был почти полностью уничтожен; и как семьянин — его старший сын был убит... Ярость охватила его.

— Бери все войска, — крикнул он второму сыну, — до последнего воина, и ударь на этих извергов! Пусть хоть все войско погибнет, — но чтобы эти человеческие отбросы или их трупы были здесь!

Второй молодой дракон двинул свои войска на неприятеля. Он был осторожнее своего старшего брата и решил напасть не в лоб, а окружив врага со всех сторон.

Бесчисленное морское войско, выйдя на берег с двух сторон на значительном расстоянии от двух Бессмертных, медленно подвигалось к ним. Услышав какой-то странный шорох и шум, Люй и Хэ оглянулись и увидели себя окруженными со всех сторон бесчисленным полчищем всевозможных морских чудовищ, из которых каждое было снабжено каким-либо страшным оружием...

Дело принимало явно неблагоприятный оборот: что могут сделать два, хотя и могущественных, гения против тьмы врагов?..

Положение казалось безвыходным и спасение невозможным не только для безоружной Хэ Сянь-гу, но и для Люй Дун-бinya.

«Дело плохо, — подумал Дун-бинь, — это будет не дело, если я спасусь один; нужно что-нибудь придумать!»

Вдруг мысль осенила его. Он вынул свой меч и бросил его не в неприятеля, а вверх...

И свершилось дивное дело: меч в воздухе распался на сотни тысяч мечей, которые, как туча или как гигантский рой пчел, разлетелись во все стороны и обрушились на врагов, поражая их неустанно сверху вниз...

Бесчисленные жертвы устилали землю, и потоки крови, сливаясь в целые ручьи, потекли к морю и окрасили воду на расстоянии нескольких ли от берега.

Сделав свое дело, мечи стали соединяться один с другим и, наконец, последний меч прилетел к своему хозяину и поместился на свое обычное место, за его спиной.

Оба гения решили покинуть это страшное поле. Но едва они миновали вал из трупов, — как увидели, что на них кто-то карьером несетя на морском коне. Это был второй дракон, наблюдавший со стороны гибель своего войска и теперь, в отчаянии, решивший лично броситься на двух людей и убить их.

Дун-бинь едва успел выхватить меч, как дракон налетел на него...

Люй уклонился от удара противника и взмахнул мечом... Тот закричал от боли, левая рука по самое плечо отпала от туловища; он бросился в море и исчез в волнах.

Все морское войско было уничтожено до последнего воина.

Дун-бинь и Сянь-гу ушли от этого пропитанного кровью места и направились в место съезда, где их ожидали остальные Бессмертные.

V

ЛУН-ВАН РЕШИЛ УНИЧТОЖИТЬ ГЕНИЕВ

Не получая долго известий от сына, Лун-ван приказал одному из своих приближенных узнать, как идет сражение.

Только тот вышел из ворот, как вдруг Лун-ван видит, что во дворец вбегает его второй сын и с громким криком, ослабленный потерей крови, падает на пол без чувств... Несчастный отец видит, что у сына отрублена левая рука по самое плечо.

С трудом привели в чувство молодого дракона, и тогда он поведал о том, как проклятые пришельцы с помощью чар не только погубили все войско, — но искалечили и его самого...

Старый Лун-ван сам был близок к обмороку.

— О, боги, — плакал он, подняв руки кверху, — смотрите, что варвар Дун-бинь сделал с моим сыном! Он убил первого сына и искалечил второго! Он хочет уничтожить всех нас. Неужели вы допустите такую жестокость?!

И он рыдал на своем троне, как последнее из подчиненных ему существ, дети которого попадают в сети илиываются съедены врагами.

Затем в нем проснулась жажда мести.

— Никогда, — говорил он, — эта боль не прекратится в моей груди и во веки веков я не забуду сделанного мне зла! Клянусь отомстить за моих детей и за себя! И если я этого не сделаю, то какой же я буду князь перед моими подданными?!

Почтенный Лун-ван не вспомнил, что многие тысячи этих подданных только что погибли ради жадности его сына и что Бессмертные, в сущности, только защищаются...

В тот же день по всему Восточному морю был отдан приказ, призывающий сто тысяч здоровых воинов явиться ко дворцу Лун-вана. Старый князь-дракон сам решил стать во главе этого войска и повести его против дерзких людей, чтобы отомстить за своих сыновей.

Шесть бессмертных гениев с нетерпением ожидали возращения остальных двух отсутствующих друзей и начали уже беспокоиться, видя, что они так долго не возвращаются. Поэтому понятно, как они обрадовались, когда Дун-бинь и Сянь-гу вернулись целыми и невредимыми.

Их закидали вопросами. Люй подробно рассказал все свои приключения и все перипетии борьбы с войсками Лун-вана.

— Если бы старший сын дракона не был убит, а младший не потерял руки, — нам пришлось бы плохо, — закончил Дун-бинь свой рассказ.

Все присутствующие шумно выражали свою радость и восхваляли храбрость Дун-бinya. Особенно радовался Лань Цай-хэ.

— Ну, — говорил он, — теперь-то Дун-бинь кровью смыл наш позор!

Один только Чжан Го-лао не принимал участия в общей радости и сидел, хмуря свои седые брови. На это, наконец, обратили внимание и спросили, чем он, как будто, недоволен?

Старый гений сначала отмалчивался, но на повторные вопросы, наконец, сказал:

— Господа, напрасно вы радуетесь чужому горю! И будьте уверены, что Лун-ван постарается отомстить... И вы, Дун-бинь, неправы: зачем было проявлять столько жестокости? Разве вы забыли, что у вас есть оружие сильнее меча — ваше Дао... Почему вы не пробовали успокоить их добрыми словами и уговорить? Разве отцу не больно потерять детей? И разве он теперь не пошлет на нас новое войско? Ой, не шутите с этим! Рано вы радоваться начали... Поверьте мне — неприятель скоро будет здесь!

Эта трезвая речь подействовала на всех, как ушат холодной воды; все притихли и замолчали. Наконец, Хань Чжунли сказал:

— Что сделано, того не воротишь, и раскаиваться нам нечего. С чем они на нас пойдут, тем и мы им ответим; зачем же нам заранее складывать руки? Я знаю, что врагов можно ожидать с минуты на минуту, но уверен, что мы и на этот

раз с честью выйдем из положения.

— Хорошо сказано! — воскликнул Те-гуай. — Я знаю, что вы хороший воин и стратег, и я вполне надеюсь на вас. Я заранее от имени всех поздравляю вас с будущей победой. Но вы должны теперь взять все дело в свои руки и довести его до конца.

Эта речь вернула всем бодрость и все стали поздравлять Чжун-ли с будущей победой.

— Поздравление поздравлением, — продолжал Те-гуай, — но вы заранее скажите, как и чем вы думаете их победить?

— А вот чем: вашим послушанием!

— Как? Почему? — раздались со всех сторон возгласы.

— Потому, — отвечал Чжун-ли, — что единственное средство, которым мы можем победить врага — это наше дружное объединение, полное единодушие и беспрекословное покаяние мне, выбранному вами в начальники... При этих условиях каждый из вас будет служить за сотню, сотня — за тысячу... Пускай у неприятеля будет большое войско — поверьте, что при нашем единении победа будет все-таки на нашей стороне, и враг ни с чем вернется в море!

— Благодарю вас, — отозвался, низко кланяясь, Те-гуай.
— Ваши слова ободрили всех нас... Полагаю, что никто из нас в настоящий смутный момент не осмелится в чем-либо ослушаться вас.

— Нам заранее незачем раскланиваться друг перед другом и говорить любезности, — сказал Чжун-ли, — как будто бы победа нами уже в самом деле одержана... Все наше войско — в нас восьмерых, а поэтому разделим наши силы на четыре фронта. Конечно, на каждом фронте мы будем сильны не числом, а искусством каждого из нас... Для того, чтобы мы могли иметь успех, мы должны выступать одновременно, и для этого нужно иметь какой-либо знак. Этим знаком будет флаг. Когда вы увидите, что флаг поднялся, то все сразу нападайте на неприятеля, который не выдержит дружного натиска и будет разбит!

Все гении нашли этот план превосходным.

— Конечно, нет сомнения, — в один голос заговорили Бессмертные, — что, действуя так, мы непременно победим

врага!

Слова эти еще висели в воздухе, как со стороны моря послышался шум, гул и крики: это наступало войско Лун-вана... Из рядов его выделился всадник, который выехал вперед и крикнул:

— Мой повелитель, Лун-ван Восточного моря, пришел мстить за своих сыновей. Он вызывает злодея Люй Дун-бinya на смертный бой!

Едва Хань Чжун-ли успел приказать Дун-биню и Сян-цзы наступать слева, Те-гуаю и Го-цзю — справа, а сам обещал закрывать тыл вместе с Го-лао, в руках у которого развевался флаг, как вдруг Цай-хэ и Сянь-гу, бывшие впереди, увидели перед собой столб пыли... Это с шумом и криком несся на них сам Лун-ван.

— Бей всех, пощады никому! — кричал князь-дракон.

— Поднимайте флаг! — скомандовал Чжун-ли, и знамя высоко взвилось в руках Го-лао.

— Вперед, друзья! — крикнул Чжун-ли. — Дружный наиск с со всех сторон — и никому пощады!

С этими словами он сам бросился на врага.

Закипела жестокая сеча. Меч Чжун-ли быстро сверкал в воздухе, беспощадно поражая врагов, и ни один взмах его не был напрасным. Скоро около Чжуна лежала целая груда неприятельских тел.

Лун-ван, признав в Чжун-ли начальника гениев, с открытой грудью пошел на него. Чжун-ли хотел ударить Лун-вана мечом, но дракон был старый, опытный воин и отбил удар.

Между обоими предводителями начался жестокий поединок. Удары сыпались градом, от мечей летели искры, оба противника показывали чудеса искусства, и ни один не мог одолеть другого... Пятьдесят раз сходились противники — и безрезультатно: сильны были борцы и слишком хорошо умели владеть оружием.

Войска Лун-вана, уверенные в победе своего князя, окружили единоборцев и не принимали участия в борьбе, хотя в нескольких шагах далее шла ожесточенная сеча морских сил с остальными Бессмертными.

Наконец, Лун-ван стал ослабевать и не так уже решительно защищался, а нападения Чжун-ли становились все яростнее. Тогда морские воины решили помочь своему князю и со всех сторон бросились на Чжун-ли. Увидев это, Го-лао махнул флагом и крикнул, чтобы на группу сражающихся слева ударили Дун-бинь и Сян-цзы, справа — Цай-хэ и Сянь-гу, а сзади — Те-гуй и Го-цзю.

Соединенные силы ба-сяней бросились прямо на тот клюбок человеческих и звериных тел, в центре которого сверкал меч Чжун-ли, со страшной быстротой и силой поражая во все стороны окружающих его врагов.

Когда Лун-ван услыхал крик Го-лао, то звуки голоса старца так на него подействовали, что он потерял ясное сознание окружающей обстановки и позабыл, сколькими силами в действительности обладают гении; ему показалось, что силы противника увеличились во много раз...

В то же время войска Лун-вана, услышав этот же крик, потеряли здравый рассудок: часть их приняла свои войска за врагов и бросилась на них... Произошла жестокая битва между своими же. О Бессмертных забыли; все морские силы разделились на две части, истреблявшие одна другую с неслыханной жестокостью и ожесточением.

Видя это, Лун-ван убедился, что спасти положение невозможно: единственным исходом лично для него было бегство. Он повернулся коня, бросился к берегу и нырнул в море.

— Вперед! — кричал Чжун-ли. — Вперед! Бей их до конца!

Гении со всех сторон отжимали к берегу обезумевших врагов, продолжавших сражаться между собой и, наконец, сбросили остатки их в море.

VI

БЕССМЕРТНЫЕ ЖГУТ МОРЕ

— Вань-суй (многая лета) нашему предводителю! — закричал Лань Цай-хэ. — Победа полная, — все кончено!

— Перестань, мальчик, — оборвал его Дун-бинь, — далеко еще не все кончено; это только небольшой перерыв. Победа будет только тогда, когда мы уничтожим ту среду, в которой враг может отдохнуть, сорганизоваться и пополнить свои силы, чтобы вновь напасть на нас. Нужно уничтожить море!

С этими словами он схватил свою ху-лу и опять бросил ее в море. И снова разделилась она на миллионы горлянок, извергавших пламя, и залила необозримую гладь огненной, дымящейся пеленой...

Море закипело. Тогда Чжун-ли стал махать своим веером, раздувая пламя. Пламя усилилось, и скоро загорелась сама вода. Огонь поднялся над безграничным костром, черная гарь заволокла все небо, и поднявшийся отвесно на несколько ли (половерст) в вышину столб дыма затем круто повернулся, как бы переломился под прямым углом, и горизонтально потянул на юг, постепенно спускаясь по небосклону и уходя за горизонт...

Скоро в море не оказалось ни капли воды; дно покрылось бесчисленными трупами рыб, раковин и морских животных, обнажилось; гигантские водоросли свернулись и почернели. Во многих местах дно потрескалось и начинало гореть.

Тогда Хэ Сянь-гу зачерпнула своей корзиной воды из протекавшего вблизи ручья и брызнула этой водой на ближайшую ху-лу, лежавшую на морском дне недалеко от берега. Тотчас же огонь в ху-лу потух, а за ней стали тухнуть другие ху-лу, — и скоро пожар прекратился.

Ба-сянь спустились с берега на сухое морское дно и решили преследовать бежавшего неприятеля: ведь где-нибудь, в защищенной морской котловине, в укрепленном месте или изолированном бассейне могли еще сохраниться значи-

тельные силы, и тогда положение могло бы сделаться опасным.

Преследуя врага, гении прошли невдалеке от огромной роскошной постройки, — очевидно, дворца Лун-вана. Несмотря на соблазн зайти в него, они решили не останавливаться до вечера и только на ночь вернуться во дворец.

Нигде они не только не встретили сопротивления, но даже не видели целых и здоровых обитателей моря; только изредка взор их падал если и на живого еще, то обожженного и умирающего.

Солнце перевалило за полдень, и восемь друзей решили прекратить преследование и вернуться во дворец Лун-вана на отдых.

При лучах заходящего солнца увидели они массивное сооружение с длинными аркадами, оригинальной, загнутой по углам крышей, причудливыми крытыми переходами и круглыми дверями и окнами.

Дворец оказался без обитателей. Все его залы и комнаты были наполнены такими богатствами, о которых на земле и понятия не имеют...

Впрочем, подробный осмотр дворца гении оставили до другого дня, а теперь обратили особенное внимание на кладовые, в которых хранились неисчерпаемые, казалось, запасы чрезвычайно вкусных кушаний и отличных вин, — а в винах ба-сянь толк знали! Гении устали и были голодны; поэтому, отложив поиски нефритовой дощечки до вечера, они тотчас расположились за столом в главном зале, принесли туда столько кушаний и вина, сколько могли захватить, и начался настоящий пир, во время которого было столько съедено, а главное — выпито, сколько могут съесть и выпить только Бессмертные.

Пускай они едят, пьют, шутят и забавляются песнями и импровизацией стихов... А где же Лун-ван?..

VII

ЛУН-ВАН БЕЖИТ В ЮЖНОЕ МОРЕ

Лун-ван, захватив родных, близких и приближенных, бежал с отрядом дворцовой охраны в Южное море. В это времяAo-жэнь, Нань-хай Лун-ван — «князь-дракон Южного моря» — вышел на высокую террасу своего дворца и увидел, что на северо-востоке поднялось густое облако дыма или пыли, которое, заволакивая небо и затмевая солнце, медленно надвигалось на южные владения.

— Эй! — крикнул южный Лун-ван своим приближенным. — Смотрите туда: что это значит? Откуда могли взяться на море дым или пыль? Послать сейчас же наверх, узнать, в чем дело!

Прошло полчаса, не больше, как к владыке Южного моря явился чиновник поверхностной охраны и доложил невероятные дела: что Лун-ван Восточного моря около своего царства сражался с Восемью гениями, и что в пределах Дун-хая все охвачено пламенем...

Ао-жэнь был изумлен и встревожен.

— Вероятно, — сказал он своим сановникам, — слишком важны были причины, побудившие Дун-хай Лун-vana предпринять такую непосильную борьбу... Но почему же он не только не просит помощи, но даже ничего не сообщил мне об этом? Ведь мы, лун-ваны всех морей, всегда оказываем поддержку друг другу... Сейчас же послать нескольких толковых офицеров в Дун-хай (Восточное море), разузнать подробности того, что там происходит. А на всякий случай усилить караулы во дворце и охрану на границе! Воинам быть в боевой готовности и впредь до разрешения никуда не отлучаться из своих помещений!

Не успел Ao-жэнь отдать приказ, как за дворцовой оградой раздались шум и крики. Прибежали приближенные и доложили, что Дун-хай Лун-ван с женой, детьми и приближенными прибыл сюда и просит приюта.

Ао-жэнь изумился еще более и испугался: такого быстрого и тяжелого оборота дела он никак не ожидал... Но долг гостеприимства — прежде всего.

— Просить, просить сюда высокого гостя, — сказал он и двинулся навстречу входившему Восточному Лун-вану, который шел, закрыв лицо руками; сквозь пальцы лились слезы...

— О, мой старший брат, — говорил Ао-жэнь, усаживая гостя рядом с собой с левой стороны, — скажите, что случилось?

Прерывая свои слова рыданиями, гость отвечал:

— Вчера Восемь гениев переправлялись через мое море. Между ними был некий Лань Цай-хэ, который вздумал переплыть воду на каменной дощечке из нефрита, которая издавала такой сильный свет, что дворец озарился, как в самый яркий полдень. Моему старшему сыну, конечно, понравилась эта дощечка; он со своими слугами погнался за Лань Цай-хэ, отобрал дощечку, а его самого посадил в темницу; но я приказал его отпустить... Мы думали, что дело кончено, но жестоко ошиблись...

На помощь к Цай-хэ пришел его товарищ Люй Дунбинь с множеством воинов, и нахально требовал возвращения нефритовой дощечки. Мой старший сын вышел к нему навстречу и погиб... На помощь брату пошел второй сын — и вернулся без плеча; через несколько часов он умер. В душе моей кипела злоба против подлых тварей и, собрав стотысячное войско, я двинулся против них... Я сделал все, что мог, но не был в состоянии одолеть их: они разбили мои войска, и я бежал. Но они, подлые, не удовольствовались своей победой: они стали жечь воду и выжгли море до дна... Теперь у меня нет владений, и мне деваться некуда!

Поэтому я собрал остатки своей семьи и пришел к вам, моему дорогому другу и брату. Я, жена и дети обращаемся к вам с покорной просьбой — приютите нас на остаток наших дней... И умоляю вас: примите меры против коварства этих злых духов, иначе и вас они погубят, и отомстите за нас!

Нань-хай Лун-ван задумался... Конечно, он рад не только оказать гостеприимство такому же, как он сам, лун-вану, но и помочь ему... Только Восточный Лун-ван, пораженный

своими несчастьями, не сказал ему самого главного.

— Скажите, — обратилсяAo-жэнъ к своему гостю, — сколько войска у ба-сяней?

— Воинов у них немногого, но они сражаются так храбро и действуют так дружно, что противиться им прямо нет никакой возможности!

— А где теперь расположены их войска? — снова спросил Ao-жэнъ, которому, видимо, пришла в голову какая-то мысль.

— Они, кажется, сейчас расположились где-то вблизи моего дворца, — отвечал Лун-ван.

— Ну, счастье ваше, что вы оттуда выбрались, — сказал Ao-жэнъ, и затем, помолчав немного, продолжал уже не добродушно, а совсем другим тоном, с оттенком насмешки и явной злобой: — Вы меня извините за откровенность, но я должен сказать вам правду: случилось огромное несчастье, и не только для вас, но и для всего подводного народа, чего вы, по-видимому, еще себе не уяснили. А кто в этом виноват?.. Вина целиком лежит на вашем сыне! Его жадность и своеволие, не сдерживаемые вами, привели вот к какому результату!

Дун-хай Лун-вану так было горько слышать эти упреки, что он заплакал; но, сознавая их справедливость, он не возражал.

Ao-жэню стало его жаль, и он уже мягче продолжал:

— Но и гении поступили по отношению к вам слишком жестоко. Мало того, что они хотят отнять драгоценность, — они жгут целое царство и убивают его население. Это безграничная жестокость с их стороны, ибо они знали, что сила на их стороне, следовательно, они могли остановиться в любой момент. Этого им простить нельзя! Не падайте духом, я отомщу за вас... Ваше теперешнее горе я попробую превратить в радость. Если они с войском расположились около дворца — этим они сами себе подписали смертный приговор.

Удивленный Дун-хай Лун-ван просил Ao-жэня сообщить ему, какое средство может победить могущественного врага.

— Очень просто, — отвечалAo-жэнь. — Если бы они расположились на возвышенности, т. е. на суше, то бороться с ними было бы мудрено; но, раз они находятся около дворца, т. е. в низине, на дне бывшего моря, то они сами отдали себя в нашу власть... Мы быстро спустим воды с суши в море и затопим их. Выхода у них не будет: какими бы силами они ни обладали, какие бы войска у них ни были в распоряжении, им ничто не поможет... Я глубоко уверен, что на этот раз мы победим!

Дун-хай Лун-ван был поражен и обрадован мыслью Ao-жэня; его дело, казавшееся ему ранее безнадежно потерянным, теперь легко могло принять самый благоприятный для него оборот.

— Неприятель, понадеявшись на себя, — продолжал Ao-жэнь, — сделал непростительный промах, оставшись на дне моря. И теперь, и всегда так будет, что самое опасное для победителя время — именно в момент победы, когда войска его расстраиваются, выходят из рук начальников, увлекаются, делают много глупостей и забывают осторожность. Если энергичный противник использует этот момент, победа неминуемо превратится в поражение!

— Но ведь в таком случае нужно действовать сейчас же, — встревожился Дун-хай Лун-ван.

— Мы так и сделаем. Секретарь! Написать сейчас же два письма лун-ванам Северного и Западного морей, и просить их, чтобы завтра с пяти часов утра они ожидали: как только в своих царствах они услышат пушечную пальбу с нашей стороны, то пусть тотчас же на помощь спустят все свои воды к нам, в Восточный океан. Письма эти послать с курьерами молниеносной скорости, чтобы до рассвета были уже получены ответы!

Конечно, всю ночь никто не спал в царстве Ao-жэня, начиная от дворца и кончая отдаленной подводной пещерой. По всем направлениям мчались курьеры — самые быстрые рыбы, развозя приказания. Все светящиеся морские рыбы и животные зажгли свои фонари, и при свете их всюду шли деятельные приготовления к предстоящему выступлению в поход: мечи- и пилы-рыбы оттачивали свое оружие,

молоты-рыбы обновляли обивку на обеих сторонах своих палиц, крабы подновляли бугорки своих клешней, — словом, вся подводная рать готовилась к войне. Прошло несколько часов, все было готовы, иAo-жэнъ только ожидал ответа от Бэй-хай и Си-хай Лун-ванов. Но вот стрелой примчались два курьера и привезли ответы с севера и запада. Оба письма извещали Ao-жэнъ, что просьба его будет в точности исполнена: воды океанов и суши в их владениях будут приготовлены и с первым же пушечным выстрелом спущены в Восточный океан.

Тогда Ao-жэнъ призвал сорок морских и речных начальников и приказал им с первым же появлением воды двинуться в поход.

— Но, — прибавил он, — на воду вы слишком не надейтесь. Хотя она и поможет вам, — мы не знаем, при какой обстановке и где нам придется сражаться. Поэтому будьте внимательны и примите все меры предосторожности: запаситесь всем нужным и помните, что малейший промах с вашей стороны может иметь для вас же самые тяжелые последствия!

Для себя же лично Ao-жэнъ велел приготовить десятитысячный отряд, во главе которого он решил лично принять участие в войне, а Дун-хай Лун-вану велел быть непосредственным его помощником.

Отдав распоряжение плотно накормить свое войско, чтобы не обременять себя лишними тяжестьми в походе, Ao-жэнъ стал ожидать пяти часов, когда он решил начать наступление.

Что случилось потом — мы увидим дальше.

VIII

ЛУН-ВАН ТОПИТ БЕССМЕРТНЫХ

Ба-сянь (восемь духов), отдохнув и основательно подкрепившись, решили осмотреть дворец Лун-вана. Переходя из одного зала в другой, они увидели всюду столько богатства, что ни один смертный не может составить даже приблизительного представления. Золотые резные двери художественной работы, украшенные драгоценными камнями; коралловые решетки, мозаичные картины из редких камней; стены, испещренные жемчугом и бирюзой; яшмовые полы, — всюду соединение блеска, красоты, художественного чутья и таланта. В задних комнатах дворца гении увидели груды драгоценностей, ссыпанные прямо на пол...

Войдя в одно помещение, они были ослеплены ярким светом, исходящим от какого-то предмета, лежавшего наверху груды драгоценностей.

— А, вот и моя дощечка! — воскликнул Лань Цай-хэ и схватил свой злосчастный нефрит, который принес столько несчастий и из-за которого погибло столько жизней...

— Нужно изумляться, — сказал Цао, — до чего жаден был этот негодяй! У него столько богатств, что о существовании их на земле нельзя было и предполагать; зачем же ему понадобилась еще эта и дощечка?.. Он добился только того, что потерял царство и погубил массу жизней. Верно говорит пословица: «Если небо посыпает людям несчастье, то этого следует бояться; но если человек сам его на себя навлечет, то избежать его уже невозможно!»...

Пока ба-сянь беседовали и осматривали дворец, день постепенно склонился к вечеру; тени все удлинялись, пока не перешли за горизонт; наступили сумерки, и о возвращении на «берег» нечего было и думать. Кроме того, все очень устали за день, да и вина из лун-вановских погребов тоже оказали свое действие...

Единогласно было решено переночевать во дворце: разве можно было найти лучшее место?.. Утром же решили

двинуться в обратный путь, в Лун-хуа, где их ожидают души.

Ба-сянь выбрали один зал со множеством мягких диванов, расположились на них и крепко заснули.

Одному только старому Чжан Го-лао плохо спалось: не то безотчетное предчувствие какой-то опасности, не то непривычка к новому месту, не то просто старые кости не давали ему уснуть подобно другим, но только стариk все время испытывал какое-то беспокойство и ворочался с боку на бок.

«Правду говорят, — думал стариk, — что на новом месте всегда плохо спится!»

Пробило уже четыре гэн (около четырех часов утра), а он все еще не мог уснуть. И вдруг он услышал, что где-то далеко выстрелили из пушки... Кто может стрелять, кроме врагов?.. Прислушался, и ему показалось, что он слышит какой-то странный шум и отдаленные голоса...

— Вставайте, друзья! — бросился он будить своих товарищ. — Неприятель снова на нас идет! Я слышал выстрел из пушки и голоса. Нужно приготовиться к встрече.

— Зачем вы нас будите? — раздались голоса. — Только затем, чтобы рассказывать, что вам приснилось или почудилось? Неужели вы думаете, что Лун-ван способен что-либо предпринять после своего полного разгрома?.. Не только он, а его дух, и тот не посмеет!

Но Те-гуай остановил их:

— Позвольте, господа, напомнить вам, что военное дело — своеобразное: самый лучший полководец может десять раз подряд побеждать, а потом неожиданно проиграет битву. Так и в данном случае: мы разбили Лун-вана и думаем, что он более не способен не только к наступлению, но даже к сопротивлению. Но разве Лун-ван не может обратиться к чьей-либо помощи? Разве у него нет родственников или союзников?.. Поэтому я прошу обратить особенное внимание на слова Го-лао... Нет сомнения, что в своем водяном царстве Лун-ван обладал большими силами; мы его лишили воды, и он теперь, как мы думаем, бессилен. Но не смотрите на его проигрыш, как на нечто законченное: если он возьмет свое, т. е. попадет в воду, в родную ему обстановку, то

будет сильнее нас, так как мы не в состоянии противиться врагам среди чуждой нам стихии... Нет, лучше будем осторожны!

— Те-гуай говорит совершенно верно, — отозвался Чжунли. — Я прошу Дун-бина выйти за ограду и посмотреть, что там такое делается?

Но не успел Люй ответить, как снова раздался отдаленный выстрел из пушки и своеобразный шум от многочисленной толпы.

— Бей их, бей! — доносилось сзади, справа и слева. — Никого не щадить!

Все ба-сянь бросились к выходу и увидели, что с юга на них высокой стеной катится черный водяной вал с белыми гребешками, а за ним, за этой водяной завесой, с криком бежит толпа подводных воинов, потрясая в воде самым разнообразным, но равно страшным для людей оружием...

Где спасение?.. Куда бежать?.. Попытаться снова зажечь море бесполезно: вода захлестнет ху-лу сверху и затушит огонь; да если бы вода даже и загорелась, то сколько времени понадобится для того, чтобы она выкипела и сгорела?.. А в это время гении все равно успеют погибнуть...

Все ба-сянь растерялись: спасения, казалось, нет. Вода стала их захлестывать со всех сторон, и тщетно они старались, по грудь в воде, бежать к берегу: они не были водяными жителями, и вода связывала их движения.

Отчаяние закралось в их сердца: очевидно, их игра проиграна, и они погибли.

Вдруг видят они, что Цао Го-цзю не погружен в воду, а спокойно идет по морскому дну, и вода окружает его как бы широкой воронкой, или, как будто, гений находится на дне гигантского стеклянного бокала; мало того — по мере продвижения Го-цзю вперед, вода перед ним расступалась, как бы раздвигаемая какой-то невидимой силой, а сзади смыкалась...

Все невольно устремились к Цао Го-цзю, и тогда заметили, что длинный кусок ткани, опоясывающий его талию, испускает свет, и этот свет окружает Го-цзю как бы эфирной сферой, непроницаемой для воды.

— Вот оно, наше спасение! — крикнул Те-гуай. — Сюда, друзья!

Все гении столпились около обладателя волшебного пояса; но двигаться в таком плотном комке они не могли.

— Послушайте, Го-цзю, — обратился к нему Го-лао, — не лучше ли будет, если вы разделите ваш пояс на восемь частей и дадите каждому из нас по куску; мы все будем держаться вместе, и тогда, надеюсь, спасемся!

Цао Го-цзю понял, что это — единственный шанс на спасение; он беспрекословно снял пояс, засиявший при этом еще ярче, и разорвал его на восемь частей.

Едва ба-сянь взяли каждый по куску пояса в руки, как узкое безводное пространство, окружавшее их, сразу расширилось настолько, что Бессмертные могли свободно идти, не стесняясь друг друга. Они спешно друг за другом двинулись на восток, к берегу. А неприятельские воины, не заметившие их ухода, разыскивали их в бесконечных залах, переходах и закоулках дворца. Это дало гениям возможность беспрепятственно двигаться дальше. Вода, разделяемая невидимой силой, раздвигалась перед ними, и они без всяких дальнейших приключений вышли на сушу.

Лун-ваны четырех морей приказали своим подчиненным, ведавшим запертymi на земле водами, спустить их без остатка как можно скорей в Восточное море. Все приказания были выполнены в точности: массы вод отовсюду хлынули и наполнили всю восточную впадину. От Восьми гениев не было слышно ни звука. Нет сомнения, что они все потонули.

Итак, Дун-хай Лун-ван теперь отомщен!

Ао-жэнь, считая свою задачу выполненной, приказал отозвать все свои войска назад, в места постоянного их расположирования. Затем, желая отпраздновать победу и принести лично благодарность остальным лун-ванам за оказанную помощь, он велел приготовить пир, на который пригла-

сил всех остальных трех морских владык.

Во время пираAo-жэнь сказал:

— Друзья и братья! Много лет мы правили подводным царством... Мы не претендуем на сушу, и власти своей над ней распространять не желаем. Но то, что с суши попадает к нам в море, то по всем законам делается нашим. Никто до сих пор наших прав не оспаривал ни на земле, ни на восьми небесах... И вдруг теперь восемь негодяев, похитивших у природы кое-какие ее тайны, осмелились не только нарушить наш покой, но даже совершить тягчайшее преступление против одного из нас, погубив его сыновей, разрушив его царство и уничтожив почти всех его жителей... Это было преступлением не только против него, но в равной мере против всех нас. Могли ли мы оставить его без возмездия?.. Ни под каким видом!.. И вот только теперь злодеи получили то, чего они сами добивались и что вполне заслужили. Они все погибли, правда восторжествовала, и Дун-хай Лунван отомщен!

В свою очередь, Лун-ван Восточного моря в самых теплых выражениях благодарил остальных лун-ванов за оказанную помощь.

IX

ВОСЕМЬ ДУХОВ ДВИГАЮТ ГОРЫ

Когда ба-сянь выбежали из моря и, утомленные, сели отдохнуть на берегу около большой горы, Хань Сян-цзы сказал:

— Ну и попали же мы в передрягу!.. Спасибо Го-цзю, а то кормили бы мы собой рыб или сами стали бы рыбами. Нужно разобраться, из-за чего нас постигла такая неудача?

— Я полагаю, — возразил Чжун-ли, — что этим вопросом теперь не время заниматься. Ясно, что наш Лун-ван со всех сторон получил большую помощь. Как ни обидно оставить его теперь в покое, но придется так сделать, потому что, по-видимому, нет никакой возможности справиться с объединенными силами четырех лун-ванов.

— Нет, конечно, нет возможности, — согласились все гении.

— Нет, есть, — спокойно возразил Люй Дун-бинь.

— Как есть?.. Какой план?.. Скажите, что можно сделать?.. — посыпались со всех сторон вопросы.

— Я думаю вот что: ведь мы бежали из подводного царства, — следовательно, мы потерпели поражение, а потому не может быть двух мнений о том, продолжать ли борьбу или нет — мы должны ее продолжать! Вы скажете, что если снова начать воевать, то опять будет много новых жертв. А сами лун-ваны, щадили они нас?.. Нет! Зачем же мы будем щадить их?..

Речь эта показалась всем убедительной.

— Но какой же у вас есть план? — спрашивали у Дун-биня. — Ведь теперь обстоятельства переменились не в нашу пользу. У лун-ванов войска гораздо больше, чем было раньше!

— План очень простой, но, полагаю, что он будет действительным против не одной сотни тысяч врагов... Если лун-ваны хотели затопить нас водой, то что же мешает нам... засыпать их землей?

Бессмертные были поражены.

— Как так, землей?! — раздались замечания. — Разве можно засыпать землей весь океан?.. Сколько для этого потребуется времени, земли, да и какая польза?.. Ведь враги все равно уйдут!

Дун-бинь остановил рукой их речи и сказал:

— Я вижу, что вам неясен мой план, и поэтому вы все в душе его не одобряете... Поэтому я вам его поясню. Теперь все четыре лун-вана находятся во дворце в Восточном океане и пируют, празднуя победу. Уверенные в нашей смерти, они не предприняли никаких мер предосторожности. Этим-то моментом нам и следует воспользоваться... Не попробовать ли нам сейчас общими силами сдвинуть эту гору и обрушить ее на наших врагов?.. Если это нам удастся, то их ничто не спасет, хотя бы каждый думал только о личном спасении!

Бессмертные были изумлены еще больше. После момента молчания все заговорили, наперебой восхваляя ум и находчивость Дун-бinya.

— Ну могут ли эти животные бороться с нами! — продолжал Люй. — Возможно, что мы их и не задавим насмерть, но победить-то нас им никак не удастся!.. А теперь, друзья, времени терять нечего: идемте к горе!

Все гении двинулись к огромному массивному кряжу, возвышавшемуся на берегу моря, за вершину которого цеплялись туманы. Центральное каменное тело его уходило далеко в землю, а бока и вершина его были покрыты слоем земли, песка и выветрившихся, отковавшихся камней.

Духи рассыпались по горе, и каждый порознь пробовал двигать ее. Но под их усилиями только вылетали камни и песок...

— Нет, покамест мы не снимем верхний рыхлый слой, — заметил кто-то, — и не сосредоточим всех наших сил на центральном каменном теле горы, до тех пор все наши усилия будут распыляться!

— Верно! — отозвался Те-гуай. — Давайте-ка счистим сначала мусор!

— Нет, — сказал Чжан Го-лао, — такая работа потребует слишком много времени... Я попрошу всех вас, друзья, отойти немножко назад, а вас, Чжун-ли, пустить в ход свой веер!

Семь гениев отошли назад, а Хань Чжун-ли стал сзади горы и махнул на нее веером. В тот же миг с суши налетел страшный вихрь, поднявший с горы тучу песка и пыли... Хань продолжал махать, и поднялся небывалый ураган, который, казалось, рвал гору на части. Страшные удары ветра срывали скалы и целые пласты земли и все несли в море...

Прошло не более получаса, но гора совершенно изменила свой вид: весь песок, камни и земля были снесены, и стоял лишь каменный монолитный остов горы с острыми ребрами и зубчатыми вершинами...

Чжун-ли опустил веер и ураган мгновенно прекратился.

— Кажется, гора выметена довольно чисто? — улыбаясь, спросил Чжун-ли. — Не пора ли приступить к главному?

Тогда Бессмертные разместились у подножья горы с восточной ее стороны, на некотором расстоянии друг от друга, и, по команде Чжун-ли, сразу в восьми местах нажали на гору.

В земле что-то глухо грохнуло, как отдаленный, короткий удар грома. Вся громада горы дрогнула, верхушка ее наклонилась над морем, и вдруг вся гора, постепенно ускоряя движение, со страшным грохотом и треском упала в море... Волны в страхе бешено взметнулись в стороны, затем хлынули назад, но не могли уже занять своего прежнего места: там, где недавно еще была морская пучина, теперь была твердая, каменная суша...

Восемь гениев весело смотрели на работу своих рук.

— Наконец-то, — говорили они, — нами смыт позор и мы вернули себе лицо... Теперь можем спокойно отправиться на наш съезд!

И они, смеясь и перебрасываясь шутками, двинулись в Лун-хуа, не предчувствуя тяжелых последствий своего последнего подвига.

Пир во дворце Дун-хай Лун-вана был в полном разгаре. Все, что только может услаждать вкус и дразнить аппетит, все, что производит море и о чем не имеют представления жители земли, — все было на столе Лун-вана. Но не только для желудка, — здесь было все и для глаз: изумительные картины из драгоценных камней, созданные подводными художниками, украшали зал; танцовщики и танцовщицы всех пород живого подводного царства; певцы, услаждавшие слух гостей; поэты, слагавшие экспромтом оды в честь гостей и баллады, прославлявшие извечную победу воды над землей — лун-ванов над гениями, — словом, пир шел такой, перед которым пиры земных владык могли казаться только жалкой пародией...

Вдруг в зал вбежал офицер дворцовой стражи.

— Государь! — крикнул он. — Над морем что-то случилось; сверху сыплются песок и камни!

Лун-ван и его гости в первый момент не могли понять, в чем дело, но, когда офицер повторил доклад, все бросились из дворца.

Действительно, творилось нечто непонятное: сверху сыпались земля, песок и мелкие камни; осаждаясь в воде, они образовали уже на дне слой в несколько вершков...

— Ну, братья мои, — сказалAo-жэнь, — нет сомнения, что это работа тех негодяев. Мы считали их погибшими, тогда как им каким-то чудом удалось уйти. Недаром нигде не было найдено их тел!

— Ай, смотрите! — закричал Лун-ван Восточного моря.

Все взглянули наверх, куда указывал Лун-ван, и сквозь мутную воду и пыльный воздух увидели зубчатый гребень прибрежной горы, который дрожал, колебался и, казалось, медленно наклонялся над морем.

— На коней! Бежим! — крикнул Ao-жэнь, и все четыре лун-вана с несколькими приближенными бросились к выходу из дворцовой ограды, где, к их счастью, стояло несколько оседланных коней дворцовой стражи.

Обрубить поводья и вскочить в седла было делом одного мгновения. Ударив коней, лун-ваны помчались на юг... И через момент они услыхали позади себя страшный удар

и гигантский всплеск, как бы от падения огромной массы в воду. В то же мгновение могучий водный поток сбил их коней с ног, подхватил всех всадников и со страшной быстротой понес их всех на юг...

Когда быстрота потока несколько уменьшилась и увлекаемые могли задержаться за неровности дна, Дун-хай Лун-ван стал на ноги и взглянул назад...

Кроме нескольких приближенных, увлеченных вместе с ним, за ними никто не следовал: все войска погибли... Дворец и вся впадина, в которой он стоял, были засыпаны камнями и землей, и вместо расстилавшейся ранее над дворцом ровной, гладкой поверхности моря, по которой лишь изредка догоняли одна другую легкие, шаловливые, белопенные волны, — теперь на этом месте далеко вдавался в море мыс или, вернее, целый полуостров, поверхность которого была изборождена рытвинами, трещинами и оврагами и всюду усеяна камнями и скалами...

Пораженный этой картиной, Лун-ван закричал и схватился за сердце. Изо рта у него пошла кровь, и он без чувств упал с коня...

Приближенные подхватили его, посадили на седло и, поддерживая с двух сторон, двинулись дальше на юг, во владенияAo-жэня.

X

ЛУН-ВАН ЖАЛУЕТСЯ НЕБУ

Дорбгой Лун-ван Восточного моря пришел в себя, почувствовал себя лучше, и к моменту приезда в столицу Ао-жэня он совершенно оправился: только волнения, заботы и последнее несчастье наложило на его лицо неизгладимый отпечаток. Он осунулся, постарел, и слезы беспрестанно лились из его глаз. Ао-жэнъ часто посматривал на него и качал головой — он жалел его...

«Если, — думал Ао-жэнъ, — Лун-ван и виноват, то возмездие не по вине: оно чересчур жестоко!»

Наклонившись к уху Лун-вана, Ао-жэнъ сказал:

— Не горюйте, великий Ван, и успокойтесь. Я думаю, что помогу вашему горю. У меня созрел план; если мы его выполним, то на всей земле не будет ни одного места, где могли бы себе найти приют восемь подлых духов!

Лун-ван вскочил: всю его печаль и болезнь как рукой сняло... Ао-жэнъ, славившийся своей мудростью, опыtnостью и талантами правителя, дает ему надежду в тот момент, когда Лун-ван думал, что им потеряно все и невозвратно...

— Дорогой мой старший брат, раз вы говорите, что у вас есть план, я знаю, что этот план будет хорошим... Умоляю вас, скажите скорей, что и как нужно сделать; у меня, кажется, сердце разорвется от радости.

— Садитесь, дорогой брат, слушайте и не волнуйтесь, — успокаивал его Ао-жэнъ. — По моему мнению, на каждого из наших врагов, ба-сяней, падает по четыре преступления: во-первых, они убили ваших детей и нарушили тем человеческий закон; во-вторых, уничтожили дворец государя и этим нарушили государственный закон; в-третьих, столкнули великую гору в море и, в-четвертых, засыпали море; этими преступлениями они нарушили законы природы, т. е. законы Земли и Неба. Мы убедились, что воевать с гениями мы не в силах; следовательно, единственный для нас выход — пожаловаться на них Небесному Двору... Если мы ука-

жем Верховному Повелителю на их преступления, Владыка, конечно, разгневается на них, станет на нашу сторону и пошлет небесные силы против ба-сяней... Возможно, что последние, по своей гордости, вздумают сопротивляться; это будет очень хорошо, потому что на помошь небесным силам мы пошлем и свои войска. Тогда и Небесный Император будет нами доволен, и ненавистные гении будут, наконец, разбиты и жестоко наказаны... В крайнем же случае, если и на этот раз нам не удастся победить их, то и это не беда; если они рискнут сопротивляться, то они, следовательно, решили идти не только против самого Бога, но даже против божьей воли, что еще хуже. Это явится страшным, непростительным грехом... И в таком случае великий Юй Хуан-ди, «Нефритовый Император», сам покарает их. Вы теперь понимаете, что стоит нам написать об этом доклад Высочайшему и хорошенько изложить дело — и тогда гениям не миновать беды: гибель их будет неизбежна!

Лун-ван так обрадовался, что готов был смеяться и плакать, как ребенок:

— Брат мой, мой старший брат! Вы обладаете божественным разумом и талантами!.. Вы совершенно правы — все случится так, как вы говорите, иначе не может быть... Скорее, скорее идите писать доклад!

СкороAo-жэнь от имени Дун-хай Лун-вана написал доклад, который гласил:

«Величайший повелитель всех небес, светил, земли и всего сущего! Я, Лун-ван Восточного моря, по вашему высочайшему велению правил Восточным морем. За все время моей службы я исполнял свои обязанности так старательно, что не только не совершил каких-либо преступлений или противозаконных проступков, но даже не получил ни одного замечания... К величайшему моему горю и печали должен теперь доложить, что ба-сянь, Восемь Бессмертных, не будучи ничем на то вызваны, совершенно разрушили и уничтожили мое царство... Каждый из них совершил по меньшей мере по четыре преступления против законов небесных, земных и человеческих, за что они должны отвечать на основании божественной справедливости: во-первых, они уничи-

тожили целое царство, погубив при этом до тысячи родов и видов обитавших в море разных существ — рыб, животных, драконов и других. Затем, они изменили лицо земли, вынув из нее гору, при этом они уничтожили тысячи десятин земли пашни, на которой уже колосились хлеба... Переправляясь через вверенное мне море, они нарушили божественный закон природы. Я приказал моему старшему сыну наблюдать за поверхностью моря во время этой переправы; и когда он убеждал ба-сяней быть осторожными и не причинять несчастий морскому населению, то они убили его мечом... Мало того, они убили затем и второго моего сына. Не довольствуясь этим, они бросили волшебную огненную хулу в мое царство, сожгли мой дворец и все управления... Считая, что и этого еще недостаточно, они столкнули гору, засыпали мое царство землей и песком, засыпали всех нас и навсегда уничтожили Восточное море, прекратив движение его вод... Ныне, после убийства моих сыновей, я не имею наследников, и мне некому передать после себя престол. Да и я сам, после сожжения дворца и уничтожения моего царства, не знаю, где мне преклонить голову и где искать убежища на склоне лет... А люди, лишенные пашни, где они возьмут земли для земледелия, единственного занятия, которым они могут поддерживать свое существование?!

Почтительно докладывая о всем вышеизложенном Верховному Слуху, ходатайствуя, чтобы Восемь гениев, нарушивших земные и небесные законы, были бы подвергнуты смертной казни. Я же, грешный и недостойный, готов к смерти, потому что горесть моя больше нестерпима для души моей».

Лун-ван пришел в восторг от канцелярской ловкости Ао-жэня и от его искусства излагать факты в потребном ему освещении. Доклад тотчас же был подписан и представлен выше восьми небес, самому великому верховному повелителю миров, Юй Хуан-ди, «Нефритовому Императору».

Юй Хуан-ди, Вселенское Око, Могущество, Сила, Справедливость и Верховная Закономерность, слишком велик, чтобы ведать непосредственно внутренними, домашними делами на земле или на какой-либо другой планете или звез-

де; тем более он обыкновенно не вмешивался в мелкие дрязги разных земных червей. Но теперь, получив донесение от Дун-хай Лун-вана, одного из исправнейших владык, до сих пор никогда не возбуждавшего никаких дел перед вышним Престолом, Юй Хуан-ди разгневался чрезвычайно:

«А, эти ничтожные создания, — вероятно, думал Юй Хуан-ди, Верховный Повелитель, — бывшие еще недавно ничтожными людьми, как только им удалось получить кое-какие знания и овладеть простейшими силами природы, так они тотчас же сделались злобными и самовольными?! Такому вредному самодурству необходимо положить конец!.. Но все-таки нужно сначала расследовать дело, чтобы не нарушить справедливости».

Он потребовал к себе старого, испытанного воеводу небесных сил, Чжао.

— Чжао Юань-шуай (воевода Чжао), — приказал император, — отправляйтесь сейчас же на землю и расследуйте, правда ли то, что написал Дун-хай Лун-ван в своей жалобе? Если подтвердятся указанные четыре преступления ба-сяней, то тотчас усмиритите их, а затем и судите. Если же они вздумают сопротивляться — уничтожьте их без всякой жалости!

Чжао Юань-шуай собрал свой небесный отряд и сейчас же ринулся на землю. Здесь его встретили все четыре лун-вана и положительно обворожили своим приемом, покорностью и готовностью выполнить все предначертания Неба...

Расспрашивая их, воевода Чжао собрал массу данных, служивших к обвинению ба-сяней... Когда же Юань-шуай в сопровождении всех лун-ванов вышел на взморье и огляделся кругом, он увидел, что вместо стоявшей на берегу великой горы образовалась равнина, а вместо Восточного моря, где стоял дворец Лун-вана, теперь простирается изрытая, исковерканная суша...

— Какого же еще лучшего доказательства нам нужно, — сказал с огорчением Чжао Юань-шуай, потому что он все-таки в глубине души надеялся, что вина гениев окажется не так велика... Теперь же, при виде того, что сделали ба-сянь, он окончательно убедился в их злодействах и решил прекратить их свободное существование в земных сферах.

— Где живет каждый из восьми духов? — спросил Чжао.

— Мы затрудняемся ответить на этот вопрос, — ответилAo-жэнь, — но знаем, что все гении в настоящее время находятся вместе на собрании духов в Лун-хуа.

— А, тогда вопрос о розыске их решается сам собой; я тотчас отправлюсь туда и захвачу их всех вместе.

С этими словами Юань-шуй простился с лун-ванами и вместе со своим отрядом небесного воинства отправился в Лун-хуа.

Четыре лун-vana торжествовали.

— Наконец-то, — говорили они, — мы можем быть уверенными, что наши враги будут не только посрамлены, но и погибнут: для них нет спасения!

— А все-таки, — посоветовал осторожный Ao-жэнь, — я полагаю, что каждый из нас должен, вернувшись в свое царство, не сидеть сложа руки, а сформировать по возможности сильные отряды, и часть их тотчас же послать для подкрепления небесных сил, а другую — держать наготове: мало ли что может случиться?.. Нужно всегда иметь солдат под рукой, хотя бы для посылок или разведок!

Все согласились с мудрым драконом и отправились каждый по домам.

БОРЬБА ВОСЬМИ ДУХОВ С НЕБЕСНЫМИ СИЛАМИ

Пир в Лун-хуа был в полном разгаре. Множество духов, обитавших во всех земных священных местах, скрытых от глаз смертных; духи, начиная от недавно вступивших на эту стезю и только что видоизменивших свое тело, и кончая древними могучими гениями, постоянными духовными упражнениями и размышлениеми о Дао доведшими себя почти до божественного состояния; наконец, духи низшего происхождения, прошедшие длинный, многотысячный цикл совершенствования от животного, через вочеловечение, и до высшего существа, — словом, духи всех разрядов, степеней и могущества были здесь налицо. Многие из них, старших степеней, бывали на «Пань-дао-хуй» — собраниях и празднествах у Си-ван-му, потому знали друг друга; но большинство никогда еще не встречали один другого, и цель настоящего собрания была в том, чтобы дать возможность всем духам увидеть друг друга и познакомиться.

Итак, в самый разгар пира вдруг раздался сильный шум снаружи — за воротами окружавшей двор стены. Привратник прибежал и крикнул гостям, что за воротами стоит отряд небесного воинства...

Едва кай-мынь-ди^{*} успел предупредить духов, как во двор верхом на коне и с обнаженным мечом в руке въехал Чжао Юань-шуай, и, обратившись к гостям, толпившимся у дверей, сказал:

— Я прибыл сюда по приказанию Нефритового Императора для того, чтобы арестовать ба-сяней. Предлагаю вам, господа Восемь Бессмертных, добровольно и немедленно всем выйти сюда ко мне и дать себя связать... Я поступаю так не по собственному желанию, поэтому, пожалуйста, не протестуйте и не жалуйтесь, что я поступаю с вами жестоко или не-

^{*} Привратник.

справедливо.

Все собравшиеся духи были поражены и растеряны, потому что не понимали причины появления Чжао.

— Ну, друзья, — сказал Ли Те-гуай, — если Чжао Юаньшуй появился здесь по приказанию Юй Хуан-ди, то, очевидно, на нас последовала жалоба Лун-вана. И так как мы со своей стороны не послали донесения Небесному Императору, нам придется покориться его приказу!

— Погодите, господа, — остановил его Дун-бинь. — Я думаю, что мне нужно выйти к воеводе и попытаться уговорить его. Пусть он немного обождет, ну хоть до завтрашнего дня, а завтра мы со своей стороны напишем доклад Юй-ди. И уже после этого отадим себя в распоряжение Чжао; как хочет, так тогда и пусть с нами поступает.

Все духи вышли на двор и стали уговаривать Чжао. Но воевода остановил их, говоря:

— Большие грехи тяготеют над вами! Прошу вас, господа, повиноваться беспрекословно и отправиться со мной в небесное царство!

— Обождите до завтра, — упрашивали его духи. — Мы завтра подадим доклад Нефритовому Императору и, если он найдет нас виновными — пусть нас наказывает, как хочет!

Чжао рассердился:

— Что-о, до завтра?! Да не только до завтра, я не могу дать вам отсрочки ни на минуту!.. Нечего об этом и толковать!

Горячий Дун-бинь начал сердиться:

— Откуда видны наши преступления, и почему потребовались такая спешность и строгость?

— Как! — возмутился Чжао. — Срыть гору и засыпать море, жечь и убивать — это, по-вашему, пустяки?! Если это не злодейство, то что же вы тогда назовете преступлением?!

— Помилуйте, Юаньшуй, — возразил Дун-бинь, — кто же этому был свидетелем?

— Зачем нам свидетели, — горячился Чжао, — когда существует доклад Дун-хай Лун-вана, служащий несомненным доказательством!

— Ну что вы, воевода, говорите! Да разве можно основываться на односторонних показаниях? И чем Лун-ван в своем докладе страшнее написал, тем он, очевидно, больше наврал!

Возражение Дун-биня и тон его слов раздражали Юань-шуая: он не мог больше себя сдерживать и решил действовать.

— Ну, — крикнул он, — кто из вас прав, кто виноват — я здесь судить не буду! Я действую по приказанию Юй-ди. А раз вы не хотите слушаться, то вот вам!..

И, подняв меч, он хотел ударить Дун-биня. Но последний, заметив это движение, отбежал от него...

Тем временем Чжун-ли, сильно огорченный появлением небесных воинов, подошел к Чжао и был свидетелем его спора с Дун-бинем. Когда Люй убежал и Юань-шуай не мог его поразить, то Чжао опустил поднятый меч не на Дун-биня, а на стоявшего подле Чжун-ли...

Каково же было удивление, когда Чжун-ли по всем правилам военного искусства отбил удар. Чжао схватил Чжун-ли за плечо и хотел увлечь с собой за ворота, но Чжун-ли вырвался. Тогда Юань-шуай опять хотел его ударить мечом, но гений снова отбил его удар.

На помощь своему генералу бросились его воины. Но насколько увеличивалось число врагов, настолько, казалось, возрастили сила и искусство Чжун-ли...

И начался блестящий бой одного гения с отрядом небесных сил, начальник которых с изумлением увидел в своем противнике воина более искусного, чем он сам.

Произошло уже более двухсот схваток, и еще нельзя было решить, на чьей стороне будет победа. Сражавшихся окружили духи тесным кольцом со всех сторон. Увлеченные зрелищем своеобразного поединка, они не заметили, как из ворот во двор широкой волной влились войска Дун-хай Лун-вана и устремились на помочь Юань-шуаю. Но их вовремя увидел Дун-бинь и бросился на них...

Произошла жестокая сеча, во время которой поддавалась то та, то другая сторона.

Более двадцати раз морские воины бросались вперед и должны были отступить. Вдруг из ворот на помощь небесным силам появился еще отряд Ао-жэня...

Тогда из толпы выступил Хань Сян-цзы и напал на морское войско. Нападение было так стремительно и удары так жестоки, что нападавшие под ударами двух гениев стали пятиться и отступать к воротам. Чжун-ли удалось овладеть неприятельским конем, и он сражался на коне еще лучше, чем пешим.

Тогда на помощь нападавшим пришли остальные два Лун-вана, а из рядов Бессмертных выступили Цай-хэ и Сяньту...

С этого момента сражение сделалось общим, и в нем приняли участие все восемь сянь.

Крики, вопли раненых, столбы пыли, поднимаемые воинами и конями, потоки крови, отрубленные члены, трупы морских воинов — все это поражало и приводило в трепет многих из гостей, никогда не видавших сражений... Они изумлялись, с каким остервенением дерутся обе стороны, каждая решив, по-видимому, во что бы то ни стало победить.

Борьба шла уже с полудня до позднего вечера, и ни одна сторона не имела еще перевеса. Вдруг среди сражающихся послышались крик и шум: это кричали нападавшие, увидев, что Чжун-ли упал с лошади.

Видя это, Чжао подбежал к нему и хотел поразить его мечом. Но бывший тут же Те-гуай, заметивший движение Юань-шуая, ударил последнего по руке своей железной палкой... Меч врага упал на землю, и Чжао не мог больше владеть рукой. Те-гуай помог Чжун-ли подняться с земли, и они с новой энергией перешли в наступление на морские войска...

Отряды лун-ванов не могли выдержать натиска, дрогнули, повернули тыл и бежали, рассыпавшись во все стороны, стараясь пробраться к морю. Незаметно исчезло также и небесное воинство со своим воеводой...

Все гости, видя необычайное мужество и искусство восьми духов, восторгались ими, и ба-сянь в этот день приобрели себе немало друзей и сторонников.

Только что закончилось сражение, как гости вышли с чашами, полными вина, и, поднося их Восьми гениям, в самых теплых выражениях поздравляли их с победой.

С ответной речью от имени всех ба-сяней выступил Чжан Го-лао, как самый старый. Поблагодарив гостей, он сказал:

— Вы все, господа, были свидетелями, как тяжело нам приходилось; вы видели, что мы сражались честно и что нападавшими были не мы... Да, сегодня нам удалось победить, но не забудьте, что эта победа является оскорблением для самого Юй-ди... Ведь завтра же сюда явится не такой отряд, как сегодня, а целое небесное воинство. Как же нам надлежит поступить? Ведь наше положение теперь такое, как будто бы мы сидим на тигре; так или иначе, но мы должны слезть с него, т. е. выйти из этого положения. Я полагаю, что величайшим нашим счастьем является присутствие здесь всех вас, дорогих друзей, которые видели все, что тут произошло, и которые, быть может, не откажут нам в своей поддержке!

— Хао (хорошо), — раздалось со всех сторон.

В этот момент из толпы гостей выступил бессмертный старец, известный под прозвищем Ци-тянь Да-шэн, т. е. «Великий мудрец, равный небу», и сказал:

— Господа, я понимаю ваши чувства, ваше волнение и естественные опасения... Я давно слышал о вас, но увидел я вас здесь впервые и проникся к вам уважением и симпатией. Я открыто становлюсь на вашу сторону. И хотя я и ничтожное существо, но верьте, я гарантирую вам, что если небесные войска завтра явятся сюда, то с чем они придут, с тем и уйдут!

Ба-сянь горячо благодарили Да-шэна, и прерванный почти на целый день пир был возобновлен.

XII

ВТОРОЕ СРАЖЕНИЕ С НЕБЕСНЫМИ ВОЙСКАМИ

Чжао Юань-шуй после своего поражения вернулся на небо. Он должен был дать отчет о результатах своей земной экспедиции. Так как сам он писать не мог, то продиктовал своему писцу такой доклад на имя Юй-ди:

«Я, сановник Чжао, удостоился назначения Вашего Императорского Величества для выяснения дела о Восточном море, прибрежной горе и связанных с ними вопросов. Я лично на месте удостоверился, что, действительно, великая гора упала в Восточное море, которое в настоящее время засыпано песком и камнями. Что касается пожаров и убийств, упомянутых в докладе Дун-хай Лун-вана, то эти указания также вполне соответствуют действительности.

Я, сановник, отправился со своим отрядом в Лун-хуа, чтобы захватить преступников. Они не подчинились и, благодаря своим знаниям в магии, не только принудили бежать войска помогавших мне лун-ванов, но и меня ранили в руку. А посему почтительно ходатайствую перед Вашим Величеством о новом командировании на землю энергичного военачальника с достаточным количеством войска для обуздания этих бесчинствующих, и раз навсегда Вашей небесной властью успокоить Восточное царство. Войска четырех лун-ванов также присоединятся к тому отряду, который будет послан Вашим Величеством. При сем присовокупляю, что сейчас мной получено донесение от лун-ванов о новом нападении на них со стороны ба-сяней».

Когда Юй Хуан-ди прочитал этот доклад, он был возмущен еще более, чем при получении доклада Лун-вана... Если в первый раз восемь духов, сводя какие-то счеты с земными созданиями лун-ванами, могли разрушить царство одного из них, то теперь дело совсем другое, и преступление их неизмеримо тяжелее: они осмелились неповиноваться высшему велению и противиться небесным силам. Не ведая мои Неба — они поступают, как малые дети или как взбесив-

шиеся животные, ищащие сами своей гибели!

Юй-ди потребовал к себе лучших своих военачальников — генералов Гуань, Вэнь, Ма и Чжао. Когда те явились, Император сказал:

— Эти бунтовщики ба-сянь снова натворили безобразий на земле, отказались повиноваться моему приказу и даже разбили посланный против них небесный отряд... Их нужно во что бы то ни стало взять живыми или мертвыми. Но теперь овладеть ими будет труднее, чем раньше, потому что к ним теперь, вероятно, присоединились многие новые духи. Поэтому приказываю вам, Гуань и Вэнь, возьмите не меньше сорока тысяч войска, отправьтесь на землю, займите выгодную позицию и поведите наступление на Лун-хуа-хуй (собрание в Лун-хуа). А вы, Ма и Чжао, возьмите двадцать тысяч, и идите за генералами Гуань и Вэнь; вы будете прикрывать их тыл и, в случае нужды, будете их поддерживать. Идите!

Четыре генерала ушли, собрали подчиненные им войска, и тотчас отправились в путь: Гуань и Вэнь — вперед, а за ними, на расстоянии часа пути, — Ма и Чжао.

В дороге с неба на землю Гуань и Вэнь стали обсуждать порученное им дело.

— Я полагаю, — сказал Вэнь, — что, хотя Его Величество и поручил нам действовать всеми силами, но все-таки нам не мешает сначала разузнать то, что до сих пор остается неясенным.

— Что же именно? — спросил Гуань.

— А вот что. Почему ба-сянь — существа, глубоко постигшие Дао, о которых ничего дурного никогда не было слышно, на которых никто никогда не жаловался, — и вдруг ни с того ни с сего напали на лун-ванов, стали жечь, убивать, уничтожать царства и вообще повели себя как разбойники или варвары?.. Я полагаю, что если бы лун-ваны чем-нибудь не спровоцировали духов на эти поступки, то ни один из гениев не позволил бы себе так жестоко поступить с ними!

— А ведь вы правду говорите! — отозвался Гуань. — Причина должна быть, и нам следует ее разузнать и выяснить

на месте — кто же, в самом деле, прав, и кто виноват!

— Я полагаю, что на этот раз кто-нибудь выступит в качестве примирителя и нам не нужно отвергать его услуг. Ведь Чжао Юань-шуй хотя и был очень храбрым, но он слишком поспешно повел наступление, и из-за этого потерпел поражение; и мы, я так полагаю, должны сначала действовать убеждением, быть вежливыми и соблюдать приличие, а потом уже, если потребуется, действовать силой.

— Я с вами совершенно согласен!

Когда небесные силы прибыли в Лун-хуа, то воеводы, выполняя составленный в дороге план, выбрали позицию в стороне от палат, в которых происходило собрание бессмертных, и оставили на них свои войска, а сами выехали вперед и послали курьеров к ба-сяням, уведомляя их о своем прибытии и приглашая их явиться для переговоров.

Как только об этом узнали бессмертные — все испугались, уверенные, что для ба-сяней пришел последний час... Тे-гуай собрал всех своих семерых друзей и сказал:

— Друзья, я полагаю, что теперь дело гораздо серьезнее, чем было раньше... Ведь воеводы Вэнь и Гуань прибыли сюда не вдвоем, а, конечно, с большими силами. Между тем, они, прежде чем пустить в ход войска, вежливо обратились к нам, предлагая начать переговоры. Это заставляет думать, что они гораздо умнее и талантливее, чем Чжао Юань-шуй, — а следовательно, и в военном деле они гораздо искуснее. Поэтому мы должны быть несравненно осторожнее: ни под каким видом мы не должны поступать с ними круто и резко. Положение наше весьма серьезное, поэтому я сейчас отправляюсь к нашему верховному покровителю и владыке просить его помощи, и надеюсь, что Лао-цзюнь (Лао-цзы) не откажет нам в ней. Очень прошу вас, друзья, не забывайте моих слов во время моего отсутствия! Конечно, заранее нельзя знать, что и как здесь произойдет, и вам будет виднее, как лучше поступить в том или ином случае: если у вас будет полная уверенность в победе — начинайте сражение, а если такой уверенности нет, то старайтесь оттянуть время и сохранить свои силы возможно дольше!

— Верно, правду говорит Те-гуай, — раздались голоса. — Идите скорее за помощью, а мы здесь постараемся сделать все так, как вы сказали.

Те-гуай махнул рукой серебристому облачку, пролетавшему над землей; облако опустилось. Ли встал на него; облако плавно и быстро понеслось, унося хромого духа к Чистому сосуду, исполненному Дао, великому Лао-цзюню. Быстро пронесся он через пустоту, находящуюся между земной атмосферой и первым небом, а затем и первое небо, где пребывает Юань-ши Тянь-цзун, первоначальный Владыка Неба. Больше времени у него занял путь через второе небо, где обитает Дао-цзюнь, Владыка Истины, — и вот, наконец, Ли достиг третьего неба, в котором царит сам Тай-шань Лао-цзюнь Хунь-юань Шан-дэ Хуан-ди.

Тем временем в Лун-хуа между ба-сянями шло совещание: что и как предпринять в случае открытия военных действий неприятелем. Чжун-ли, как признанный военный авторитет, распоряжался ничтожными по числу, но могучими духом и магическими знаниями, силами гениев:

— Я предлагаю вам, Цао Го-цзю и Хэ Сянь-гу, держаться вместе и употребить все ваши силы и искусство в случае наступления противника; поддерживать вас будут Лань Цай-хэ, Хань Сян-цзы и Ци-тянь Да-шэн. Мы с Дун-бинем пойдем впереди и начнем переговоры с воеводами Вэнь и Гуань, стараясь оттянуть время. Таким образом, если наши переговоры не приведут к мирному концу, то нам первым придется принять участие в столкновении; тогда уже вы сами действуйте сообразно с обстоятельствами.

Итак, Чжун-ли и Люй Дун-бинь, а за ними Цао Го-цзю, Хэ Сянь-гу, Лань Цай-хэ, Хань Сян-цзы и, наконец, дряхлый старец Ци-тянь Да-шэн вышли из ворот ограды Лун-хуа и направились к холмам, расположенным в некотором отдалении от Лун-хуа, на которых виднелось многочисленное войско.

Тогда из группы небесных военачальников отдалились двое и вышли навстречу гениям. Это были Вэнь и Гуань. Пойдя к двум передовым ба-сяням, небесные воеводы вежливо поклонились и выполнили все полагавшиеся церемонии.

— Господа, — сказал Гуань, — вы, конечно, понимаете, с каким поручением мы сюда пришли. Нам это дело весьма неприятно, но мы, конечно, обязаны его выполнить... Ну зачем, скажите пожалуйста, вы вчера сопротивлялись небесным силам?!

— Да-шуай (великий воевода), — отвечал с поклоном Чжун-ли, — разве мы смели бы умышленно оказывать не послушание Высшему Велению и даже вступить в борьбу с небесными войсками?.. Но мы были принуждены к этому действиями самого Чжао Юань-шуая. Хотя он действовал по приказанию Юй Хуан-ди, перед каждым велением которого мы преклоняемся, но воевода не только не хотел разобраться, кто из нас прав и кто виноват, но даже не спросил у нас ни одного слова, а сразу поступил с нами в высшей степени неприлично и грубо.

Гуань внимательно выслушал его и сказал:

— Хорошо, допустим, что это так, что он с вами действительно поступил слишком спешно и круто. Но зачем же вы — высшие существа — столкнули с места вековечную гору и засыпали извечное море?

— Я очень рад, — отвечал Чжун-ли, — что вы меня об этом спрашиваете... Да, мы это сделали... но на это были у нас весьма основательные причины. В то время, когда мы, отправившись на собрание бессмертных, переправлялись через море, вдруг Дун-хай Лун-ван без всякого повода с нашей стороны обидел одного из нас — Лань Цай-хэ, отняв у него драгоценную магическую нефритовую дощечку... Мало того, он схватил самого Ланя, увлек его в глубь моря, связал, как преступника, и посадил в темницу в своем дворце. Мы неоднократно обращались к Лун-вану, прося его возвратить нашего товарища и отдать вещь. Мало того, что Лун-ван не хотел возвратить нашей драгоценности, но, опираясь на силу войск лун-ванов всех остальных морей, он пошел войной на

нас, скромных отшельников, и хотел своим могуществом оскорбить наше ничтожество... Конечно, этой угрозой он не мог нас испугать, вследствие чего и случилось все, что вам известно.

Не успел Чжун-ли докончить своих слов, как вдруг в рядах небесных воинов раздался сильный шум... Это прибыли генералы Ма и Чжао со своими отрядами и стали заходить в тыл ба-сяням, чтобы отрезать их от Лун-хуа.

— Это что же?! — закричал Чжун-ли. — Предательство, измена?..

Дун-бинь выхватил меч, Гуань и Вэнь также обнажили мечи, — и нельзя было разобрать, кто напал, кто кого ударили, но между небесными воеводами и двумя гениями начался жестокий бой.

Вэнь и Гуань оказались отличными воинами и, несмотря на все свое искусство, два гения не могли их одолеть. Бой продолжался с равным успехом для обеих сторон.

Видя это, Ма и Чжао, подкрепленные лун-вановскими войсками, ударили на ба-сяней сзади.

Тогда из группы гениев, не принимавших до сих пор участия в схватке, выступил вперед богатырь в полном одеянии верховного воеводы, в стеганом боевом платье с насыщенными стальными бляхами, с развевающимися флагами за спиной и двумя длинными фазаньими перьями на голове. Но в руках у него не было другого оружия, кроме длинной железной палки.

Вид его был так грозен, что ближайшие небесные воины невольно попятились от него в страхе...

Ба-сянь с удивлением узнали в этом богатыре дряхлого и немощного старца Ци-тянь Да-шэн...

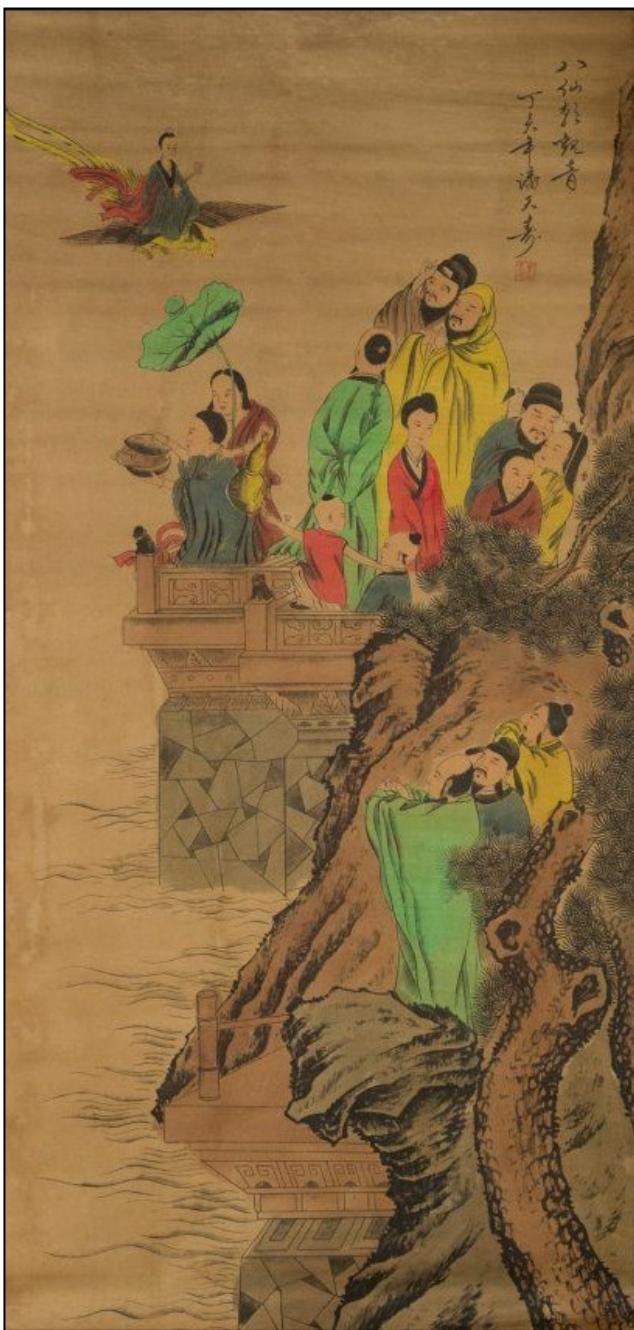
Да-шэн пошел на наступавших с тыла Ма и Чжао, которые выделились из толпы своих войск и также пошли на старика. Оба воеводы скомандовали своим войскам и яростно напали на Да-шэна.

Старик поднял свою палку, взмахнул ею... и двадцать тысяч небесных войск было уничтожено.

Враги побледнели и онемели от испуга. Ма и Чжао хотели отдать приказание остальному войску немедленно от-

ступить, но Да-шэн снова поднял палку... Тогда Ма и Чжао подняли мечи, чтобы защитить себя, но старик ударил по ним палкой, и оба меча небесных военачальников переломились пополам, как будто бы они были сделаны из дерева.

Вмешательство могучего старца воодушевило ба-сяней и сильно подняло их шансы на победу.

XIII

ПРИМИРЕНИЕ

В этот момент наивысшего напряжения вдруг в воздухе появились две благовещие фигуры, в которых как небесные воины, так и гении узнали великого Лао-цзюня и Жулай Фо — великого грядущего Будду, у которого сквозь распахнувшуюся одежду ясно был виден на груди священный, таинственный и могущественный на вечные времена иероглиф «вань»

— Стойте, — повелительно остановили сражающихся небожители, — остановите ваше оружие, мы вас примирим!..

Да-шэнь только что занес свой всесокрушающий жезл, взмах которого должен был погубить еще несколько десятков тысяч войска; увидев же наиболее чтимых не только на земле, но и на Небе существ и услыхав их слова, он удержал руку и опустил страшное оружие на землю.

Лао-цзюнь и Жулай разделили враждующие линии и заставили их немного отступить. Став между ними, божества сказали:

— Расскажите нам, что произошло?

Только что они успели это сказать, как все присутствующие увидели высоко в воздухе человеческую фигуру, со страшной быстротой приближающуюся на облаке к месту сражения. Это привлекло всеобщее внимание, потому что такой способ передвижения доступен, конечно, только высшим существам...

Когда прибывший дух был уже близ поверхности земли и задержал свой спуск, все присутствующие с изумлением узнали в прибывшем саму Гуань-инь Пу-сы, великую богиню-подательницу мира, милосердия, прощения и любви, укротительницу гнева и страстей...

Лао-цзюнь и Жулай поспешили навстречу богине и поддержали ее, когда она сходила с облака.

— Великая богиня, — с низким поклоном сказал Лао-цзюнь, — вы пришли как раз вовремя. Если бы вы немного

опоздали — все равно пришлось бы посыпать за вами, чтобы их примирить.

— Что здесь случилось? — спросила Гуань-инь. — Я почувствовала тяжелые, неприятные колебания мирового эфира и поспешила к тому месту, откуда они исходят.

— Произошла жестокая ссора между лун-ванами и ба-сянями, — продолжал Лао-цзюнь, — и в это дело роковым образом были вовлечены и небесные силы. Мы очень просим вас, подательница мира, примирить обе стороны, и внести покой и утешение в их сердца.

Гуань-инь Пу-сы посмотрела на небесные войска и стоявших за ними лун-ванов, потом на ба-сяней и ответила:

— Я все принять на себя могу, но в это дело, к сожалению, не смею вмешаться...

Жу-лай и Лао-цзюнь были изумлены и опечалены — никогда раньше богиня милосердия не отказывала в милосердии...

— Позвольте, богиня, спросить: почему вы отказываетесь?

Гуань-инь рассмеялась и ответила:

— А потому, что Люй Дун-бинь на том свете, до своего просветления, был слишком ветреным... Был такой случай, что я около Ло-яна строила мост; он часто приходил на место постройки и всячески шутил и издевался надо мной. Я боюсь, что и теперь, если я вмешаюсь в его дела, как бы он опять не стал вышучивать меня!*

* Вероятно, Гуань-инь намекает на следующий случай, сохраненный нам старинной пьесой. Около гор. Ло-яна, в нынешней губернии Хэ-нань, один чжуань-юань (первый ученый), по имени Цай, решил для удобства населения построить мост через топкую речку. Для работ были привлечены местные жители, из коих один все время вышучивал распоряжения ученого. Особенно он был недоволен, когда ему пришлось своими плечами поддерживать камень, образующий замок свода. Очевидно, пролет моста был небольшой, и кладка производилась всухую, без цемента и без кружал. Этот недовольный и был, по преданию, молодой Люй Дунбинь.

Пристыженный Дун-бинь кланялся и говорил:

— Богиня, явите милосердие и простите того глупого повесу, которого вы когда-то видели на земле!

Видя, что богиня шутит, Жу-лай и Лао-цзюнь расхохотались:

— Ручаемся, милосердная, что в настоящее время, да еще в нашем присутствии, Дун-бинь ничего лишнего себе не позволит и явится образцом послушания!

Гуань-инь согласилась принять участие в разборе дела. Все три верховных гостя сели на принесенные из Лун-хуа кресла и стали по очереди вызывать к себе всех лун-ванов и ба-сяней, чтобы каждый из них изложил дело. И каждый говорил по-своему, у каждого была своя правда... Жу-лай сидя слушал, перебирал четки и только про себя потихоньку повторял:

— О-ми-то-фо, о-ми-то-фо!

Когда все кончили свои показания, он махнул рукой и сказал:

— Е-ба, е-ба (ладно, ладно)! Вы, господа, я вижу, все правы, и никто из вас не виновен!

Тогда лун-ваны снова стали укорять гениев и грозить им небесным мщением. Ба-сянь не оставались в долгу.

— Вы, — говорили они, — морские животные, мастера делать гадости исподтишка, а когда приходится расплачиваться, то вы сейчас же к судье через задний ход забегаете!

Словом, затихшая было на минуту ссора снова разгорелась и готова была опять перейти в драку.

Гуань-инь была этим чрезвычайно огорчена. Она встала, подошла к Жу-лаю и Лао-цзюню и, сложив ладони рук перед грудью, сказала:

— Посмотрите! Даже наше присутствие не успокаивает их! Ну что нам делать?

Оба божества встали, поклонились ей и ответили:

— Богиня, пусть будет все так, как вы хотите!

— Я полагаю, — снова через минуту сказала Пу-сы, — что покончить с их ссорой нетрудно; но, так как на них очень обиделся Юй-ди, то мы без его согласия не можем закончить это дело. Я думаю, нам лучше отправиться к Нефрито-

вому Императору и изложить ему все дело.

Лао-цзюнь и Жу-лай согласились с этим, и все трое тотчас понеслись к жилищу Юй-ди, приказав врагам не трогаться с места до их возвращения.

Император выслушал речь богини, в которой она от имени всех троих просила разрешения помирить враждующих. Но Юй-ди возразил ей:

— Ба-сянь совершили слишком большое преступление: они сравняли высокую гору, засыпали море, сожгли дворец, убили множество живых существ... Мало того, они причинили большой вред моему военачальнику. Нет, прежде чем их мирить, ба-сяней нужно примерно наказать!

— О да, Владыка, Восемь гениев совершили ряд преступлений; но вы, государь, должны обратить внимание на то, что они духи, а не низшие существа; а во-вторых, зачем Лун-ван во время переправы их через море не только отнял у них нефритовую драгоценность, но даже заключил в темницу невинного Лань Цай-хэ? Из-за этого у них и было два столкновения. Если бы Лун-ван не позволил себе таких грубых нарушений чужого права, то и со стороны ба-сяней, конечно, не последовало бы таких жестоких поступков... И каждый из них теперь стоит горой за свою правоту, считая себя не виноватым... Что же касается поранения вашего генерала — это случилось нечаянно, они вовсе этого не хотели; все, что они делали, — они делали, защищая свою правоту, и это вовсе не было, государь, сопротивлением вашей воле!

Такое объяснение представило Нефритовому Императору все дело совсем в ином свете, чем ему было доложено раньше.

— А, ну, если так, — уступил он, — то хорошо, я согласен заранее с вашим решением!

Троє судей тотчас вернулись на землю и опустились между обеими раздраженными сторонами, продолжавшими спорить.

— Слушайте, — обратилась Гуань-инь к обоим, — вы долго ссорились и воевали... Если вы будете опять упорствовать и враждовать, опираясь каждый на свою силу или искусство, то, ведь, в конце концов, это принесет большой вред

обеим сторонам: таков непреложный закон был в древности, таков он теперь и таким будет навсегда... Посмотрите на природу, на мир. Разве бывает в нем вечная война?! Как бы ни была длительна борьба, но она должна обязательно когда-нибудь закончиться, и наступает мир... Мы трое ради вашей пользы отправились к Юй-ди, который согласился на наше предложение во что бы то ни стало примирить вас всех. Поэтому я приказываю, — возвысила голос богиня, и все уловили в этом голосе не свойственные ему властные нотки, — приказываю вам всем слушаться меня!

Голос этот и тон оказали на всех магическое влияние. И лун-ваны, и ба-сяни заговорили в один голос:

— Мы знали, богиня, что от вас неправды исходить не может; кто же из нас осмелится неповиноваться вам?!

Гуань-инь улыбнулась:

— Хорошо; а где же нефритовая доска, из-за которой случилось столько бед?

— Я ее потерял, — отозвался Дун-хай Лун-ван, — во время сожжения моря; она, вероятно, была взята ба-сянями.

— Да, она у нас, — сказал Лань Цай-хэ.

— Принесите-ка ее сюда, — приказала Гуань-инь.

Лань тотчас принес злосчастную драгоценность. Небожители, никогда не видавшие ее, стали с любопытством ее рассматривать...

Это была сделанная из нефрита вещь чудной древней ювелирной работы, украшенная необычайно тонкой и замысловатой художественной резьбой. Вся она была не цельная, а состояла из восьми отдельных пластинок, подвижно соединенных в одно целое, символизируя собой единый союз восьми духов...

Не было сомнения, что эта вещь, даже помимо своего магического значения, представляет собой предмет огромной ценности.

Гуань-инь, внимательно рассмотрев драгоценность, отделила от нее две самые лучшие пластинки, сделанные из чистейшего, совершенно безукоризненного молочного камня и, подавая их Лун-вану, сказала:

— Ваши сыновья погибли из-за этих камней — берите

же их себе, пусть вам будет удовлетворением хотя бы сознание того, что смерть их не была совершенно напрасной, а возмещается ныне достижением поставленной ими при жизни цели... Конечно, эти два камня не заменят вам сыновей, но ведь вы все равно погибших никогда уже не увидите, а при взгляде на эти вещицы вы тотчас о них живо вспомните, ясно их себе представите и ощутите их присутствие около себя. Таким образом, эти пластинки сольются в вашем представлении с вашими сыновьями и хоть до известной степени заменят их.

Лун-ван заплакал и, низко склоняясь перед богиней, сказал:

— Спасибо вам, великая богиня! Вы правы — это успокоит мое сердце; я всецело подчиняюсь вам, и отныне я прекращаю нашу вражду... Благодаря этим мертвым драгоценностям, в которых вы вселили душу, вы успокоили меня... Но после того, как засыпан мой дворец и уничтожено мое царство, я стал бедным бесприютным странником, которому негде голову преклонить!..

Гуань-инь задумалась: как выйти из этого положения?..

— Живую потерю я, по возможности, заместила, но никакого приюта дать Лун-вану я не могу. Не можете ли вы помочь этому делу? — обратилась Пу-сы к Жу-лаю и Лаопцзюню.

— Но почему помочь не можете оказать вы? — в свою очередь, спросили те. — Ведь, на основании слов Юй-ди, все без исключения зависит от вас... Что вы захотите, как вы решите — все так и будет!

— А, ну, в таком случае исправить дело будет нетрудно, — улыбнулась Гуань-инь своей божественной приветливой улыбкой, один вид которой приносит утешение скорбящим и исцеляет страждущих... Богиня протянула руку к морю, указывая пальцем на недавно образованную ба-сянями землю, и затем медленно стала поднимать руку, уклоняя ее в сторону берега...

И пред глазами изумленных зрителей совершилось чудо: как будто следуя за движением руки богини, масса земли и камней, ранее упавшая в море, теперь стала подни-

маться из пучины все выше и выше, затем стала наклоняться над берегом, и вскоре огромная гора стала на свое прежнее место — такая же, какой была, пока ее не потревожили басяни...

Этого даже они не ожидали и с восторгом и обожанием смотрели на богиню, столь же могущественную, как и милосердную...

Продолжая хранить свою благостную улыбку, Гуань-инь снова ладонью вниз протянула руку по направлению к морским глубинам, и затем тихо стала поворачивать ее ладонью вверх.

Лун-ваны, глаза которых привыкли к воде, и духи, имеющие двойное зрение благодаря своим магическим знаниям, — все увидели, как покрывающие дно моря развалины стали быстро собираясь вместе, камни начали громоздиться один на другой; роскошное здание быстро росло, и скоро дворец стоял таким же причудливым, роскошным и наполненным сокровищами, каким он был несколько дней тому назад.

Удивленные боги, лун-ваны, духи и гении встали и низко поклонились Гуань-инь, говоря:

— Воистину, вы являетесь богиней Неба, Земли, воздуха и моря!

— Если бы вы не явились сюда, — обратились к ней Жулай и Лао-цзюнь, — то что бы мы двое могли сделать при той ненависти и несогласии, которые царили здесь!

— О, нет, — возразила Пу-сы. — Все то, что вы сейчас здесь видели, сделала не я, а то чувство снисходительности и милосердия, которые часто спрятаны в глубине сердца у каждого существа; нужно только уметь извлечь их из-под гнета других низких и эгоистических забот и побуждений, и тогда они смогут творить чудеса!

— Итак, мир заключен, — обратился ко всем Лао-цзюнь, — но я полагаю, что все мы должны отправиться к Юй-ди и просить у него извинения за доставленное ему беспокойство.

Все лун-ваны и ба-сяни согласились с этим предложением и отправились к Нефритовому Императору.

Небесный Владыка принял богиню, Жу и Лао весьма приветливо и спросил их:

— Удивительно, как это вам удалось их примирить?! И чем же, в конце концов, все дело закончилось?

— Ваше Величество, — отвечали Лао и Жу, — если бы не богиня, то нам никогда бы не удалось примирить враждующие стороны... А богиня взяла только у ба-сяней две нефритовые пластинки и отдала их Лун-вану, возмечая ему жизнь двух сыновей теми вещами, которые прельстили их и из-за которых они потеряли свою жизнь... Вместе с тем, богиня заставила гору вернуться на прежнее место, вернула морю его глубину и водам течение, а затем восстановила дворец. Таким образом, сердце Лун-вана успокоилось, царство ему возвращено, Восточное море снова будет иметь население, и природе возвращены ее права. Не только мы, посредники, но и обе стороны вполне довольны решением; примирение состоялось вполне искренне, и вражда искоренена!

— А, это все очень любопытно, что вы мне доложили, — сказал довольный Юй-ди. — Ну-ка, Гуань-инь, покажите-ка вы мне ту гору, которую извлекли из моря, и то море, которое вы освободили от горы!

Гуань-инь, а за ней и два ее спутника взглянули по направлению к берегу Восточного моря и не узнали местности: хотя, несомненно, это тот самый берег, где они недавно были, вон и Лун-хуа виднеется дальше, — но гора, дважды передвинутая, — как будто не та: она стала значительно выше... И море нельзя узнать — оно сделалось гораздо глубже прежнего, хотя дворец Лун-вана отчетливо виднеется в его глубине...

Видя изумление присутствовавших, Юй-ди рассмеялся:

— Недаром говорится о вас, богиня, что вы обладаете величайшими талантами; ваше искусство вы доказали как на Земле, так и на Небе. УстраниТЬ разногласия на Небе трудно, примирить же их на Земле еще труднее, но нет ничего труднее, как примирить Небо с Землей. Ну, а теперь я все-таки должен наказать тех, кто вызвал столько беспокойства, несчастий и потрясений в природе, на Небе и Земле... Введите сюда лун-ванов и ба-сяней.

Когда четыре лун-вана и Восемь гениев вошли во внутренний чертог Юй-ди и распростерлись ниц, Император строго обратился к ним:

— И вы, лун-ваны, и вы, ба-сяни, без всякого основательного повода осмелились нарушить порядок природы и спокойствие на Земле и Небе... Вы преследовали лишь свои узкие личные интересы, забывая, что ваши распри приносят несчастье тысячам существ. Вам не должно быть прощенья... Но Мировым Порядком установлено, что вся милость находится не у меня, а в руках Дао и Фо. Непостижимыми нам законами, истолковательницей и выражительницей которых явилась Гуань-инь, изначально было предопределено, чтобы вам, обеим провинившимся сторонам, была оказана милость до последних пределов... Но наказанию вы все-таки будете подлежать, потому что справедливость не может быть оскорбляема. Поэтому вы, Лун-ван, целый год будете служить без жалованья, а каждый из вас, ба-сянь, будет понижен на одну степень в вашей духовной иерархии, — также на один год. Если в течение этого года вами не будет учнено никаких проступков, то вы будете восстановлены в прежних степенях!

Ба-сяни и лун-ваны, пораженные в самое сердце милостью Юй-ди, не смели вслух благодарить Нефритового Императора; они только молча сделали троекратный земной поклон и вышли из чертогов Императора.

Лао-цзюнь, Жу-лай и Гуань-инь, со своей стороны, поблагодарили Юй-ди за его милости и снисхождение к слабостям духов и низших существ, — и тоже оставили покой Императора. Ба-сяни и лун-ваны ожидали их за оградой, горячо поблагодарили и сделали перед ними кэ-тоу, после чего три милостивых божества, дав последние наставления, скрылись.

— Друзья, — сказал Люй Дун-бинь, — я думаю, не лучше ли нам не возвращаться в Лун-хуа, где нас ожидает пир; не следует ли нам вернуться каждому в то уединенное убежище, где каждый из нас трудится и старается достигнуть большего совершенства и познания Дао, и откуда мы были вы-

званы для пиров и мирских забав, которые едва не привели нас к гибели?..

— Да, да, конечно, — раздалось со всех сторон.

Все гении сердечно поблагодарили друг друга за дружную поддержку, сели на бегущие облака и понеслись каждый в свою сторону, к своей обычной обстановке и привычному труду.

Четыре небесных военачальника, по приказанию Юй Хуан-ди, очистили земную территорию от своих войск, и с этого времени ссоры, распри и войны прекратились как на Земле, так и на Небе, и все стали жить мирно и дружно.

ПРИМЕЧАНИЯ

В публикуемых текстах безоговорочно исправлены очевидные опечатки; орфография и пунктуация приближены к современным нормам. За единичными исключениями, сохранено авторское написание имен, географических названий, китайских слов и понятий.

Белая змея

Впервые: Шкуркин П. В. Белая змея: Китайская легенда. Хабаровск: Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1910.

В текст внесены существенные авторские правки, содержащиеся в приложенном к книге списке необходимых исправлений.

Путешествие Восьми Бессмертных

Впервые: *Вестник Маньчжурии* (Харбин), 1926, №№ 8-9. Отд. изд.: Шкуркин П. В. Путешествие Восьми Бессмертных за море: Даосское сказание (Отдельные оттиски из «Вестника Маньчжурии» №№ 8 и 9 за 1926 г.). Харбин: Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1926.

Оглавление

БЕЛАЯ ЗМЕЯ: Китайская легенда	6
Предисловие	9
Главы I-XXIV	14
Эпилог	105
Примечания к Легенде о Белой Змее	106
ПУТЕШЕСТВИЕ ВОСЬМИ БЕССМЕРТНЫХ ЗА МОРЬ: Даосское сказание	142
Предисловие	144
Пролог. Пир у Си-ван-му	148
I. Бессмертные переплывают море	154
II. Нападение Лун-вана	160
III. Дун-бинь начинает действовать	163
IV. Бессмертные требуют возращения драгоценности	167
V. Лун-ван решил уничтожить гениев	172
VI. Бессмертные жгут море	178
VII. Лун-ван бежит в Южное море	180

VIII. Лун-ван топит бессмертных	185
IX. Восемь духов двигают горы	190
X. Лун-ван жалуется небу	195
XI. Борьба восьми духов с небесными силами	201
XII. Второе сражение с небесными войсками	206
XIII. Примирение	214
П р и м е ч а н и я	224

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.